

САБЛЕЗУБЫЙ

АЛИНА ПЕРЕДИЙ

Annotation

Бессердечный бабник. Вечный гулящий котяра. Циничный шутник, уверенный, что все бабы одинаково продажны, дело только в сумме.

На первый взгляд.

Загадочная красавица. Отчаявшаяся беглянка с мертвым уже сердцем. Она пойдет на все что угодно ради сохранения так трудно доставшейся свободы. Никому не готовая позволить на нее снова посягнуть.

На первый взгляд.

Случайная встреча. Желание, вспыхнувшее жарко вопреки всякой логике. Вынужденное сожительство.

Разве у них есть шанс на «долго и счастливо»?

История Андрея Боева, друга Яра Камнева из «Гризли».

- [Чередий Галина](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)

- [Глава 56](#)
  - [Глава 57](#)
  - [Глава 58](#)
  - [Глава 59](#)
  - [Глава 60](#)
  - [Глава 61](#)
  - [Глава 62](#)
  - [Глава 63](#)
  - [Глава 64](#)
  - [Глава 65](#)
  - [Эпилог](#)
-

Чередий Галина
САБЛЕЗУБЫЙ

Глава 1

— Боев, ты совсем, что ли, ебанулся? — вылетел нам с Камневым навстречу Колька Шаповалов, стоило только вылезти из тачки.

— Уточнишь, о чем ты конкретно? — нагло осклабился я. Знал, само собой, в чем дело, просто нравилось мне его выбешивать.

Шаповалов стал нашим совладельцем всего год назад, раньше мы просто дружили. Хороший парень, положиться можно при любом раскладе, почти как на Яра. Столько вместе пройдено, столько выпито, сколько саун объезжено, сколько шлюх оттрах...

— Типа ты не знаешь! — Колька аж пятнами весь пошел красными и запыхтел, как перегруженный тягач на старте.

Хороший парень он. Был. Но вот приспичило и ему остепениться. Ладно Камнев, тот вообще никогда особо ходоком или ушлым ебарем не был. Унылый тип, бя. Если и удавалось его вытащить с нами, то такое чувство вечно было, что ему все это не в кайф. Типа выбрался чисто лишнее отлить, давление, в мать ее, системе спустить, а совсем не потрахаться отвязно и от души. У меня такое впечатление, что этот долбанный лебедь-однооб переждал время после ухода сучки, первой жены, до встречи со своей ядовитой погремушкой. Как чуял, что такая напасть ему камнем с неба упадет однажды. Вот ни черта человек не умеет удовольствие от жизни и свободы получать. А теперь еще и этот заразился. Ебаная инфлюэнца моногамии. Фу, чур меня. Противогаз хоть бери и носи или скафандр. И ходишь среди этих подкаблучников целыми днями, пялишься на их рожи дурацко-довольные. Аж несварение у меня. Как будто периодических обедов от Роксаны Камневой-Борджия мне мало. Впрочем, она в последнее время ничё так готовить стала. Обходится почти без изжоги и поноса. Шучу.

— Понятия не имею, — пожал я плечами, скорчив невинную рожу.

— Что опять? — нахмурился Камнев, строго глянув на меня.

— Ты не в курсе еще? — взвился пуще прежнего Шаповалов. — Этот мудила-юморист нам новую секретаршу нанял!

Ну правильно, Сонька-то ушла в декрет. И я тут не при чем! Она сама со своим благоверным. Я хоть и блядво, не отрицаю ни разу, но

одно дело — веселуха без последствий, и другое — дети.

— Что не так-то? — я уже еле сдерживался, ожидая и реакцию Яра. — И разве ты не должен уже сидеть на чемоданах и предвкушать отдых в теплых странах? Хотя, конечно, какой там отдых, со своим-то самоваром...

— Я заскочил на минутку, документы оставить, а тут такое!

— Ну так оставляй и езжай расслабляйся, вон нервы ни к черту. В чем проблема, алё?

— Андрюха? — напрягся друг, хмурясь.

— В чем проблема? — продолжил разоряться на всю парковку Колька. — То есть, по-твоему, посадить в приемной проститутку — это нормально?

— Бывшую, — поправил я, ухмыляясь.

Густые брови Камнева поползли вверх.

— Вы серьезно?

— Еще как серьезно. Он Кристину взял!

— И что? — отошел я от обоих на пару шагов. На всякий. Смотри, какие все дерганые стали. От счастливой семейной жизни, небось, никак не иначе. — Она ушла же уже с панели. Хорошая девочка. Смазливенькая. Сговорчивая. Массаж опять же делать умеет.

— Ага, и сосет по первому требованию, да? — ткнул в меня обвиняюще пальцем почти женатый истерик.

— Во-первых, совесть имей орать непристойности посреди улицы, — поучающим тоном начал я, развлекаясь.

— Я тебе сейчас в челюсть ебну посреди этой улицы, — пообещал зачинщик хипиша. И так убедительно пообещал, прямо слушаешь и веришь.

— А во-вторых, — невозмутимо продолжил я, — ты и сам совсем недавно высоко оценивал... профессиональные навыки Кристюши. Да и Камень вон не раз...

— Вот сейчас заткнись, — тихо, но веско рыкнул Яр своим фирменным «ты почти нарвался» тоном.

— Дебил, у меня тогда еще Аньки не было!

— А у меня никого и по сей день нет. В чем проблема? В себе не уверены, мужики?

— Да ты соображаешь, что будет, когда Анька ко мне на работу решит заскочить? У этой же на лбу прямо весь список

предоставляемых услуг написан заодно с ценником! А одета она как? Камнев, ну скажи ты этому блядуну конченому, что работа и шалавы должны быть отдельно.

— Андрюха, — только и произнес Яр и покачал головой. Ему трындеть не надо, чтобы донести свою позицию.

— Ну чего вы взъелись? Девочка новую жизнь начинает, может, ей шанс нужен. Где ваше это... как его... желание помочь ближнему своему.

Ага, местами-то девочка у нас всех случалась ближе некуда.

— Ей шанс, или тебе обслуживание в рабочее время?

— А вот не хрен завидовать, вы вон оба же у нас счастливые... э-э-э... семейники... семьянины, так что вам от нее только кофе светит.

Камнев молча пошел вперед. И ожидаемо, только заметив его, Кристиночка расплылась в сладкой зазывной улыбочке и подскочила, потопав навстречу, по-блядски вертя задницей, едва прикрытой суперкороткой юбкой.

— Ярик, приве-е-ет! — пропела она, подплывая к другу, нарочно максимально выставляя напоказ сиськи, обтянутые тонкой блузкой, сквозь которую четко обозначились ее напрягшиеся соски.

Крестюша у нас к Камневу слабость давно питает. По большей части, конечно, к его орудию смерти между ногами, но были у нее, насколько знаю, и иллюзии наложить лапки и на все остальное.

— Я так рада, что мы теперь будем вместе работать! — продолжила лить сироп девушка, соблазнительно помахивая ресницами. Даже облизалась демонстративно. Дура. — Я буду очень-очень стараться. Любые ваши указания, только скажите.

Ну ладно, должен признать, что девка может уйти с панели, но далеко не из каждой реально вывести панель.

Камнев смотрел на ритуальные пляски Кристины с заледеневшим лицом секунд тридцать. Повернулся ко мне.

— Убирай, — сказал он отрывисто. — Рокс придет — будем труп прятать. Два трупа.

— Что? — захлопала огромными ресницами бывшая эскортница, глядя в спину уходящему Камневу.

— А я тебе говорил, — фыркнул Шаповалов и пошел за Яром.

Ну не прокатило, чего уж.

— Кристин, ты дура? — спросил явно начавшую злиться девку. — Не могла хоть в первый день одеться прилично и не пытаться чуть ли не с разбегу на член к Камню запрыгнуть?

— Нормально я одета, — возразила она и притопнула ногой, обутой в «трахни меня» красную туфлю. — Ты серьезно думал, что я тут вам кофе с чаем носить собиралась? Смысл время тратить попусту?

Я вытащил бумажник, достал сто баксов и сунул ей в декольте.

— Давай-ка ты домой пока, детка. Вечером завтра подтягивайся в сауну на Вавилова, часам к десяти. Мы с парнями с фирмы устраиваем там предновогодний корпоративчик.

— Ярик будет? — сверкнула она хищно глазками.

— Сука, да усвой ты уже, что он теперь на всю голову окольцованный, другой бабой присвоенный и полностью недоступный.

— Не бывает таких, — фыркнула Кристина. — Уж не мне это втирай.

— Не нарывайся лучше. И Камнева с другими не равняй. Он особой породы. — У Кристины дернулось красивое личико, а во взгляде появилась болезненная зависть. — Так что насчет сауны?

— Я же сказала, что с этим завязала! — с почти достоверной обидой поджала губешки она. Эх, жалость, рот у нее суперрабочий, иметь такой под рукой — ну прелесть же идея. Минет под утренний кофе — лучшее начало рабочего дня. Долбоящера два кастрированных!

— Завязала — не приходи, — пожал я безразлично плечами и пошел восвосяи не оборачиваясь. Придет ведь, знаю.

Перед кабинетом Камнева столкнулся с вылетевшим обратно Колькой, который зыркнул на меня осуждающе и умотал. Весь какой-то взъерошенный стал. Вот ясно, почему Яр периодически заебанный, хоть и скалится счастливо: у него погремушка — это вам не сладкий леденец на палочке, да еще и на сносях. Вот-вот уже вроде Камненку рожаться. А этот-то чего? У него же только недавно конфетно-букетный период кончился. Из-за Кристины прям так завелся?

— Перебор, — буркнул мне Камнев, как только вошел.

— Ой, да брось. Могло стать в офисе повеселее, если бы не вы, ссыкуны.

— Я посмотрю, как ты в свое время ссаться будешь, — улыбнулся скупко друг.

— Не посмотришь. Я вольный стрелок и таким и останусь. Кольцо на палец надевают, а не на член. Я если и соберусь узакониться с кем-то и размножением заняться, то об этом прямым текстом и скажу. Бабы должны четко понимать, что у каждой свое место и роль. Одни — детям сопلي вытирать, жрать варить, в законных женах ходить. Другие — для радости, веселья и расслабухи.

— Дебил ты, Боев, вот как есть дебил. И чую, жизнь тебе за это таких трындюлей отвесит.

— Я хорошо сдачи давать могу.

— Ну-ну. Я завтра на объект за городом. В офисе не появлюсь. Смотри тут, не начуди.

— И что, к нам в сауну и на полчаса не заскочишь?

— На кой мне?

— Ну мало ли. Это не у меня жена с пузом и капризами. Вдруг чего захочешь.

— Нет у Рокс никаких капризов. А тебе поумнеть пора.

— Как ты?

— Зачем как я? По-своему.

Глава 2

— Все кривишься и рожу воротишь, гадина? — Вознесенского сильно шатнуло влево, и он был вынужден отпустить мой подбородок, чтобы опереться на руку одного из моих надзирателей. Но тут же оттолкнул ее и оскалился на парня: — Пошел на хуй, холоп! Ебешь ее, небось, за моей спиной, а?

Так, ясно, старый гондон нажрался в очередной раз до синих чертей. Херово. Пьяный он часами может не кончать, мордуя меня. Но что еще хуже, у него может вообще не встать, и вот тогда действительно меня ждет «веселье». Начнет зло срывать по-другому. А у меня еще с прошлого раза не все синие полосы со спины и задницы сошли. Лицо-то ублюдок никогда не трогает. Ему потом по утрам, видишь ли, смотреть на меня больно. Его тонкая душевная организация не выносит вида побоев на женских лицах. А вот ремнем своим армейский отхерачить — это запросто. Но опять же, в одежде. Через нее-то не видно ничего, да и кожа цела остается. Он же меня типа учит уму-разуму по-отечески, правильно в жизни молодую и бестолковую ориентирует. Заботливый, пидор.

— С ним ебешься, Катька? Или вон с Маратом? — покачиваясь, пьяный ублюдок пошел на меня.

С обоими, бля, чего уж мелочиться, так и хотелось выкрикнуть мне в его красную рожу. Но делать этого нельзя, я же не мазохистка. За эти два года поняла, что лучше промолчать и перетерпеть. Быстрее закружится. А вот по первости и огрызалась, и дралась, и убегала.

— Отвечай! — рявкнул Вознесенский, хватая меня опять за подбородок, стискивая до боли и запрокидывая голову. Уставился в лицо остекленевшим взглядом, засопел и принялся елозить большим пальцем по моей нижней губе, нажимая все сильнее. — Сучка... Что же в тебе такого, тварь неблагодарная, а? Выебать бы да выкинуть, паскуду холодную. Кукла блядская, у меня же от тебя все нутро уже сгорело до углей, а ты хоть бы раз глянула поласковой.

От бухла у тебя нутро сгорело, козлина. Хер тебе по всей морде. К жене своей топай, она пусть и улыбается тебе.

— Я тебя, коза драная, с помойки вытащил. Кем бы стала без меня? Шалавой-алкашкой, как мамаша твоя. Одед, обул, цацками засыпал. Я жене столько брюликов не дарил, как тебе, гадюка! — Засунь себе свои побрякушки в жопу, урод! — Хату купил, личный водитель, охрана у нее. — Ну да, тюрьма и надзиратели. Ни шагу в сторону, прыжок — попытка улететь. — А ты рожу от меня все воротишь! Ноги раздвигаешь, как одолжение делаешь!

Он вlepился в мои губы своими пельменями, пропихивая в рот язык. Меня тут же затошнило. Со всем я уже свыклась, но вот целовать его было невыносимо. И даже терпеть пока сам во рту у меня елозил. Уж лучше отсосать ему, чем это. Как прямо в душу гадит. Хуже, чем когда трахает.

Давясь начавшимися рвотными позывами, я отшатнулась и дернула пояс шелкового халата, сбросила его с плеч, оставаясь голой. Мне плевать, что охранники пялятся. Они уже чего только не навидались.

— Пошли в постель, — позвала своего мучителя и, повернувшись, пошла по коридору в сторону спальни.

— Хули вы zenки свои в нее уперли! — заорал Вознесенский. — Узнаю, что хоть кто в нее хер свой сунул — урою! Кастрирую собственными руками, на куски живьем порубаю и урою! Ясно?! Это моя баба, моя!

Он еще верещал, а я вытянулась на животе поперек постели и подложила руки под щеку, уставившись в телек. Внутри привычно растекалось онемение, я себя уже выдрессировала «включать» его каждый раз. Иначе бы сдохла, наверное.

— Лицом повернись ко мне, дрянь! — велел стягивающий с себя шмотки Вознесенский, и я подчинилась. Не похер ли как, лишь бы побыстрее. — Ненавидишь меня, да, Катька? А мне похуй на твою ненависть.

На самом деле, сейчас я не чувствовала уже ничего. Ненависть была поначалу и жгла меня же живо. Мне и без нее мучений хватало.

— А знаешь почему? — нависнув надо мной Дмитрий жрал меня плотоядным взглядом, грубо лапая за грудь и больно скручивая соски. — Потому что ты моя вещь. Я тебя купил с потрохами. Купил, поняла? Если посмеешь еще перед кем ноги раздвинуть, я с тебя шкуру спущу. А потом вылечу и снова драть буду. — Он навалился,

умащиваясь между моих ног. — Моя, поняла? Моя... моя... Не отпущу. Удавлю сам, но никому не достанешься. Любого, кто хоть прикоснется, замочу. Поняла?

Да все я поняла. Каждый раз талдычит это, пока трахает, пока под конец не раскисает и не начинает сюсюкать да соплями и слезам меня своими пачкать. Любит типа он меня, ага. Во все щели прямо. Роковая страсть у него: увидел и пропал. Сердце у него из-за меня болит. Да откуда у тебя сердце, мразь? У тебя хер и твои хотелки вместо него. Хоть бы ты сдох уже. Кончил и сдох. А я бы встала, подмылась и свалила отсюда в жизнь. Ту самую, которой у меня еще и не было. Работу бы нашла. Учиться пошла. На доктора. Мать бы от пьянства вылечила. И никто бы нам уже никогда не угрожал.

Жестокий укус в шею заставил меня вернуться из пространства, куда себя отправляла в такие моменты.

— На меня смотри! — навис Дмитрий надо мной. — На меня! Не смей представлять себе кого-то. Я тебя имею! Я!

И он сжал мое горло, начав толкаться с такой скоростью, что аж сипеть от натуги стал.

— Нравится тебе так, а? Нравится, шлюха? — сипел он.

О да, продолжай, дорогой! Мне так хорошо при мысли, что тебя от такого темпа может удар хватить. Инсульт, скажем, долбануть. И будешь ты лежать беспомощный, а все вокруг примутся глумиться над тобой. Потому что ты не только меня заебал, тебя все ненавидят.

— Через неделю на Кипр едем, — сообщил мне Вознесенский, что так и не откинулся, к сожалению. Хрипит вон, потный, вонючий, но живой. — У дочки свадьба там. Я тебя на этаж ниже поселю. Чтобы под рукой была. А то оставь тут, и всех охранников в постель перетаскаешь. Каждому дашь, да?

Дам, конечно. Хоть узнаю, как это, по своей воле. Для чего-то же другие бабы спят с мужиками. Не все же, как я, или из-за бабок. Есть и по любви. Или просто для удовольствия.

— Ты меня слышишь? — поднялся Дмитрий на локте и опять уставился мне в лицо. Протянул руку и принялся оглаживать щеки и губы. — Что же ты за девка такая, Катька? Смотрю на тебя и помираю. Крючит всего и душит. Я же все для тебя готов... все... А ты как мертвая. Слова лишнего не скажешь. Сама не дотронешься никогда. Убью ведь я тебя однажды. Убью реально.

— Ну началось снова! — закатила я глаза и вскочила с постели, желая смыть с себя все следы его прикосновений. — Ты домой когда?

— Дождаться не можешь, когда свалю? Обломайся! С тобой останусь сегодня!

Как же я это терпеть не могу! Еще и храп его слушать.

Бессонная ночь тянулась бесконечно. И только ранним утром я стала придремывать. Вознесенский поднялся в полседьмого, я лежала неподвижно, с закрытыми глазами и надеялась, что его с утра на секс не потянет. Он собрался, но еще минут пять стоял над кроватью, пялясь на меня. Ушел, хлопнула входная дверь, и я сорвалась на балкон при спальне. Вытащила припрятанную под креслом пачку сигарет и зажигалку и с удовольствием затянулась, слушая, как загудел внизу в гараже движок его тачки. Слушать, как он сваливает, — одно из моих малочисленных удовольствий. Как и покурить ему вслед, зная, как он ненавидит запах сигаретного дыма.

— Эй, Димасик, тормози! — услышала я со своего места голос матери. Судя по нему, она вдата и сильно. Впрочем, как всегда.

— Ты охренела, курва старая?! Какой я тебе Димасик! — зарычал невидимый мне Вознесенский.

Я аж дымом подавилась. Мама, куда ты лезешь? Он же сейчас опять тебя избить прикажет. Как же, целого мэра-самодержца Димасиком назвать. Уже почти высунулась закричать ей, но тут почему-то приморозило на месте.

— Ну как же, зятек почти. Вон дочку мою любимую, красавицу, кровиночку дерешь. Родня почти, — мать засмеялась, и я поежилась от ее циничного тона. Я-то привыкла слышать ее слезливой и жалобной, утешающей меня, по возможности, и причитающей от страха.

— Ты чего приперлась, дура?

— Так это... денжат бы мне. Хотела у дочки перехватить. А тут ты смотрю.

— Я тебе в этом месяце уже платил, отвали. Ты и эти не отработываешь.

Что?

— Так не хватает мне. Добавить бы.

— А за что тебе добавлять? Ты же дочь свою научить, как быть со своим благодетелем поласковой, не можешь. Как была бревно с

глазами, так и осталась. Дождетесь, выкину вас, как мусор. Мало, что ли, девок свежих.

— Ну ты-то на мою Катьку запал. Запа-а-ал, не звизди, Димасик. Потому что она у меня брильянт!

— Кусок камня твоя Катька. Не одумается — выкину. Или вообще Кривому в его притон продам. Там ее быстро научат, как быть с клиентами ласковой да услужливой.

— Да не пенься ты. Слышь, а давай по новой твои амбалы меня чуть помнут, как в тот раз, в больничку положим. Катьку привезешь, я ей поплачусь, попрошу мать пожалеть. Мол, из-за ее упрямства мне страдать. Или там болячку мне страшную придумаем. Чтобы денег много надо. Она тогда расстарается, вот увидишь.

Сигарета выпала у меня из пальцев. Как же так, мама? Как так?

— Тихо ты, идиотка бухая! — шикнул на нее Вознесенский. — В машину быстро села!

Я поднесла трясущуюся руку к лицу, тупо глядя на нее, и перед глазами все расплывалось. Моя реальность расплывалась. Выворачивалась наизнанку. Как. Же. Так?

— Катерина Олеговна! У вас все в порядке?

Марат вывел меня из ступора, появившись на балконе. Проморгавшись, я поняла, что дико замерзла. Ведь вышла на балкон в одном халате и сижу тут черт-те сколько.

— Кать, что, сильно лютовал в этот раз? — спросил охранник уже тише. — Смотри, синяя ты уже вся, застыла. Заболеешь, он нам всем таких пистонов навставляет. Иди внутрь.

Я медленно поднялась и зашла в спальню.

— Давай ванну наберу горячую, — продолжил суету Марат.

Я глянула на дверь. Второго надзирателя, Алексея, редкого гада, кстати, не было видно. Торопливо подбежала к сейфу в стене и открыла его. Загребла пятерней, как мусор, кучу украшений и подскочила к мужчине.

— Марат, ради бога, помоги мне свалить отсюда! — зашептала ему в ухо, запихивая сверкающее содержимое ладони в его карман.

— Сдурела! — шархнул от от меня. — У меня семья, дочери вон. Вознесенский нас закопает, если тебя упустим.

— Умоляю! — плюхнулась я на колени. — Если твою дочь так... на мое место...

— Не смей! — шипел он на меня. — Что я могу, Кать? Ну чего тебе с ним не живется нормально? Погладь разок, улыбнись, и он усрется от счастья. Что тебе стоит? Другие бы горло за такую жизнь перегрызли любому.

— Вот пусть и грызут. — Руки у меня опустились, и я села на толстый ковер, усмехаясь глядя на россыпь золота, платины и сверкающих камней, ценой в целое состояние.

— Кать... — Марат топтался рядом. — Кать... Если сбежишь, он же мать твою...

Я вскинула голову.

— Что? Покалечит? Убьет? Не гони мне!

— Откуда узнала?

— Что меня, оказывается, продали? Не похер ли.

А я ведь терпела, все думала, что спасительница вся из себя. Единственному родному человеку жизнь и здоровье сохраняю, ложась под этого мерзавца. А не главный он, выходит, мерзавец. Настойчивый покупатель, точнее. Купил вещь, пользуется как хочется.

Марат ушел, скорее уж, сбежал. Но вечером, заноса на кухню доставленный из ресторана, как обычно, ужин шепнул мне одними губами: «В аэропорту. Будь готова».

Глава 3

— Давайте, ездайте все вместе, мужики! — махнул я щедро парням в холле.

— Так а на посту... — начал новичок Трофимов, но я заткнул его.

— Слышь, начальство говорит, ездай кайфовать — значит, надо исполнять. Кому наш офис сдался, что тут красть? Валите, я сам все закрою.

— Но Ярослав Федо...

— Камнева тут нет и уже до послезавтра не будет. Все, вперед, нас ждут вискарь, водяра, жрачка от пуза и сиськи. Много-много сочных сисек.

Больше возражений не последовало, и все вывалились в двери, оставляя меня в тишине. Оно и понятно, какой нормальный мужик откажется от такой заманухи? Пожрать, набухаться и потрахаться на халяву. Разве что один из этих придурочных семейников. Оно же уныло сидеть около одной задницы, ожидая благосклонности куда как приятнее, чем без всякого напряжения оттянуться с любой другой доступной. Как же, та единственная прям золотая. Или пизда там поперек. Я неторопливо прошелся, проверяя двери всех кабинетов и черный ход. Конечно, я подбил подчиненных на безобразии и безответственность, но сам-то все контролирую, и один раз в году — ни разу не водолаз. Не распустятся небось. Пусть кайфанут, лучше работать будут и начальство крепче любить.

Поймав свое отражение в темном стекле, я отчего то завис. Четыре года назад, день в день, да, Андрюха? Четыре года. Забил же вроде, пошел дальше. Живу не тужу. А вот вдруг ни с чего, словно опять как пинок смачный с оттягом прямиком по голому сердцу.

— Юль, хорош, ты обещала, — процедил я, глядя на ее роскошные светлые волосы, рассыпавшиеся по обнаженной спине.

Как же они всегда пахли! Роскошью, что ли, мечтой пацанячьей о том, что такому, как я, только чудом обломится могло. Только носом утыкался — и уносило к хренам.

— Андрюша, ну не начинай, а, — глянула Юлька через плечо, торопливо натягивая чулок. — Ну не могу я сейчас.

— Ты мне это уже год повторяешь, — начал заводиться я. — Когда?

— Когда будет подходящий момент. — Она вскочила и, встав ко мне боком, надевала лифчик. У меня опять вставал, просто от взгляда на очертания ее груди в тусклом свете номера.

— Когда он будет? — нажал я, садясь и чувствуя внезапное поганое такое головокружение и удушье. Я знал ответ. Уже знал. Может, даже с самого начала. Знал, но не хотел этого.

— Малыш, ну что ты снова? — мурлыкающий тон, от которого у меня раньше в голове плыло, сейчас почудился каким-то оскорбительным. Будто я недалекий, одноклеточный и капризный на пустом месте. — Ну все же хорошо у нас? Ты меня просто с ума сводишь от удовольствия. Потерпи, я постараюсь еще разок на этой неделе вырваться...

— Да какого хера, Юль! — не выдержав, взорвался я вскакивая. — Я тебя про что спрашиваю? Про очередной сеанс поебаться, что ли?

— Андрюша... — брезгливо поморщилась женщина, сожравшая мои мозги. — Ну я же тебя просила. Ладно я еще во время секса терплю эту твою матерщину, но не сейч...

— Кончай мне херню городить! — Я схватил ее за плечи и потряхнул, глядя в глаза, в которых себя терял. — Меня затрахало отпускать тебя каждый раз к нему! Ты моя или нет? Когда ты ему скажешь и переберешься ко мне?

— Да прекрати, Боев! — с неожиданным раздражением Юля дернула локтями, освобождаясь и отступая от меня подальше. — Ну как ты себе это представляешь?

— Что?

— Мой переезд. Куда? В твою двушку после загородного дома в триста квадратов? Я твоя и так. С тобой сплю.

— Ты со мной трахаешься, а спишь с ним. Живешь с ним. Дом тебе нужен? Так скажи какой, я тебе отстрою!

— Как будто в доме дело! Да, я с Костей живу. А тебе чего надо? Чтобы мы задницами терлись каждый день и ночь? Чтобы я в халате домашнем тебе борщи варила и носки стирала? А я этого не хочу, Боев,

ясно?! Меня устраивает моя жизнь, где мне ничего этого делать не надо. Того, что денег может на что-то не хватить, не надо.

— Так дело все в бабках? Думаешь, я не заработаю, сколько тебе нужно?

— Боюсь, ты даже не представляешь, сколько нужно для того, чтобы иметь меня в качестве жены, Андрюша.

— Потяну.

— Господи, ну как тебе еще-то объяснить! — от раздражения она даже ногой притопнула. — Без обид, но кто ты? Совладелец охранного бизнеса Андрей Боев? Кто тебя знает? А он — Константин Завадский. Нефть, алмазы, связи, имя, положение. Куда я буду выходить с тобой? Максимум раз в неделю в ресторан? У меня есть все, что нужно. Уже есть. Так понятнее?

— Все, что нужно, да? Муж — для бабок и жизни роскошной, выходов в свет, и дурак Боев — для хорошего проеба? — Мне в брюхо как углей набили, и они жгли-жгли...

— Ты опять? Для чего все опошлять? Я люблю тебя. Разве этого мало?

— Мало, бля, если этого недостаточно, чтобы выбрать меня одного. Или бабки мужа ты любишь так же сильно?

— Знаешь, я не буду с тобой сейчас разговаривать, Андрюша. И оскорбления от тебя выслушивать не намерена. В меня тычешь, а сам чем лучше? Думаешь, я не знаю о том, что ты девок по баням таскаешь?

— Да потому что я не могу вот так... раз в две недели. Не могу спать, зная, что ты с ним... под ним...

— Ну что же, ты нашел себе прекрасное успокоительное в виде дешевых шалав. Мне не противно разве понимать, что ты с ними после МЕНЯ?!

— После тебя, да? Противно, говоришь? А в чем такая принципиальная разница между ними и тобой, а, Юль? В цене? Они за деньги ноги раздвигают и ты.

— Да как ты!.. — Любимое лицо исказилось и пошло некрасивыми пятнами. — Ты... сравнить меня... Меня! Еще на брюхе приползешь и умолять будешь!

Скорее всего, так и будет. Уже такое чувство, будто сам себе тесак в грудь воткнул и проворачиваю.

— Надумаешь извиниться — позвонишь! — И Юля ушла, хлопнув дверью номера.

А я нажрался. Чуть не до смерти. И телефон расхерачил. Топтал его и топтал, пока в дверь долбить не начали. И не приполз. Хоть и очень хотел. Аж до воя. Меня ломало без нее. Материл себя на чем свет стоит. Чего было доводить до этого? Пусть бы хоть так. Хоть по капле, но моя. Но потом в ум приходил. Нет, мне такого от нее не надо. Или вся моя, или лучше с корнями. С кровью и кишками. Один раз и насовсем.

— Насовсем, ага, — ухмыльнулся я своему отражению в стекле. — Оно и видно, как насовсем.

— Але-е! — Хрипловатый женский голос послышался из коридора, мигом стерев картинку из прошлого. — Есть здесь кто? Дверь открыта была.

Мне вдруг захотелось увидеть обладательницу этого звучания. Оно как щекоткой мне по нервам прошло, аж все волосья на шкуре дыбом.

Глава 4

— Вы кто и к кому? — Я шагнул навстречу, стараясь рассмотреть визитерку.

Очень странную, однако, визитерку. Рост где-то сто семьдесят. Одета во что-то бесформенное. Вроде как замызганный мужской плащ размеров на пять больше, чем нужно. Плащ. В конце декабря. На улице с утра было тепло. Минус пять всего-то. Фигуры не разобрать. Зато запашок своеобразный очень даже различим. Как будто она где-то в зассаном подвале живет. И над этим куском грязной херни, в которую она зябко куталась голова на тонкой такой, прям аристократической шейке. Не тощей, а именно изящной. Поднимаясь вверх, облапал глазами очертания подбородка и рта. А ничего так. Прям очень ничего. Личико хорошенькое. Хотя нет. Это по-другому назвать тянет. Съедобное, что ли. Не в смысле сожрать, а облизал бы и эти скулы, и губы бледные. Ну или головкой члена бы обвел, размазывая сперму. Блядь, прав Камнев, кто о чем, а вшивый о бане. От нее разит, близко не подойти, а я все о ебле. Посмотрел напоследок в глаза... Ух ты! Здесь темновато, но что-то аж мурашки по хребтине. Волосы, брови, ресницы у девахи-то чернющие, а глаза как прозрачные. Такие светлые, что та вода. И глядит пристально, как чего поганого от меня ждет.

Против воли все же передернулся. Такое чувство, как кто по спине куском льда провел. Сначала холодком обожгло, потом тут же жаром. И встал у меня. Здрате.

— Мне нужен Николай Шаповалов, — ответила необычная бомжиха, выходя окончательно на пятачок света, что падал у меня из-за спины.

— По какому вопросу?

— Это личное.

— Так, может, я помогу?

— Я же сказала, это личное! — чуть повысила она голос и нахмурилась. — Очень личное.

Вот оно как. И ты мне сраные лекции о морали вчера читал тут, Шаповалов. Серьезно? На острова с Анькой своей, а к самому девка вон подвалила. Дело у нее личное. Ага, знаю я эти ваши дела.

— Залетела? — ухмыльнувшись, спросил я.

— Что?

— Говорю, налажал Колька, да? Срок хоть какой? На аборт еще успеваешь?

Ну давай уже, начинай просить денег, что ли, а то меня дела повеселее ждут, чем разборки с чужим косяком.

— С какой стати на «ты» и этот допрос? — оцетинилась она, отступая на шаг и сощутив свои необычные глаза. — Я, по-моему, четко сказала, что мне нужен Николай Шаповалов. Совладелец охранного агентства «Орион». На вывеске над входом так и написано. Он здесь или нет?

Надо же, какие бродяжки пошли информированные.

— Повторюсь: по какому, мать его, вопросу?

— По. Личному, — отчеканила она. — Который тебя ни хера не касается, ведь ты не он.

— Слушай сюда, девочка с помойки. Шаповалова здесь нет. И не будет. Тебе ловить с ним нечего. Если нужно лавэ — прямо говори. Я тебе отслюнявлю, и топай отсюда. А то проветривать потом умаешься.

— Ты тупой? Мне. Нужен. Шаповалов.

— Нет, тупая здесь ты. Но это ненадолго. Так, если бабок не надо, то мандуй на выход. У меня дела еще.

Я отвернулся, захлопнул дверь и повернул ключ в замке. И тут у меня брови поползли вверх, а яйца сжались. Потому как в мой висок уперся ствол.

— Шаповалов, — прошипела девка. — Пожалуйста, сука.

Я даже моргнул пару раз, почти кайфанув от такой борзоты. Смотри-ка, отчаянная какая. Может, ее, если отмыть, и трахнуть будет не в западло? Член эту мысль одобрил. С большим энтузиазмом. Вот кто знал, что ствол у башки способен так меня завести? Не замечал за собой.

— Ну раз пожалуйста, — фыркнул я и молниеносно схватил за запястье, сжимая и выворачивая кисть, чтобы заставить бросить оружие, дернул на себя и вжался в живот стояком. — И всю жизнь, дорогуша, был кобелем, им и остаюсь.

Пистолет тяжело грякнул об пол, но вслед за ним, вскрикнув как-то чересчур болезненно, стала обвисать в моем захвате и сама террористка.

— Что за херня! — возмутился я, подхватывая обмякшее легкое тело. — Я же и не сжал толком!

Донес это недоразумение до поста охраны в холле. Уложил на диван, предварительно стряхнув с нее вонючий плащ. Под ним она оказалась в спортивном костюме. Вполне себе приличном, таком бархатистом, с блестками какими-то. На рынке таких валом. Без смердящего плаща неожиданно уловил тонкий аромат парфюма. Я немного научился разбираться в этом бабском дерьме. Дорогой запах. Не подделка польская или гребаная «Шахеризада» или «Розы Кавказа». Из тех, что в голове у мужика вызывают какое-то особое шевеление, волнение, что ли, и держатся на одежде долго, неделями. А леди-бомж у меня с сюрпризом, похоже. Облапал, обыскивая, не отказав себе в удовольствии и хорошенько изучить формы. Все в порядке у нее с прелестями. В охренительном таком порядке. Все же член у меня интуит прямо. Такое стоит трахнуть. Так, а что это у нас массивное на поясе? Еще оружие?

Дернув вверх ее одежду, обнажая часть живота, увидел небольшую сумочку-кошелек, что носят обычно на талии или бедрах. Как они там бишь называются? Да похрен. Главное, что весила эта фигнюшка что-то подозрительно много. Дернул молнию.

— Нихуясе! — присвистнул, когда оттуда посыпались кольца, цепочки, подвески — и все явно не бижутерия. — Ай да девочка с секретом!

Собрал все на место, но саму сумочку снял с незнакомки и отложил на стол. Еще пошарил. Документов, денег, телефона, даже расчески сраной нет. Вот ведь чудно. Вспомнил про ее руку и аккуратно задрал рукав.

— Ну, бля, супер. Пролетаю я с весельем сегодня.

Запястье свалившейся на мою голову проблемы выглядело распухшим и посиневшим. Конкретный такой ушиб или даже, может, закрытый перелом.

— Шаповалов, ты мне, гаденыш, должен будешь, как земля колхозу, — пробормотал с досадой, скидывая свою дубленку и заворачивая в нее любительницу пощеголять в плаще в декабре.

Зыркнул на ее ноги.

— Ну логично, чё.

В кроссовках. Физкультурница тут у меня. Прицепив себе на пояс ее переносной мини-сейф, прихватил ствол, поднял девку и понес в машину. Провести вечер в приемном покое больницы вместо сауны со шлюхами — прям мечта, ага. Должен, ох, должен мне Колька.

Глава 5

— Куда поедешь — знать не хочу, Катька. Найдет тебя...

— Я не сдам. Не сдам, Марат. Даже не думай!

— Вот держи, — сунул он мне в ладонь что-то железное. — Ячейка хранения в универсаме на Горького. Две остановки от аэропорта. Номер восемь. Там шмотки другие и денег немного. Цацки взяла?

— Угу, — ответила, не оборачиваясь к нему, наблюдая, как Вознесенский общается у стойки регистрации на посадку с повисшей на его локте супругой.

Он, не скрываясь, пас меня, находящуюся в конце этой же очереди, а его благоверная делала вид, что не замечает. Приличия же типа соблюдены. Она с ним рядышком, благопристойное такое семейство, а подстилка-любовница, которую тащат почти как багаж в сопровождении охраны, болтается где-то сзади, где ей самое место.

— Ты только по своему паспорту сдавать их не думай. — Вообще-то, мой паспорт лежит сейчас в кармане у жирдяя Лехи, и я его в руках уже два года не держала, но поправлять Марата или останавливать не стала. Придумаю что-нибудь. — На раз вычислит тебя. И ездить старайся не на такси и тем более не суйся на самолет. Вообще не светись нигде с документами. Найди кого-нибудь, кто тебе новые слепит. Сейчас это запросто. Поняла?

— Да-да.

— Двигай из города лучше на рейсовых автобусах или на электричках. Чем больше будет пересадок, тем лучше. На вокзалах не ночуй, если что. Менты там мигом срисуют. Прячься где-нибудь. Лучше придурка какого сними и с ним... ну, сама поняла, хоть в тепле. Не май месяц. Ты красивая — проблем не будет.

— Я поняла, — ответила, сглотнув.

Семейство Вознесенских чинно двинулось, уходя из зала ожидания. Димасик напоследок зыркнул грозно. Как же мне было тяжело не показать уроду фак.

— Леха возвращается. Все, ни слова больше, и будь наготове. Как вещи досматривать начнут — вали сразу.

— Спасибо, Марат. Я в бога не верю, но всего тебе и детям твоим хорошего. Смогу если когда — отплачу.

— Брось, девочка. Нельзя с людьми, как он с тобой.

Я даже не поняла, что там нашлось в спортивной сумке Лехи. Просто милицейская псина вдруг села около нее и стала облаивать. Началась суета, Леху заставили поднять руки, а заодно и Марата — они ведь были оба в одинаковой ЧОПовской форме. И вот тут я и сквозанула. Сначала неторопливо, типа я тут вообще мимо проходила, отступила на несколько шагов. Потом пошла быстрее. И ближе к выходу уже вообще побежала сломя голову. Так быстро, как только позволяли блядские туфли, которые мне велено носить. Димасику нравятся каблуки. С каким же наслаждением я зашвырнула дорожную обувь в мусорку в туалете универмага. Платье и даже это шлюшье белье туда же. Натянула костюм спортивный прямо на голое тело, чувствуя себя едва ли не счастливой. Обула кроссовки, вытащила из сумки, которую Марат оставил мне, дешевую серую болоньевую куртку. Я такие последний раз носила еще когда в приюте жила. Кайф!

Первым делом пробралась к своему тайнику в парке возле коттеджа, который Вознесенский купил в качестве моей тюрьмы. Уже давно, когда присмотр был за мной не такой тотальный, я спрятала там стыренный у своего захватчика ствол. Конечно, он понял, что это я. И трындюлей мне досталось тогда, и допрос был с пристрастием. Но хрен он чего добился, ведь всерьез вредить мне не мог. Как поломанную иметь потом? Он же, пидорюга, эстет. Закончилось все обыском всего дома и участка и усилением контроля. Ни шагу больше без надзирателей. Я очень надеялась, что весь тот целлофан, в который я сто раз обернула оружие, сохранил его от порчи. В любом случае даже помахать стволом перед чьей-нибудь охреневшей мордой — уже гарантия определенной безопасности. На вид все оказалось нормально, никто меня не заметил, и город я смогла покинуть без проблем.

Но дальше все пошло не так удачно. Через сутки, когда умудрилась уснуть в очередной электричке, сумку с деньгами и куртку у меня сперли. Жрать нечего, ехать дальше только зайцем или автостопом. И еще не факт, что брат, который обо мне и знать не знает, захочет помогать. Может, вообще пошлет. Мать же от него отказалась, так с чего ему испытывать родственные чувства? Но мне и не надо

особых чувств. Пристроиться хоть на первое время помог бы, побрякушки там сбыть. Навязываться не собираюсь. Я и узнала-то о нем случайно и совсем недавно, из материнской слезливой исповеди в больнице. Где она валялась, изображая страдальицу, избиваемую за мои косяки. А на деле — просто работала щедро оплачиваемыми кандалами для меня, цепью, на которую меня посадил Вознесенский, лживо угрожая ее жизни. Нет, я не сомневаюсь, что он запросто может причинить ей вред. Вот только, успокоившись после того, как узнала правду об их взаимовыгодных отношениях, я задалась несколькими вопросами. Например, что мешало матери скрыться куда-нибудь за эти два года? Уехать и развязать мне руки. Ее-то никто не пас. И зачем бы Дмитрию ее убивать, если без нее нет ни единого рычага давления на меня. Нет, может, ей и попадет, но ничего действительно страшного. Моя совесть тут чиста. Надеюсь, никому и в голову не придет искать меня на другом конце страны, у брата. Мать и сама не вспомнит, что мне о нем проболталась. Никто не был в курсе, что я обшарила всю ее засранную квартиру, прежде чем нашла документы старые на антресолях. И фото. Она, в те времена еще красавица, мужик незнакомый, здоровый такой и пацан лет трех. Тогда было модно такие вот портреты семейные делать. Брательник, выходило, старше меня на двенадцать лет. И фамилия у него его отца. Пришлось поискать. Спасибо интернету.

— Сука, и занесло же тебя, родственник, жить в такой холодрыге.

Выезжала из плюс десяти, приехала спустя пять голодных дней, бессонных ночей в морозище. По дороге пришлось отбиться от двух попыток изнасилования, одного ограбления, сбегать от наряда ментов, сменять сережки с сапфирами на плащ и полбуханки серого хлеба у доброго бомжа дяди Семы. Куртку теплую он ни за что отдавать не захотел. Самому нужна, «а побрякушки твои — тьфу, барахло, еще не факт, что хоть водки на них купить можно». Взяла, что давал. С золотом же не пойдешь в магазин, не брякнешь на прилавок, тыкая в нужное. С этим ебаным ломом и куска хлеба себе, как выяснилось, не купишь. Спасибо цыганам за такую «доверчивость» народа. Все подозревают попытку наебать и гонят, как псину шелудивую. Правда, разок предложил один прыщавый дегенерат отсосать ему за мусорными баками в обмен на гамбургер. Но я только в рожу ему плюнула.

— Не настолько голодная, значит, — процедил он, утеревшись.

Короче, к тому моменту, как добралась, у меня уже силы были на исходе и я даже холод перестала ощущать. Уже только в пустынный офис зайти, в тепло, было само по себе кайфом. Похрен, почему никого нет и не заперто. Я так устала, оголодала, что решила: если что, просто найду какой-нибудь уголок и посплю. Хоть на полу. Но не на морозе.

Громила, выступивший на меня из темноты, взбесил моментально. Что он не мой брат, я поняла сразу. На том фото мальчишка был такой же чернявый, как и я, а этот бугай здоровый — блондин. Зенки наглухие, такие еще поискать. Шарил ими по мне, все равно что лапищам своими уже шупал. Аж ознобом по коже пробрало, и невольно сразу оскалиться захотелось. Или сбежать сломя голову. Потому что предчувствие от его взгляда появилось какое-то... обреченности, что ли. Будто все, попала, бежала и отбегалась. Как в той сказке про Колобка: от деда ушла, а к лису в пасть прямиком закатилась. Хотя какой из него лис, скорее уж тигр саблезубый. Я еле на ногах стояла, а он скалился, откровенно стебался надо мной. Решил, что шалава дурная я, что от Николая залетела и пришла что-то требовать? Отвернулся, демонстрируя, что я никто, место пустое. Мои нервы не выдержали. Захотелось увидеть его рожу хамскую, страхом перекошенную. Со стволом у башки как ты выделяваться будешь, а?

Дура я. Надо было свою интуицию слушать и валить оттуда. Это первое, что пришло в голову, когда очнулась в незнакомой машине. Запеленутая во что-то меховое и пропахшее чужим телом. Тут же поняла, что сумки с побрякушками на поясе нет. Пистолета, само собой, тоже.

— Дергаться только не начинай, мы на дороге, — сказал молниеносно скрутивший меня белобрысый амбал, стоило только шевельнуться.

— Где моя сумка? — Горло хрипело, пересохшее до невозможности.

— Эта та, что с блестяшками? У меня. Как объяснишь, откуда у тебя столько, отдам.

Ну да, держи карман, объяснять я тебе стану.

— Куда везешь? К ментам?

Судорожно начала соображать, будет ли шанс вырваться, когда дверь разблокирует.

— Надо к ментам? — ухмыльнулся он, зыркнув на меня коротко.

Сдержав желание огрызнуться, процедила:

— Не надо.

Он свернул и быстро припарковался.

— Так, давай без закидонов. Мы сейчас зайдём в больницу, тебя осмотрят. И ты будешь вести себя тихо.

— Или что? Сдашь?

— Или рискуешь проблемы со здоровьем занять нешуточные, бестолочь. Руки можешь лишиться.

— А ты типа доктор у нас?

— Я типа тот, кто готов с тобой возиться в ущерб своим планам.

Зацени.

— Я бы больше заценила, если бы ты мне просто сказал, как найти Шаповалова.

— Никак. Я тебе сразу сказал, что сейчас никак.

— Ну раз так, то открой дверь, отдай мое, и я пошла.

— А вот тут ты хрен угадала, дорогуша. Явилась в офис девка, одетая в засявканный плащ, как бомжиха, при этом под этим верхним дерьмом все прилично и пахнет парфюмом, что стоит кучу бабок, со стволом и цацками на целое состояние. Ногти обломанные, но с остатками такого маникюра, что не каждая себе позволить может. — Надо же, какой наблюдательный гад. — Требуется Шаповалова. Нет, теперь я, пока не разберусь, что за фигня происходит, хрен с тебя слезу.

— Тебе и залезть на меня не светит, — огрызнулась, чисто импульсивно сжав бедра плотнее. Потому как сказала — и на миг привиделся он, здоровенный, голый, со вздувшимися мускулами на теле, что сто пудов не похоже будет на то единственное голое мужское тело, что мне случалось видеть в реале. Рыхлое, бледное, дрябловатое, с изрядным пузиком и этими противными многочисленными темными родинками повсюду. Херня какая прет в башку, я аж головой тряхнула.

— Спорное утверждение, — гоготнул наглый тип.

— Тебе-то что за дело до всего этого?

— Колька — наш с Яром совладелец. Если он влез во что-то незаконное, то это напрямую прилетит и по нашим задницам.

— Дай мне уйти, и ничего такого не случится.

— Так, выходим и ведем себя прилично, поняла? — кивнул он на освещенное крыльцо больницы, будто и не услышав меня.

Поняла, что теперь у меня так-то есть твоя теплая дубленка. А в кармане, между прочим, нащупала увесистое такое портмоне.

Глава 6

— Боев, на два слова тебя. — Что-то мне тон Ромки Насонова, моего давнего приятеля, врача в краевой больнице, сильно не понравился.

Как и то, что он, злобно зыркнув на меня, не оборачиваясь, попер вперед по коридору, явно предлагая следовать за ним.

— Что такое? — насторожился я. Неужто все сильно плохо у этой свалившейся на меня проблемы с секретом.

— Значит так, — непривычно строго начал Насонов. — Я все, конечно, понимаю, молча и ребят ваших штопаю, и тех, кого они случайно помнут. Но это, — он ткнул дрожащей рукой в сторону смотровой, — перебор! Я слышал и до этого, что ты с женщинами не сильно-то любезничаешь, но одно — наорать, а другое — руки распускать!

— Ты сдурел? — офигел я.

— Это ты сдурел, если думаешь, что покрывать такое буду. Избил, запугал, черт-те что с ней делал вообще! Считаешь, привез подлатать, и все нормально?

— Ромка, не знаю, что ты там слышал, но я ни одну женщину никогда пальцем не тронул и начинать так-то не собираюсь. Ни пугать, ни бить и ничего... что ты там еще напридумывал, — под конец с трудом на крик не сорвался. Я в курсе тех сплетен, что обо мне ходят, и доказывать, что не верблюд и не требую от шкуры ничего сверх того, за что она соглашается взять плату добровольно. А с другими я так-то дел давненько не имею. Просто... ну, блядь, заебало это все! — Не подарок я, да, но не чмо же позорное — с бабами силой справляться.

— То есть это все не ты?

— Что все? — Отчего в брюхе и под ложечкой так погано потянуло?

— Да уж и с чего начать, не знаю. Обезвоживание, все признаки физического и нервного истощения. Переохлаждение, гематомы, трещины в ребрах, сильный ушиб предплечья. И это она еще наотрез отказалась от гинекологического осмотра, который черт знает, что еще выявил бы. И как сказал, что о таком мне следует ментам сообщить,

так она чуть с кушетки не слетела с перепугу. И лет ей сколько? Хоть совершеннолетняя?

— Без понятия, — пробормотал, размышляя над тем, что выводы Ромки подтверждают мои наблюдения.

Девчонка в реальной такой жопе, напугана жестко, по всему выходит, что никакая не бродяжка, еще недавно жила во вполне себе комфортных условиях и достатке. Ну и что с ней приключилось? И как это связано с Шаповалова? Что за гемор прибило к нам опять? И снова в лице смазливой ссыкухи. Мало нам было погремушки Камнева. Чё карма у нас такая, что ли?

— Надо, чтобы ее и этот бабский доктор глянул, — проворчал, хмураясь своим думкам. От мысли, какую жесть этот осмотр может выявить, мутить начинало.

На самом деле, что бы там про меня ни трезвонили, но самой тяжкой частью, еще при работе в ментовке, была эта херь с насилием над бабами. Всегда считал законодательство в этом вопросе особенно ущербным. Почему нельзя взять и размотать кишки уроду, пойманному на nepотребстве, что он творил над женщинами и детьми? Вот здесь всякие варварские обычаи были мне прямо по сердцу.

— И как ты себе это представляешь? Силой ее на кресло заволакивать? И скотчем к нему прикручивать? Я не могу ее ни к чему принуждать.

— Одни недостатки и прорехи у отечественной медицины.

— Роман Владиславович! — выскочила на нас из-за угла в коридоре молоденькая медсестричка. Новенькая. Маленькая такая блондиночка, я ее еще на регистратуре срисовал. Срисовал, примерился, заценил, что сильно чистенькая и невинненькая она, не мой тип. Так, глазами поиметь можно, но и все на этом. — Там эта пациентка убегает. Я хотела ее остановить, но она меня толкнула сильно и к служебному побежала.

— Дубленку забрала? — уточнил, понимая, что тупанул.

— Взя...

— Так, Ромыч, магарыч с меня, — бросил я, срываясь с места. — Никому не звони. Никому! Должен буду.

Вот и какого лешего я бегу, спросил сам себя на ходу. Какого-какого, там денег у меня неплохо так, но хер бы с ними, права и документы на травмат. Еще что-то. Поэтому и бегу. Сверкающую

пятками в идиотских кроссовках спринтершу заметил впереди, мелькнувшую под фонарем. Эх, давно я за девками не бегал. Со школы. И то на физкультуре. Погоня прям освежает, аж кровь заиграла. Никуда не деться от того, что все мы в своей первобытной сути самцы-охотники, которым надо преследовать и побеждать. Без этого мы гребаные приунывшие полуимпотенты в поисках чего-то эдакого, что доведет тебя до полной эрекции. Все есть и доступно, но, сука, что делать с этой перманентной оскоминой? Ладно-ладно, на потенцию мне жаловаться грех. Физически.

Догнал свою загадочную воровку, она метнулась в сторону и сама себя обдурила, нырнув куда попало. Очутилась в тупике, в темном глухом углу больничной парковки. Дальше только стена кирпичная, дорогу обратную я перекрыл. Что тут пробежала-то, а дышит тяжело, с посвистом. Глаза вон и щеки запали, волосы растрепаны. Насонов же сказал, что обезвоживание и истощение, еще и дубленка моя весит будь здоров. Как бы не бахнулась в обморок снова, дура заполошная.

— Спортсменка, да? — ухмыльнулся, пока не подступая ближе. В ответ тишина, зыркает вправо-влево, прикидывает, где больше шансов прорваться. А без шансов, хитрая ты засранка.

— Как куртейка? Не жмет?

Глава 7

Все так же молча стянула и кинула в меня. Я сделал вид, что отвлекся поймать, а вместо этого позволил упасть на землю и перехватил поперек талии ее, рванувшую мимо.

А девка-то огонь. Свирепая, как питбуль. Извивалась, рычала глухо, лягала меня по голням, целилась пятками садануть по пальцам ног. Глупая, что мне это через носки зимних ботинок. Брыкалась, как одержимая, себя ни капли не жалея, норовя затылком врезать по носу и губам. И все молча, аж страшновато, ей-богу, от такого остервенения. Так-то разом бы скрутил, но помнил, что Ромыч сказал про трещины в ребрах, и не зажимал особо. Выдохнется, а я потерплю.

— Кончай, чокнутая! — пропыхтел, оттеснив к стене, и распластал по ней. Не наваливался, но держал крепко.

И, сука, опять приключилась странная херня. У меня встал на нее так резко, что аж в паху свело до судорог. Даже сунь руку мне кто в штаны и надрачивать начни, и то такого эффекта не было бы. Скрыть в этой возне сей прискорбный факт не вариант. Ну а с другой стороны, живая баба, все при ней: сиськи, задница — трется об меня так душевно, а я что? Я мужик, и работает у меня все исправно. Так что взял и забил морочиться от нее стояк скрывать. Наоборот, вжался между ягодиц, еще и одной рукой грудь облапал как бы невзначай. Ух, ты, а кто-то у нас тут без лифчика, что ли, шастает? Не сдержался и нырнул наглой конечностью под задравшуюся олимпийку. Так и есть.

— Лапу убери! — процедила строптивая беглянка, замирая, как мгновенно замороженная, и клацнула зубами. — Холодная, пиздец.

Что? А где «скотина, как ты посмел?!»

— Еще бегать станешь? — Бля, ну не убиралась рука, никак. Вот где сила воли пригодилась... бы. Если бы она у меня была. Так что моя ладонь осталась на месте. Почти. Легкие круги по торчащему соску не в счет. Цвет. Я хочу знать их цвет. И почему хоть мельком не глянул, пока в отключке валялась.

— Нет. Я договориться хочу. — Надо же, хоть бы дрогнула, чем-то выдала реакцию на мои безобразия. Что, к тому, что мужики сиськи теребят, разрешения не спрашивая, привыкла небось? Все же шлюха?

Из дорогих. Не потасканная. Молодая просто. Или элита, которым не надо через себя толпу пропускать, чтобы на жизнь заработать.

Ага, и я наивный чукотский отрок и поверил в переговоры.

— Вот и договаривайся. Я тебя очень внимательно слушаю.

Я ожидал, что орать начнет, чтобы кончал лапать, и снова драться. Но нет. Она как будто и замечать перестала, где шарит моя конечность. Мне от этой реакции даже как-то некомфортно стало. Повода же типа удерживать ту, что не брыкается, нет, но и желания отпускать нет. Дилемма, однако.

— У тебя стоит на меня, — констатировала очевидное она на удивление невозмутимо. — Я с тобой пересплю, а ты меня сведешь с Шаповаловым.

Зараза, снова здорово. Упертая ты какая!

— Не подходит. Даже если у тебя золотая или поперек, я друзей на пизду не меняю. По тебе же видно, что ты проблема ходячая.

— Ну так отпусти меня просто, чего прицепился-то?

— Я уже сказал, почему не отпущу. Давай так: ты никуда не бежишь, мы едем ко мне, моем тебя, кормим, ты мне все рассказываешь, а потом посмотрим, стоит ли с тобой спать.

— Ну да, посмотрим, — фыркнула она презрительно и толкнулась задницей к моему упертому члену, что и не думал падать. — Но пофиг, согласна и на это. За одним исключением. Ни черта я тебе не расскажу.

— А смысл в сделке тогда? Думаешь, у меня проблемы с тем, чтобы кому-то вставить?

— Мне на это плевать. Бери, что есть, или нет.

— Не в твоём положении дерзить, деточка. Козыри-то все у меня. — Я хоть и ощутил себя редкостной скотиной, но при этом с наслаждением стиснул упругую плоть. И снова хоть бы шелохнулась. — У меня твое золотишко, твой ствол...

— Дарю.

— Надо же, какая ты щедрая. Но мне чужого не нужно. Только информацию. Я должен знать, что моему другу не светят неприятности. К тому же напоминаю: у тебя нет нормальной одежды и обуви, нет денег, зуб даю, нет места для ночлега, и ты дико голодная и уставшая. Что ты теряешь, если поедешь со мной? Перспективу превратиться к утру в сосульку? Чего тебе бояться? Переспать ты со

мной сама уже согласилась, грабить я тебя не собираюсь, иначе просто дал бы свалить и оставил все себе.

— Всегда остается вероятность, что ты сдашь меня.

Чего же ты так боишься? Вломила ментам кого-то, о ком стоило бы помолчать? Убила? Обокрала до хрена крутого перца, и в лучшем случае светит, что бошку бедовую отвернут? А ведь личико, как у ангелочка. Вот только реакции и повадки все совсем не ангельские.

— А если пообещаю не сдать?

— Я тебя не знаю, чтобы верить.

— Зато ты прекрасно понимаешь, что еще пять минут постоим — и ты до костей промерзнешь. Так что, договоримся? На первой согласен просто на имя. Скажи, как тебя зовут, и получишь ночлег, горячую ванну и еду.

Она сопела секунд десять.

— Оксана... Федорова.

Брехня-я-я. Но да хер с ним, типа я купился. Не замерзать же самому, и ее не замораживать.

— Вот видишь, не так уж это и сложно, — ага, ты меня обдурила. — Пошли, мороз крепчает.

А с ним крепчает и степень моего долбоебизма, похоже. Во что я лезу?

Глава 8

Отказываться от предложения амбала, которого доктор звал Боевым, я сочла дуростью. У него на меня стоял, а это внезапно сделало все проще. По Димасику я успела усвоить, что если мужик тебя хочет, то ты уже вроде как владеешь ситуацией. Даже если он сильнее и обращается с тобой грубо. От меня не убудет, если дам этому громиле, тем более он прав — мои силы реально на исходе, ноги едва держат. Больше всего хотелось спать. Настолько, что я бы хоть где легла и отрубилась. Даже в ближайшем сугробе. К тому же он называл брата другом, а значит, находясь поблизости, есть вариант добраться до родственника. Белобрысый говорил, что Николай сейчас недоступен, как я поняла. Просто нужно подождать, выходит. А в местных холодах это лучше делать, имея теплое местечко, где еще и покормят. А то, что платить придется сексом, ну опять же не вижу никакой проблемы. Два года терпела и тут просто перетерплю. Ничего нового.

— Не засыпай! — громко сказал качок, и я испуганно вскинулась. Действительно почти отключилась.

— Как зовут? — прочистив горло, спросила его.

— Не прошло и полгода, и ты этим поинтересовалась.

Вот чему он постоянно ухмыляется и лыбится? Происходит что-то веселое, по его мнению? А, с другой стороны, ему чего грустить? Мужики вечно хотят трахаться, а тут у него стопроцентный вариант, чего бы не скалиться? Непонятно почему я только залипаю на его лице, когда он зубы свои сушит.

— А были причины делать это раньше?

— Ты сколько не ела?

Интересный у нас диалог. Одни вопросы.

— Буду звать Боевым, — пожалала я плечами, ощутив, как же болит все тело.

— Андрей я. А то соседи не поймут, когда ты в постели фамилию мою орать станешь.

— С чего бы мне вообще орать? Ты садюга какой-то?

— А бабы в койке от боли, что ли, орут?

Блин, да что он фыркает-то так самодовольно постоянно? Мне ли не по фигуре, отчего его пассии голосят? Со мной такого точно не случится.

— Молчишь чего? — а ты чего пристебываешься?

— У нас, по-моему, договор был, что я тебе даю, а не беседой развлекаю.

— А ты всегда вот так в лоб мужикам себя предлагаешь?

— А с тобой такое впервые? Сочувствую.

Он снова захмыкал и башкой даже замотылял.

— Вот не люблю я борзых и языкатых, но ты прикольная, — заявил он и тут же поменял тон и тему: — Избил тебя кто? Отвечай!

— Внезапный, да? — я и поворачиваться к нему не стала. — Мало ли кто бил, всех и не упомнишь.

— Ищет тебя кто?

— Ты вот нашел.

— Ясно. Выходи, приехали.

— Ты у нас откуда-то с юга, О-о-оксана? — спросил он уже в лифте, снова хитро щуря свои нахальные зенки. Понял, сука, что с именем прибрехнула?

Сколько ему лет? Точно не меньше тридцатника. Вон уже морщинки вокруг глаз лучиками явно привычными. Ну если он вечно такой, зараза, обрадованный не пойми чем по жизни, то не удивительно.

— С чего взял?

Наша игра «спроси, и я спрошу в ответ» продолжается?

— А ты хоть иногда улыбаешься?

— А тебе зачем? Особое предпочтение в постели?

— Вот же зараза, — замотал он опять головой и откровенно заржал.

Открыл дверь в квартиру, снял с меня дубленку и кивнул, указывая прямо.

— Надеюсь, ты хоть, чего поесть хочешь, ответишь не вопросом?

— Думаешь, мне сейчас не без разницы? — спросила... ну уже скорее из упрямства. Или потому что знала, что он заржет. Снова. Странно, что я плююсь на это. Странно, что мне не плевать. Странно, что с моими губам тоже что-то вдруг стало происходить. Нет, я не

собиралась улыбаться. Это было больше похоже на то, что мышцы, для этого предназначенные, напомнили о своем наличии у меня.

Кухня была небольшой, точно не как в доме-тюрьме, но попросторней, чем в материнской двушке. И заметно, что не чисто мужская. Салфеточки, занавесочки, цветы вон на подоконнике. Жена в отъезде, а ты и рад, притащил бабу в дом, да?

— Так, что у меня тут есть? — Боев принялся выставлять кастрюльки и судочки на стол.

Ну точно женатик. Не сам же он все это наготовил и разложил. Отчего-то стало поганенько на душе, но голод взял свое. Недолго думая, я заглянула в ближайшую емкость и чуть слюной не захлебнулась от вида и запаха котлет. В жопу манеры. Схватив одну, я откусила сразу половину. Вкусно-то как!

— Бля, да подожди ты, я хоть разогрею! — Он потянулся отнять, но я стукнула ладонью по его лапе, не собираясь отдавать.

Мой кормилец уставился на меня пристально и цепко и впервые нахмурился. Покачал головой и захлопал дверцами шкафчиков и загремел посудой.

Поставил передо мной тарелку с пюрешкой и еще одной котлетой, над которыми поднимался парок после разогрева в микроволновке. Красотища, куда там всяким блюдам, что вечно из дорогих кабаков доставляли. Вознесенский все пытался мне утонченный вкус привить, заказывая всякую извращенскую херь. Как же мне тошно было жрать эти карпаччо, аранчини, оссобуко и прочую похабень с хитрыми названиями, когда хотелось борща и пельменей со сметаной. И пюре с банальными котлетами, ага. Прямо как в столовке приютской.

Боев еще погремел, и на столе очутилась большая кружка офигенски пахнущего какао, и он сел напротив с тарелкой.

— Мужик, я тебя сейчас прям полюбила не на шутку, — пробормотала, потянув носом умопомрачительный запах, почти опьянев от такого количества удовольствий разом.

— Настолько сильно полюбила, чтобы выложить мне все по чесноку?

— Нет, для этого меня так кормить недельку надо.

— И трахать хорошенько?

— Пф-ф, типа секс и близко может с этим сравниться.

Брови белобрысого полезли на лоб.

— А он у тебя вообще был?

Глава 9

— А я на целку зажатую похожа?

— Так, вот ты мне кончай вилять! — неожиданно зло рявкнул Боев. — Четко: был или нет?

— О господи, ты чего так возбудился-то? Был. Могу поднапрячься и посчитать сколько раз.

— Лет сколько тебе? И, бля, тут только вильни попробуй!

— Что, жратву отнимешь и выкинешь на мороз?

— Сколько. Лет, — отчеканил он, прожигая взглядом.

— Двадцать полных. Статья тебе не светит. Доволен?

— Двадцать. Ссыкуха еще.

— А ты предпочитаешь дамочек постарше?

— Попроще, — буркнул он, продолжая изучать меня, как букашку под микроскопом.

— Куда уж проще, чем я?

— Это ты-то простая? — Он отцепил с талии барсетку с моим драгоценным ломом и грюкнул ее об стол. — С этим? Ведь не ворованное, да?

— Нет.

Честно на спине заработанное, бля.

— Профессионалка?

— Любительница.

— Секс так любишь или бабки?

Свободу.

— Оба раза мимо.

— Это как? Секс ты не любишь, деньгам не интересуешься, но спишь при этом с мужиками не бесплатно?

Да что ж ты прицепился-то?

— Ну с тебя возьму не деньгами и не цацкам. Котлетами вон. Хорошо твоя жена готовит.

— Жена? — расхохотался Андрей. — Не-не-не, такого на моей территории не было, и заводить в ближайшее время не намерен.

Что-то у меня аппетит мигом пропал. «Заводить». И тон такой пренебрежительный, будто и не о человеке вовсе речь, а о домашнем

животном или... вещи.

«Ты моя вещь, Катька. Я тебя купил с потрохами».

Спрятавшись за большой кружкой, я кое-как давилась таким желанным еще пару минут назад какао. Неужели все мужики вот такие? В той или иной степени женщины для них — вещи, которым они сами решают, какое место отвести. Ну не может же такого и правда быть. Конечно нет. Есть и нормальные.

— Как насчет помыться? Или я должна сначала за еду рассчитаться?

— Мне казалось ты голоднее. — Хорошее настроение у хозяина квартиры что-то пропало. Дура ты, Катька. Язык прикуси. Твое дело пересидеть в тепле, а не язвить. — И чем рассчитываться готова?

Я только молча пожала плечам. Будто мне не все равно. Перетерплю все — не привыкать.

— Вообще без разницы, выходит, да? — Так, а вот теперь он какого-то хера злится. Что не так-то? — Отсосешь мне вместо спасибо за пару котлет? А как же Колька?

— А он тут при чем?

— У вас с ним что?

— Ничего. Вообще.

Пока. Он и о существовании моем, скорее всего, понятия не имеет.

— Зачем тогда его искала?

Ага, попытка расколоть засчитана.

Встала и, обойдя стол, опустилась перед ним на пол. Положила ладонь на колено, намекая перестать заниматься дознавательной херней. Под рукой сквозь ткань джинсов ощутила резко напрягшиеся мощные мышцы бедер. И поймала себя на том, что провожу пальцами, исследуя их. Тут же отдернула кисть, осознав, что не делала такого раньше. Не гладила, не изучала чужого тела. Мужского. Если и случалось самой прикасаться к Вознесенскому, то отбиваясь или отталкивая. Сама я его даже под руку никогда не брала, когда он меня в люди таскал, как бы он ни рычал на меня и не лупил потом.

Боев прозрачный намек понял и стремительно развернулся на стуле, так что я очутилась между его ног, и дернул молнию на ширинке. У него уже стоял. Ну хоть с противно вялым возиться не придется. Побыстрее закруглюсь.

Перед моим лицом появился его член. Мама дорогая, я прямо-таки уставилась в первый момент. Ни хрена себе хреновина! У Дмитрия был намного меньше. По всем параметрам. Короче, тоньше, форма другая. Его прибор мне всегда напоминал какую-то оплывшую свечку, огарок сраный, маленькая головка, ствол чуть утолщался к основанию, что усиливало это сходство. Весь гладкий, ни одного волоска на мошонке. Эстет же, сука. А здесь... эдакий гриб-боровик переросток, гордо торчащий из светлой поросли в паху с массивной, здоровенной темной головкой. Ну и как я намерена с таким справиться? Как-как, как и всегда. Глубоко вдохнув, зажмурила глаза, подалась вперед и насадилась ртом, тут же устанавливая темп побыстрее. Но не успела сделать и десятка движений, как Боев сгреб волосы на моем затылке и отстранил от себя.

— Глаза открой! — рявкнул он, став явно еще злее, чем раньше. Да что, блин, не так? — Тебе что, правда плевать? Совсем?

Я молча смотрела на него снизу вверх, просто ожидая, что дальше.

— Как давно ты этим занимаешься?

— Минет делаю?

— Как. Давно.

— Два года.

— Два года, — повторил он. — И часто?

— Какая, бля, разница? — не смогла сдержаться я. — Тебе-то что?

— Да мне ни одна самая прожженная шлюха, черт-те сколько проведшая на панели, не отсасывала с таким лицом!

— Каким «таким»?

— Мертвым, сука! — проорал он и окончательно оттолкнул меня. — Вставай. Иди в ванную. Не запирайся.

Упрашивать меня не надо. Включив и настроив воду, я стала сдирать тряпки, пока ванна наполнялась. Опустилась в горячую жидкость и чуть не взвыла от боли и наслаждения. В голове просто плыло от удовольствия, пока мыла волосы и терла кожу ногтями. Как же мало человеку для счастья нужно. Откинулась, вытягиваясь в воде, чувствуя, как долгий холод и мучительная скованность уходят прочь, оставляя только расслабленность. Закрыла глаза. Кайф!

Глава 10

Я вышагивал туда-сюда от кухни до прихожей и обратно мимо дверей в ванную и все никак не мог успокоиться. Бомбило с какого-то хера так, что аж щека подергиваться стала. А главное попробуй разберись с чего! Точнее, от чего сильнее. Мало того, что меня уже аж крутило всего от любопытства, что же за обстоятельства привели эту «Оксану Федорову» в нашу контору. Но ладно любопытство, а вот чего так поиметь ее прижимало, что прям край? Ну ясно девка. Ясно красивая. Ясно, что я без хорошего такого оттяга сильно предвкушаемого остался. Ясно, что я к почти любой встречной сколько-то годной бабе хрен свой всегда примеряю. Ну натура такая, чего уж там. Но это ни черта не значит, что в девяносто процентах случаев я хоть пальцем шевельну, чтобы эту бабу заполучить. Не-а. Мой вариант — трах за бабки без заморочек, ну или когда какая-нибудь особо голодная и невыкобенистая дама предложит сама. Эта предложила, но ведь, сучка такая, совсем не потому что денег хотела или нужно мох из щели стереть. Хрен там! Прикинула, что у меня под боком пересидеть и отогреться можно. Просто расчет. И что такого? Я ведь с такого склада девками и предпочитал дело иметь. А тут... колбасит, блядь. У меня же не пойми с какой стати на нее не просто встает, а именно хочется. Ее хочется. Как давно не хотелось. Определенную женщину, а не просто присунуть без разницы кому, лишь бы было, как мне в кайф.

Пока смотрел, как она ела: жадно, шумно принюхиваясь и даже тихонько постанывая от удовольствия, чуть пар из ушей у меня не повалил. Ерзал на месте и разговорами баловался, чтобы не вскочить и не нагнуть ее над столом. Пусть на члене моем так же сладко постонет. Посрать стало, где и кто ее до меня таскал, забыл, что так-то она избитая вся. А как она на колени встала и снизу на меня глянула... я как будто вместо воздуха огнем дышать начал. На член мой уставилась так, что подумалось: вот же брехливая мерзавка! Точняк живой хуй впервые видит! Показалась в этот момент такой... бля, сказал бы, невинной, да только это не то слово. Гребаный ангел, но не чистенький, такой глупо-скучно-непорочный, а темный. Настоящее

лицо ебашащей прямо в бoшку порочности, в которую хотелось бухнуться отчаянно, как со обрыва в речку. Знать не знаешь, что там за дно, но и похер на это. Потонуть в этой ее обнаженной греховности и ее утопить, опорочить, изгваздать в собственных самых грязных желаниях. Увидеть губы ее, растянувшимися от толщины моего ствола между ними. Наблюдать, как глаза эти огромные, светлые-светлые, почти прозрачные, как будто в кристально-чистую воду капнули совсем чуть листовенной зелени, увлажнятся от слез, пока я буду таранить гудящей, как под током, головкой ее горло. Как щеки будут западать от усилия сосать сильнее, а меня от сладких потягиваний будет хреначить разрядами. Скулы ее еще обострятся, польются слезы. А я буду стирать их большими пальцами, одновременно удерживая на месте, захватив в плен остальными, и толкаться-толкаться...

Но тут она закрыла глаза, и ее лицо стало, сука, какой-то посмертной маской. Мне жутью пробрало. Жутко от того, что могло сделать эту еще совсем девчонку такой. Жутко от себя, что даже вот так я готов был продолжать. Что же, я совсем мразь, что ли? За тарелку еды... И хорошо же, что аж пальцы скрючивать начало, и одновременно затошнило от себя. От того, что эти ее движения, как у робота, ей-богу, все равно сносили мне башню удовольствием. А ей плевать!

Ей плевать, а я хожу тут и успокоиться не могу. Слушаю, как плещется, и рвет надвое. Войти, выдернуть из ванны, прижать, посадить, нагнуть, пох как пристроить, лишь бы сразу засадить. И не сметь ни за что этого делать — человек я или животное похотливая, безмозглая? Мозги включи, Боев, хорош хером думать. Надо поскорее разобраться, чего эта напасть приперлась, и сразу нафиг-нафиг, попутного в ягодицы. Вот только как тут разберешься, если документов нет, имени она не говорит и явно не намерена колоться ни перед кем, кроме Шаповалова. А он на юга на двадцать дней ушуршал со своей Анькой.

Ствол попросить ребят пробить по базе? Запросить у них ориентировки, не ищут ли где по стране воровку с кучей ювелирки. Или просто кого-то с ее приметам. А с другой стороны, начну наводить справки, и не факт, что сам же на нее не выведу, если ее сильно серьезные людишки разыскивают. А если это именно эти... люди повинны в том, что девка в двадцать лет (если опять не сбрехала,

а то, может, и под статью почти влетел) относилась с таким безразличием к тому, что могут делать с ее телом. Хоть что. Ей плевать. Она вроде как и не в своей плоти пребывала. Вот! Вот это и происходило, как только она мне отсасывать взялась. Ее, той самой, что получала удовольствие от еды, что дразнила меня — да-да, это она и делала — игрой в вопросы и уклонение от ответов, этой колючей, настороженной, но реально живой девчонки вдруг не стало в ее внешней оболочке. Один вдох — и ушла. Такому не учатся за раз. И за десять. Такому не учатся вообще, если с тобой не происходит разрушающего твою душу дерьма.

В ванной было уже подозрительно тихо, и я вошел, забив на церемонии. Буду пытаться, пусть выкладывает все начистоту.

— Да ну еб же твою мать! — зарычал, выдергивая ее уже почти ушедшую под воду с головой из ванны. — Хожу тут, как долбоеб! Еще же в машине вырубалась.

Завернул ее кое-как, сонно бубнящую что-то невнятно, в пару полотенец, вывалив остальные из шкафа на пол, и понес в спальню. Волосы мокрые, у меня не Ташкент, не люблю жару. Уложил, укрыл, пошел опять в ванную, взял еще полотенце, вернулся и, как смог, обернул мокрые пряди.

— Пиздец ты гемор себе обеспечил, придурок, — прошептал, почесав затылок.

Подумал еще и поперся звонить в квартиру напротив, тете Маше, что уже года три убирала у меня, готовила и обстирывала меня, криворукого.

— Андрюша, случилось чего? — встревоженно встретила меня соседка.

Случилось. Камнев и раньше мне говорил, что я дурака кусок, вот видно и накаркал. Начал я в дурости самосовершенствоваться.

— Теть Маш, а у вас обогреватель какой-нибудь есть?

— Есть, — недоуменно похлопала она глазами. — А у тебя с отоплением что-то?

Нет, у меня тут гостя с юга, перемороженная слегка.

— Нормально все. Одолжите, а? Я завтра куплю.

Вернулся к себе с напольным тепловентилятором, сопровождаемый любопытным взглядом соседки.

Пристроил его на полу так, чтобы на незваную гостью дуло. Мой телефон затрещал в кармане промокших джинсов, и я ответил, выйдя из спальни. Само собой, меня потеряли. Народ веселится, а я тут бардак в ванной устраняю и посуду мою. Весело, чё уж там. И что еще дальше будет. Позвонить Камню и рассказать? Да ну, у него сейчас и так нервы на пределе. Сам справлюсь. Припрятав на всякий случай в сейф и ствол, и цапки, я уселся смотреть телек, но черта с два что там видел. Моя приبلудная загадка засела в башке намертво. Хоть и рассматривать, пока вылавливал и заворачивал, времени особо не было, но грудь ее облапать глазами успел. Сама тонкая, изящная такая, до хрупкости, а сиськи-то у-ух какие. Полные, упругие, соски в рот сами просятся. Чтобы и облизать, и пососать, и на зубок попробовать.

Обстоятельно, долго, пока из бледно-розовых не станут почти пунцовыми, а сама ногами елозить не начнет от возбуждения.

Глава 11

Мой член опять заныл, намекая на то, что остался голодным-холодным сегодня, и я стиснул себя через ткань. И не подумал себе запрещать безобразия, когда фантазию понесло в сторону окончательной похабщины. Вытащил прибор и сплюнув на руку, принялся гонять, представляя, что это не моя ладонь, а скользкая от ее пота и моей смазки кожа между грудей моей загадки. И что она сдвигает их, создавая кайфовую тесноту. Глядя как тогда, только встав на колени, до того как стала обмороженной. Яйца тут же сжались, в голове замутилось, в позвоночник как кто шокером тыкать стал, гнуло всего.

И лобок у нее гладенький, губки нижние пухленькие, сомкнутые, прячут все сладкое надежно. Скользнуть по ним пальцами, раскрыть для себя. Растереть горячую влагу протекшей для нее головкой, смотреть не отрываясь, как буду проталкиваться в нее. По чуть-чуть, сначала только дразня узкий вход. Самую малость внутрь и полностью наружу, и еще...

Оргазмом по мозгам лупануло знатно. Аж язык прикусил, как дергало всего.

— Ну, блядь, приплыли, — прошипел своему отражению в зеркале, смывая следы позора с руки, дошаркав по-стариковски прямо в ванную. — В твоём возрасте самое время превратиться опять в прыщавого дрочера.

Зашел в спальню за подушкой и услышал странный звук. Наклонился над моей тайной и понял, что ее трясет и это зубы у нее постукивают. А в комнате-то жарень невозможная. Потрогал лоб — мокрый и горячий как кипяток. Да что же, сука, за везение у меня такое! Потряс девчонку за плечо — реакции ноль. Тряхнул сильнее — глаза приоткрыла мутные, смотрит и явно не видит.

— Пить хочу.

— Охренеть, — раздраженно прошипел я и пошел на кухню за водой и шерстить свою аптечку.

А там у меня одни бинты, лейкопластырь да йод с зеленкой. Ну не помню я, когда болел последний раз. Разве что животом маялся по

первости от садистских кулинарных экспериментов Роксаны. Но и тогда колеса никакие не жрал. Само проходило.

Набрал Насонова.

— Боев, ты время видел? Я только лег после дежурства.

— Ром, извиняй, но ситуация тут у меня.

— Опять?

— Ага. Температура у нее.

— Какая?

— Да ху... не знаю я. Нет у меня градусника. Но горячая — пиздец. Сначала нормально все было, накормил, искупалась. Заснула в ванне. А теперь вот вроде как почти без сознания. Воды попросила, а сама и не понимает где, похоже.

— Адрес скажи.

Насонов приехал минут через двадцать. Я успел напоить свой личный гемор, хотя больше мимо рта пролилось из-за того, что зубы ее стучали по стеклу. Ромка взялся ее слушать своей докторской фигней с трубочками.

— Долго она мерзла?

— Да без понятия.

— Давай перевернем.

Мы аккуратно повернули девчонку на живот, и тут меня как оглоблей по затылку огрело.

— Это, на хуй, что такое? — от рыка прямо горло драло.

Вся спина, поясница и ягодицы «Оксаны» были покрыты бледно-желтыми, а местами еще с легкой зеленцой и синюшностью следами. Меня бухой отец пиздил ремнем в детстве регулярно, куда ни попадая, без разбору, так что я ой как хорошо знаю, как выглядят синяки после такого.

— А ты не знал, что ли? — покосился на меня Насонов. — Думаешь, чего меня бомбануло в больнице.

— Ты что же, решил, что это я? Вот так? Ну спасибо тебе, мужик. Ясное дело, что я могу казаться мудаком иногда, но не до такой же степени!

— Не психуй, Боев. Что я должен был подумать? Ты же ее привел.

— Ты... — у меня слов не находилось, и поэтому просто ткнул в девчонку пальцем: — Лечи давай!

Выскочил из комнаты, ушел на кухню и окно распахнул подышать. Морозный воздух вцепился сразу в потную от жары в спальне кожу снаружи и до предела наполнил легкие. Но в голове все полыхало и бомбило. Эти разноцветные полосы боли на узкой женской спине стояли перед глазами, как бы ни моргал и башкой ни тряс.

«Сколько ты этим занимаешься?» — «Два года».

— Два года, бля. Два ебучих года! Ты хотел знать о ней, а, дебил? И как теперь? В кайф это знание? Хотел знать, как учится быть вот такими, мертвыми? А вот как!

А ведь я из ментуры ушел вслед за Камневым потому что заебалось это человеческое дерьмо, что никогда, сука не заканчивается. Остохренело видеть это, знать, каждый божий день. Борься типа, на деле осознавая, что хуйня все это. Ни конца, ни края этому. Всегда будут уебки, избивающие и насилующие, ломающие других только потому что сильнее, потому что у них есть власть делать это, просто потому, что им так хочется. Я задолбался ощущать постоянный груз вины за такое. Я хочу жить, забывая на это, раз уж победить нельзя. Жить в кайф, не пялясь ночами в потолок, пока глаза не вылезут, ломая мозг. Я хочу. И вот раз — и, выходит, хотел. Потому что сейчас меня аж крутит и ломает всего от желания знать, кто эти мразоты, что оставили свои поганые следы на коже моей загадки. И хрена с два она от меня соскочит, пока я не добыюсь от нее всей правды до копейки. Найду тварей и заставлю кровью харкать. Может, у нас Камнев всегда слыл чуть психованным, а я вроде пиздобол, которому все похрен. Но сейчас меня как за глотку кто взял. Ярость не давала вдохнуть нормально. Все, я подписался. Задней скорости у меня ведь нет.

Глава 12

— Тихо! Куда рванула?! — прошипел над ухом смутно знакомый голос, а что-то тяжелое и горячее удержало на месте, придавив в районе груди.

Я хлопала глазами в полумрак, подавляя приступ паники по мере того, как вспоминала, где я и с кем.

— Боев? — вышло еле слышное сипение, и сразу горло сжалось в приступе кашля.

— А ты кого ожидала увидеть? — Он убрал удерживавшую меня ручищу и потянулся к тумбочке за стаканом, на мгновение нависнув надо мной своей широченной грудью. Перед самым лицом очутился один плоский коричневый сосок и негустая поросль золотистых волос.

Не отдавая себе отчета, я чуть приподняла гудящую голову и понюхала его кожу. Он выпрямился резко, будто я его укусила.

— Слышь, загадка моя, ты не балуй пока, — нахмурился он строго, садясь, и, приподняв меня, поднес стакан к губам.

Пахло лимоном и медом, на вкус кисловато. Хорошо.

— Какое число?

— А тебе не пофиг? Или куда опоздать можешь?

— Ты все время возился со мной?

— А были еще желающие?

— Почему?

— А почему нет?

— Ты опять? — это что? Я улыбаюсь?

Так и есть. И как-то так тихо внутри. Спокойно. Видно, болячка временно все мои силы сожрала. Даже на тревогу их не осталось.

— Опять что?

— Вопросом на вопрос.

— Ну так-то ты это первая начала.

— Ты старше, будь умнее.

— Ага, быть умнее — это прямо про меня. Куда дергаешься?

— Мне в туалет и помыться.

— Сейчас.

Он поднялся, обошел широкую кровать. Как оказалась в ней — не помню, и саму комнату тоже.

— Давай потихоньку.

— Я голая.

— И чё? Я все видел уже. Сиськи зачетные, задница что надо. Не комплексуй.

— Мне холодно, идиот!

Он взял на стуле футболку и натянул на меня.

— Все? Или еще и трусы у меня отожмешь? — И взялся за резинку своих боксеров, естественно привлекая мое внимание к тому, что у него стоял.

— У... нас что-то было? — Вот не похрен ли тебе, Катька. Пользовался он тобой или нет — какая разница? Скажи спасибо, что полудохлую замерзать не выкинул или в больницу не отправил, где сразу бы озадачились установлением твоей личности.

— Я, конечно, тот еще извращуга, но не настолько, — фыркнул Андрей. — Совокупляться люблю и часто практикую, но исключительно с живыми бабами.

Я поежилась от странного контраста. Он говорил, не скрывая насмешливости и цинизма, но вел меня, поддерживая так аккуратно, будто я чертова древняя ваза за целое состояние.

— Осторожно тут, — глянул строго, оставляя наедине с сантехникой.

Закончив самое насущное, я на резиновых ногах подползла к ванной и пустила набираться воду, чуть не наворачнувшись от головокружения, когда наклонилась пробку заткнуть.

— Ты чего еще удумала?! — тут же вломился Боев. — Рано тебе еще полоскаться.

— Я воняю как дерьмо, — заканючила я.

— Выглядишь еще хуже, не будем рушить гармонию, — отрезал он, закручивая воду.

— У меня вся кожа липкая от пота. Ну пожалуйста. Хоть ополоснуться.

— Ополаскиваешься тогда вместе со мной.

— Ты чересчур здоровый. Мы вдвоем в твою ванну не влезем.

— Пф-ф-ф! Уж поверь, у меня огромный опыт по впихиванию чего-то большого и толстого в узкие и тесные места.

— Ладно, я все равно не буду той, кто пол потом вытирает. И не мне соседи снизу предъявлять придут.

Боев опять открутил краны и сунул мою руку под струю.

— Нормально?

— Угу.

Он уселся первым, не снимая трусов, и протянул мне руку. Трикотаж промок и стал почти прозрачным. И я снова уставилась на здоровенную хреновину, что теперь стала видна очень четко.

— Ты хоть прокомментируй как-то, а то я уж не знаю, что и думать, — зафыркал он, чуть приподняв бедра.

— Ты воду решил еще и на стирке сразу сэкономить?

— Залезай, умничаешь.

Я все же сняла его футболку, и осторожно опустилась в воду спиной к нему.

— Я предпочитаю принимать ванну классическим способом. М-м-м-м-м, хорошо то как.

— Так, подобные звуки пока запрещены, — заявил Андрей, обхватывая меня за талию, подтаскивая ближе и роняя себе на грудь.

— Почему?

— Потому что это провоцирует во мне желание послушать, как ты будешь стонать во время секса.

— У тебя что, пунктик какой-то по поводу орущих и стонущих женщин? Хотя с таким размером...

— Что не так с размером?

Мой взгляд упал на сгиб локтя. Следы от уколов.

— Ты врачей вызывал? — тут же напряглась я.

— Выдохни, это Ромка Насонов, он тебя уже смотрел.

— А если он заявит? Такую истерику мне в приемном покое тогда закатил, требуя, чтобы я заявление написала.

— Он думал, что это я тебя так уделал.

— А были прецеденты?

— Бил ли я женщин? Нет. И сразу скажу, чтобы без непоняток между нами: ты мне расскажешь, кто бил тебя. Расскажешь! Вообще без вариантов.

— И что ты сделаешь?

— Что смогу, загадка.

— Ну да. Ни черта ты не сможешь. Разве что сам сгинешь и на меня наведешь.

Тревога растаяла так же мгновенно, как и пришла. Ничего я ему не расскажу. А даже если и могла бы, что он может против Вознесенского и его связей везде и всюду? Ничего. На самом деле, не так уж я и верю, что Дмитрий не найдет меня рано или поздно. Остается надеяться, что поздно, не мальчик он чай, сердечко пошаливает. Или что подыщет другую девочку-вещь. А я пока просто поживу так, как не жила раньше. Пусть и найдет потом, я уже успею.

— Ах, как же горько, что ты совсем в меня не веришь, моя женщина-тайна! — явно паясничая, шлепнул себя по лбу мой спаситель-захватчик. — Кстати, как насчет уже настоящего имени. Я знаю, что ты не Оксана, и ты знаешь, что я знаю.

— Это что, так принципиально?

— Внезапно да. Разве я не заслужил такую малость?

— Почему ты тогда оттолкнул меня?

— Ты о чем?

— Знаешь ведь. О минете.

— Хм... Тему меняешь?

— Интересуюсь.

— Я тебе уже сказал, что не практикую сношений с неживыми партнершами. Есть в этом что-то совсем уж ненормальное, даже для такого озабоченного и всеядного, как я.

— То есть я это делала плохо?

— То есть конкретно ты в этом вообще не участвовала. Имя.

— А разве мужчине есть разница?

— Имя-я-я.

— Да ладно, брось. Туда-сюда — все одно и то же. В чем приколы?

— И-и-имя-я-я-а-а.

— Катя.

Боев замолчал, похоже, прикидывая, вру ли я ему.

— Разница есть. Когда женщина реально хочет тебе отсосать, еще и сама от этого кайф ловит, это охеренно лучше, чем даже любая профи с самой глубокой и неблюющей глоткой.

Глава 13

— Скажешь тоже. Минет это... — противно и то, что нужно перетерпеть. — Только для мужчины. Как женщина может от этого кайфовать?

— По твоей логике мужчина не может кайфовать от куни, потому что это только для женщины.

— От чего?

— Та-а-ак, — протянул он и подцепил мой подбородок, поворачивая к себе лицом. — Вот теперь мне прям сильно интересно стало, что же ты за создание такое. Сходу незнакомому дядьке себя предлагаешь, отсосать для тебя — фигня делов, но при этом про куни не слышала и на самом деле секс тебе на хрен не нужен.

— Я слышала, — не сразу, но я сообразила, о чем он.

Как-то было у нас ЧП в приюте. Парень один, из старших, вздернуться решил. А все потому, что остальные его совсем зашпыняли, обзывая пиздолизом директрисы. Вроде как даже кто-то даже видел... ну... сам процесс. Короче, общее мнение об этом было резко отрицательное, причем и у парней, и у девчонок. Все брезгливо морщились и фыркали.

— Только слышала? Неужто ни разу никто не делал? Выглядишь даже на первый взгляд там очень аппетитной. Да ладно! Ты покраснела!

На самом деле меня внезапно бросило в жар. Потому что от его «аппетитно» в разуме родилась ужасающая в своей бесстыдности картина: боевская башка с коротким золотистым ежиком волос между моих раскинутых бессовестно ног. И вызывала она совсем-совсем не отвращение от такого, казалось бы, как минимум неприятного действия. Мощный импульс, прошивший снизу вверх, заставил резко сжать бедра.

— Скажешь тоже, — фыркнула я, отворачиваясь. — Мне ничего такого и даром не надо.

— Это почему? Потому что секс, по-твоему, по кайфу только мужикам?

Как бы невзначай он переместил свою ладонь с талии мне под правую грудь, мягко подхватив ее, как в чашу. В районе моей поясницы дернулся его член, и, непонятно почему, от этого потянуло внизу живота.

— Вовсе нет. Я знаю, что и женщинам это может нравится.

Боев шевельнул большим пальцем, легко задев мой сосок и тот сразу съежился. И это было... не противно.

— Но не тебе? — Андрей наклонил голову и едва касаясь погладил губами кожу у меня за ухом. Почудилось, что от этого волосы у меня на затылке стали шевелиться и вдоль позвоночника потек горячий ручей, что собирался и копился внизу, наполняя все внутри там чем-то тягучим и жарким.

— Не... не мне. — Его палец стал выводить круги по ареоле, отчего она пошла пупырышками, а мне приспичило заерзать на месте. Но я держалась, не шевелясь.

— Вообще ни разу?

Вторую ладонь он положил мне на живот, пониже пупка, как будто мог знать, что именно там сейчас происходит что-то странное.

— Ни разу. — В ванной стало душно, и я шумно выдохнула, все же чуть сдвинувшись от него. Но от этого воздействие прикосновений его рук только усилилось. — Я — бревно с глазами.

— Да неужели? — Он бесцеремонно накрыл мой лобок, и сразу, не дав мне успеть напрячься, проскользнул средним пальцем между складок, и меня будто током прошибло, подбрасывая на месте.

— Что ты... — вышло похожим на всхлип, и я схватила его за запястье, собираясь остановить.

— Тш-ш-ш-ш! — зашипел он в мою кожу и прихватил зубами мочку уха, одновременно немного сжав захваченную грудь. Снова шевельнул пальцем, послав по моим нервам разряд. — Ах ты ж бревнышко какое у меня тут чувствительное и все скользкое уже внутри.

— Боев, не на... — Я впиалась уже ногтями в его кожу, силясь отпихнуть кисть, что не пойми как превращала меня в дергающуюся марионетку. Но хуже всего то, что в голове зашумело, опустело. Как если бы я собиралась отключиться, но в тоже время по-другому совсем.

— Надо, Катя, ой как надо, — хмыкнул он самодовольно в мою шею, притиснул ближе, начав толкаться стояком в поясницу. — Ну давай, девочка, просто расслабься и дай дяде сделать тебе хорошо.

Его палец теперь непрерывно кружил по дико чувствительной точке. Отталкивать его руку я уже перестала. Наоборот, вцепилась, то ли держась сама, чтобы не улететь не пойми куда, то ли удерживая его, чтобы не прекращал делать то, что делал. Спину гнуло, в глазах мельтешило и плыло, ноги двигались сами собой, взбивая воду в ванне. Пятки скользили по гладкому дну в поисках опоры, что, казалось, стремительно исчезала из под меня. Мышцы и нервы натянуло, будто я вся стала струной.

— Вот так, Катюша, давай, кончай.

Хрипкое ворчание Боева сработало как спусковой крючок, что со всей дури лупанул там, где все уже было натянуто до предела.

Внутри что-то лопнуло, больно, сладко, оглушая и ослепляя. Тело трясло. Сознание отключилось, пропуская через себя сокрушающую все на своем пути волну.

И только когда чуть попустило, я поняла, что суть этой волны была чистым удовольствием. Незвестным мне и реально пугающе чрезмерным с непривычки, но да, это был настоящий кайф.

— А мужика-то у тебя и не было ни разу, загадка моя, — тихо засмеялся Андрей, мне, обвисшей, как тряпка безвольная, в волосы.

— Был.

— А я говорю, что не было.

Глава 14

— Эй, ну только не опять! — проворчал я, услышав, как Катька засопела почти сразу, как только ее оттрясло после оргазма. — Ну а чего ты хотел, долбоящер? Ответной дрочки или чего покруче? Она же еще еле ползает.

Зуб даю, что оргазм был первым в ее жизни. Если бы она хоть раз до этого кончала, то не реагировала бы так: шок, паника, отчаянные попытки вернуть себе контроль.

— Не понимает она, отчего бабы орут, ага, — фыркнул себе под нос.

А сама-то как запела. Не знаю, как и сдержался, чтобы не насадить ее на себя, еще дрожащую, кричащую. Пальцами чувствовал, как она внутри вся сжималась. Горячая, влажная, тугая — хоть ори, какая вся лакомая. Была бы уже на члене — меня бы и этими спазмами ее одними сто пудов бы догнало. Но куда я сунусь без резины. Да и просто пронаблюдать во всех нюансах от начала до конца, как моя «деревянная» загадка кончает впервые, было тем еще неповторимым кайфом. Что, перевернул я твой мир, девочка? А это только начало. Не помню уже за собой такого азарта, сосредоточенного на одной женщине. Мало мне было того, что аж клинануло на том, чтобы выяснить, найти и разьебашить в кашу кровавую тех, кто Катьку бил да превратил вот в такое поломанное, почти неживое существо. Теперь мне все это исправить хотелось. Я же тебя из лап своих не выпущу, загадка моя, пока не покажу все те способы, которыми женщине можно делать хорошо. Только оклемайся чуток — и ты у меня летать будешь ночами напролет и любую свободную минуту днем, пока совсем не забудешь, что тебя, считай, покалечили какие-то криворукие членоносцы. Мужиками такое не назвать. Все понимаю, Катька — девочка красивая, прям глазам больно, такая, что лапы загребущие сами собой к ней притягиваются. Но сунул лапы и член — так будь любезен хоть и ее тогда не обидеть по части удовольствия. Она же вон еще молодая совсем, так недолго у бабы навсегда к сексу тягу отбить. Хотя о чем это я. Те следы на спине, что сейчас уже почти сошли, и

есть всему объяснение. Никого не колыхало ее удовольствие или его отсутствие.

Ну ничего, Катюха, я все исправлю. Будет у меня за душой хоть одно хорошее дело в жизни. Расстараюсь, будет тебе небо в алмазах. Только потом сама уж больше ни с каким долбоебом не свяжись. А то тянет вас баб на таких вечно.

Только подумал о том, кому однажды достанется кусочек такой сладкий, и что-то такой жадностью жгучей прикрутило. Даже челюсти свело. Но это когда еще будет, сейчас-то вот она, сопит доверчиво в руках моих.

Мой телефон затрезвонил уже не в первый раз, да и вода остывала. Пора вылезать. Поднимался с Каткой на руках, кряхтя, что тот дед столетний. Неудобно же из такого положения, и не мальчик уже. Еще и яйца гудят и чуть не грюкают без разгрузки. Ничего, скоро-скоро. Опять проявил чудеса ловкости, пеленая соню в полотенца. Камнев еще ждет пополнения, а я уже обзавелся, считай. Корми, таскай, лечи, купай, в кроватку укладывай. И главное — все мне по приколу, не напрягает. Кто бы знал. Может, пришло оно наконец то самое время, когда пора обзавестись спиногрызом с женой в придачу. А то потом совсем старый пердун-ворчун стану и оно не надо будет.

Приходишь домой, супружница тебя встречает. Котлеты, борщи, чаек. Чирикает чего-нибудь. Сын дневник показывает. Типа уют, и опять же всегда баба теплая под рукой, даже если нет времени куда за перепихом промотнуться. Ты ее жаришь качественно, обеспечиваешь, а она тебя за это ждет, заботится. Любит.

Катка завозилась, когда в постель укладывал, и вдруг вскинулась. Уставилась мне в лицо, глазами захлопала, будто другого кого ожидала увидеть.

— Катка, а ты борщ готовить вкусный умеешь?

— Умею я все, — буркнула она сонно и увалилась назад, отворачиваясь.

— Может, я тебя себе оставлю? — спросил сам у себя, пока шел на кухню за телефоном.

Ну а чё? Отогрею ее, заласкаю, научу всему, как мне надо. Красивая она, стоять на нее будет исправно, а хорошо траханая баба на сторону не пойдет. Мне такого с женой не надо. Девки девками, а жена одни руки с членом знать должна.

— Боев, ты совсем охренел, в офисе третий день не появляешься? — зарычал Яр мне в ухо. — Заболел, что ли?

Его право злиться. Я первые три дня свою болящую хоть на тетю Машу бросал и по работе мотался, а теперь у соседки внук заболел вот и сижу уже трое суток, как привязанный. Отец-одиночка прям. Еще и извращуга.

— Не бухти, Камнев, у меня тут кой-какой форс-мажор.

— Что случилось?

— Девушка случилась. — Бродячая, со стволом и кучей побрякушек на энную сумму.

— То есть ты из-за бабы на работу забил? Когда уже наблядуешься, а?

— А может, я уже, — фыркнул в ответ.

— Ну да, шутка года.

— Ой, не начинай, Камнев, давно ли сам из-за бабы умом подвинулся, по крышам лазил и в отпуск с лёту ушел?

— Не равняй говно с конфетой. И мою Рокс не приплетай, она не твоим... хм... ровня.

Вот, кстати. А у моей загадки шмоток-то и нет. Даже белья. А на улице конец декабря. Держать ее исключительно в постели заманчиво, конечно, но перебор.

— Слушай, Камнев, а можно мне твою жену в аренду взять?

— Чего? — после секундной паузы рыкнул Яр.

— Мне вещи надо женские купить. Белье там. Я же не разбираюсь, вдруг не то возьму.

— Ну так на том, что есть, ярлыки глянь. Фирму, размеры. Читать не разучился же.

— Эм... да как бы не на что смотреть.

— Не понял.

— Да чего непонятного? Не было у нее белья.

— Бля, у тебя там что, Афродита, которая прям из пены в ванной гольшом вылезла?

Я вспомнил, как выглядела та Афродита из школьного учебника, и скривился. Тоже мне красота неземная. Жопа — во, сиськи — отстой. По мне, так и тетя Маша в свои пятьдесят с лишком посимпатичнее будет.

— Нет, подслеповатости, не она, но тряпья все равно нет. Мне бы хоть на первое время там, чтобы потом ее саму вывести, пусть купит, что ей надо.

— Боев, меня от любопытства сейчас порвет. Ты точно там здоров? Рассказать мне ничего не хочешь?

А может, и надо? Камнев не одобрит, что от него утаивать что-то стану. Тем более такое, что неприятностями светить обещает.

— Если я сейчас подтянусь, ты в офисе еще будешь?

— Нет, я еду домой обедать. Подтягивайся туда давай.

— Чем сегодня травить будут?

— Тебе не по хрен? Какое-то там жаркое по-ирландски, что ли. Как раз и спросишь у Рокс, поможет ли она тебе с твоей голындой.

— Ладно, сейчас чем-нибудь для желудка закинусь и приеду.

Глава 15

Я сходу пересказал Яру обстоятельства появления Катьки и мои насчет нее наблюдения.

— Что делать будешь? — нахмурившись, спросил Камнев.

— Держать и не пущать никуда, — ухмыльнулся я. Что еще будет при этом происходить, трепаться не стану. Вот не хочу и все.

— Боев...

— Ну серьезно, Яр. Ждем Шаповалова пока, будет жить у меня, авось еще и выпытаю у нее чего.

— Мне кажется лучше ей хату снять. Знаю я твои методы выпытывания. Девчонка молодая, голову ей задуришь, как бы боком нам это не вышло. А что если она Кольке родня какая? В глаза ему как смотреть станешь?

— А вдруг это она мне задуриет?

— Тебе задуришь.

— За меня он, значит, не переживает. А я за тебя жопу рвал, от погремущки спасая. Друг называется. И даже если и родня, Катька совершеннолетняя.

— Уверен?

— Сама сказала. Чую, не соврала.

— Все равно. Ты мне друг, но была бы она мне родней — к тебе бы на пушечный выстрел не подпустил.

— Ну спасибо, друг, — усмехнулся я, но признал, что и сам бы себя не подпустил, если что. Ну вот такой я подарок. — Но не подпускать уже поздно.

— Успел уже? — возмутился Камнев. — Сам же говорил, болела она. Что же ты на нее такую полез?

— Да никуда я не лез. — Почти. Пальцы же не в счет.

— Ну так и тормозни! Чую я, что дерьмо выйдет, Андрюха!

— Не хочу я тормозить, ясно? — что-то меня прям бомбануло. Кто бы мне тут про тормоза говорил! — Я знаю, что ей сейчас надо.

— Ей надо, или тебе приспичило? Некого тягать, что ли, вдруг?

— Хорошо лечить меня, Яр! Я знаю, что делаю, и вся ответственность на мне!

— Придурок озабоченный!

— Чья бы мычала.

— Нет, вы здесь долго мерзнуть собираетесь? — выплыла животом вперед на крыльцо Роксана.

Блин, ничего себе размерчик окружности. Тут впору шутить не про один проглоченный арбуз. Как она еще ходит, а не катится?

— Мы уже идем, идем, Рокс, — зачистил Яр, расплываясь в самой дурацкой улыбке, из тех что я видел.

— Блин, смотрю, помощь отпадает, — расстроился я.

— В чем помощь? — тут же насторожилась погремешка. Хотя сейчас и язык так назвать не повернется. Вон какая важная и плавная стала. Один только пирсинг и напоминает о былых лихих денечках.

— Боев тут решил девушку приодеть, — мрачно пробубнел Яр. Злиться он на меня может, но не сдаст. — Хотел, чтобы ты ему подобрать кое-что помогла.

— Погодите! Казанова, у тебя девушка появилась? Кто эта сумасшедшая? Может, ей не одежда, а смирительная рубашка нужнее?

— Ха-ха! Юмористка! Я уже и сам не хочу, чтобы ты мне помогала.

— Не-не-не, вот теперь я этого хочу. И познакомится с ней.

— Еще че...

— Беременным не отказывают! Это страшный грех, не говоря уже о том, что я тебя за такое тресну!

Так, судя по всему, я подставился сдуру.

— Ну нет, — я зыркнул на выпирающий живот Роксаны, — я не готов к такой большой ответственности.

Камнев подавился воздухом, закатил глаза, и повисла какая-то уж очень нехорошая пауза, пока беременная фурия сверлила меня взглядом.

— Боев, а ты, часом, не бессмертный? — процедила она, зло на меня прищурившись.

— В смысле? — вот тут до меня дошло. — Эй, я не это имел в виду совсем! — на всякий случай стал пятиться. Мне в травматологию сейчас не с руки. У меня дома дите... в смысле, загадка моя большая, босая и голая. Очень-очень голая. — Ты совсем не большая. Вот ни капли! Ты вообще самая изящная и... э-э-э... грациозная беременная ба... женщина, какую я видел за всю...

— Ой, да расслабься, — мигом поменявшись в лице, нагло заржала эта... Да я уже почти обделался тут! Вся жизнь перед глазами пронеслась, а вспомнить и нечего почти. — Я в курсе, что просто огромная. Но судя по твоей реакции, ты, Казанова, не безнадёжен. Есть, значит, шанс не стать полным разочарованием для отважившейся на тебя бедняжки.

Умная, ты посмотри, какая. Это я тот, кто тут отважился на что-то!

— Куда первым делом поедем? — сразу принялась планировать Камнева, пока я еще давился ее стряпней. — Что ты первым купить хочешь?

— Белье, — выдал я, запивая огонь во рту.

— А размер знаешь?

— Ну... примерно как у тебя сейчас. Может, чуток поменьше.

— Боев, я тебя убью однажды, если не перестанешь пялиться на грудь моей жены, — процедил Яр.

Мне себе глаза скотчем заклеивать, что ли? Она сама так и лезет...

— Да я же чисто в силу производственной необходимости, — сбрежал не моргнув.

— Рокс, осторожнее только, — наставлял свою погремушку друг, усаживая, как хрустальную, в мою тачку.

— Со мной все хорошо. У нас еще аж три недели, не бзди, гризли. Не могу я уже сидеть на одном месте.

— Боев.

Одно слово и взгляд весом в сто тонн. Все понял. Береги как зеницу ока. Будет сделано, Камень.

Глава 16

В этот раз я просыпалась как с глубины медленно всплывала. Тело ощущалось так странно, будто и не моим. Каким-то неизведанным живым организмом, с новыми горячими точками неизвестных прежде нервных окончаний, с новыми желанием, что пробудились даже раньше и в обход разума, с новой сразу какой-то необузданной жаждой и жадностью. Отрицать очевидное глупо — я пришла в себя на волне воспоминаний о том, что сделал Боев в ванной, и завелась так, что аж всплакнуть потянуло, когда Андрей рядом не нашелся. Потому что я хотела еще такого же. Вотпрямсчаз. Немедленно. От тянущей необходимости даже скрутилась клубком, подтягивая колени к груди, но стоило задеть соски, и чуть не заскулила. Это же... уму непостижимо, как хорошо было.

Только глаза опять прикрывала — и всю как простреливало отзвуками тех ощущений. Воспоминаниями о его прикосновениях. Так испугавших вначале, не дававших ни малейшего шанса уклониться от несущейся сквозь меня волны. Которую он сам и сотворил. Всего лишь своими грубоватыми шершавыми пальцами и пошлым шепотом. Два года под Вознесенским — и ни разу, ни единого, хоть чего-то и близко похожего на это. Ублюдочный Димасик совал свой вонючий огарок в каждое отверстие в моем теле и никогда, никогда это не было даже отдаленно тем, что Боев сделал, просто поиграв на мне, как на чертовой гитаре, пальцами. Все, с чем я просыпалась все эти два года, — боль, отвращение, нежелание жить и снова боль. Сейчас же... я хотела... хотела секса. Потому что в том, что дал мне почти незнакомец, было в миллион раз больше этого секса, чем во всем елозеньи и грубых долбежках первого и единственного любовника.

Как же все это... странно и сложно для понимания. Два мужчины, оба нисколько не озадаченные вопросом моего согласия принять их действия. То есть да, я сама предложила себя Андрею, решив, что пересидеть у него — самая удачная сейчас тактика. Но я не соглашалась на такое... Чтобы все мышцы как под током... Чтобы себе не принадлежать... Чтобы кайфом чуть не убило. И вот теперь я ему благодарна и хочу еще, больше, много, а Вознесенского как ненавидела

с первого дня, так и ненавижу. Бабки, роскошь, подарки — все попытки с его стороны как-то наладить отношения между нами не заставили даже смириться. Один оргазм — и я душу продам за повторение. Вот только есть ли в планах моего соблазнителя оно? Нормально ли что вот так, рвануло и будто на месте меня прежней как другой человек? И значит ли это, что я... ну не знаю... какая-то озабоченная? Скрытая нимфоманка, что ли, и всегда ею и была? Тупо шлюха в душе, как и твердил мне Вознесенский? А не насрать ли мне на это с высокой колокольни? Пусть и такая! Если старый урод меня найдет, то сразу пришибет или, что хуже, опять вернет в этот же ад. Так что кого колышет, какая я? Поживу на полную.

Выползла из под одеяла, потянулась, чувствуя себя уже намного лучше. Пошарила в шкафу и добыла себе футболку, мимолетно пожалев, что она, как прошлая, не пахнет Андреем. Нарыв еще и спортивные штаны и носки, вырядилась, фыркнув своему отражению в зеркале. На голове колтун, спортивные пришлось затянуть узлом на талии и подвернуть внизу, в футболку еще три меня войдет, носки спадают.

— Видел бы меня сейчас Димасик, — рассмеялась уже от души, представив его перекошенную морду.

Как же, он у нас поклонник кружев, шелков, идеальных укладок и каблучков даже в доме. А от облупившегося лака и поломанных ногтей его бы кондратий приобнял.

— Сосешь ты, Вознесенский, — подмигнула своему отражению. — А я вот буду сосать Боеву. И, кстати, с огромным удовольствием.

И правда ведь. Этого с ним я тоже теперь хочу. Чудеса да и только. И ковыряться в себе ни секундошки не буду больше, спрашивая, нормально ли это вообще. Что в моей жизни нормально? Что будет в ней завтра? Через неделю? Месяц? Да пофиг! Я на свободе. Нажрись ее, сколько смогу.

Защелкал замок, и слышались голоса. Андрея и какой-то женщины. И вот тут я мигом растеряла свой оптимистичный настрой. А что если он наврал мне и жена у него таки есть? Нет, ну не больной же он на всю голову тогда оставлять меня в квартире? А вдруг она вернулась неожиданно? А вдруг кто рассказал обо мне? Мигом стало гадко и тоскливо. И это ты, Катька, минуту назад хорохорилась, типа

на все плевать, трава не расти, жизнь стала праздником? Жизнь, для таких, как ты, всегда говно, где так и останешься вечной подстилкой, девочкой для перепиха, которую держат отдельно от действительности, как секс-девайс в глубине шкафа. Все знают, что он там есть, но делают вид, что все пристойно.

И такой злостью неожиданно накрыло, что я не просто вышла — выломилась из спальни и встала задрав подбородок, нагло уставившись в глаза сильно беременной молодой женщине. Вот, полюбуйся, добропорядочная ты матрона на сносях, кого твой благоверный в дом таскает и в ванной пальцами трахает.

— Ух, ты, Боев, а ты по зубам ли кусочек отхватить решил? — осмотрев меня внимательно с нечесаной головы до носков гармошкой, сказала незнакомка, подергав дважды проколотой бровью. Эм-м... неожиданно. — Силенок-то хватит? Привет, я Роксана, — шагнув навстречу, протянула она мне руку, а потом указала на свой живот, обтянутый красивым, белым платьем ручной вязки с затейливым рельефным рисунком: — Это не его.

— Привет, — уже совсем не воинственно проямлила и глянула на Боева, не зная, как мне представиться. Он рассказал обо мне правду? — Я... Катя.

Андрей еле заметно кивнул, то ли одобряя, то ли давая понять, что мое право говорить что хочу.

— Мы привезли тебе шмотки. А еще я хотела убедиться, что ты в своем уме и не прикована к кровати цепью, чтобы не сбежала. Но теперь поняла. Он у тебя все вещи стырил просто, да?

— Смешно, аж усаться можно, — мрачно пробубнил нагруженный пакетами Боев, протискиваясь мимо объемной визитерки.

— Скорее уж я у него, — ответила Роксане, внезапно совсем не понимая, как вести себя дальше.

Кто Боеву эта Роксана? Сестра? Не слишком похоже. Знакомая? В любом случае я стояла перед ней натуральным пугалом, и наверняка потом она всласть посмеется над этим. Разве мне не должно быть плевать? Например на то, как неловко будет Андрею, когда ему ткнут, что за чучело он у себя пригрел.

— Вот и на кой мы эти вещи покупали, если в моем барахле ты выглядишь такой съедобной? — проворчал мне на ухо Боев, зыркнув

мне за пазуху в оттопырившийся ворот, мимолетно цапнув за мочку и нисколько не стремясь скрыть это от беременной гостьи.

Я не смогла сдержать резкого вдоха.

— Вот же котиче похотливый, — фыркнула Роксана и стянула с себя шубку.

Не котиче он, а тигрище саблезубый. У меня от одного его вскользь пробежавшего взгляда, хищного, плотоядного, миглом дающего понять, что я тут жертва, которую с удовольствием сожрут в ближайшее время, полыхнули уши и потянуло в животе.

— Что, разрешишь глянуть, подойдут ли обновки? — подмигнула мне Роксана заговорщицки, указав на дверь в зал.

— Да я тут как бы на птичьих правах, чтобы распоряжаться, — пробубнила себе под нос, чувствуя себя все более неловко.

— М? — удивленно посмотрела Роксана.

— Я ненадолго. Временно, в смысле. Пару недель, — ага, если меня раньше не выставят.

— Странно, а барахла он нагреб чуть не на год вперед.

— Вы так и будете в прихожей топтаться, дамы? — выглянул к нам разгрузившийся хозяин квартиры. — На кухне за чаем куда как удобнее мне кости перемывать.

— А мне это везде удобно, — подмигнула красавица с пирсингом и глянула вниз. — У меня другая проблема.

— Господи! — закатил глаза Боев, и, облапав меня походя за ягодицу, присел перед ней, взявшись расстегивать ей сапоги.

И что-то такое было в нем, огромном, неловко согнувшемся в тесноте прихожей, склоненном к ногам беременной женщины... Я бы тоже такого хотела. Ясное дело, что это всего лишь некая картинка, скорее лишь вежливость со стороны Андрея. Но я вот такого тоже хочу для себя однажды. Только чтобы это было настоящей заботой, чтобы тот мужчина в моей внезапной мечте-вспышке любил меня. Однако вряд ли мне такое светит.

Отвернувшись, я пошла изучать кухню. Хоть чай поставлю, будет от меня польза. Но Боев быстро пресек мою самостоятельность.

— Так, сели обе, — распорядился он, отняв чайник и шлепком по заднице направив к табурету. — Сквозняком еще качает, а лезет она хозяйничать.

У нашей гостьи снова от удивления поползли на лоб брови.

— Уф-ф! — вздохнула она, примащиваясь на диванчик в кухонном уголке и потерев поясницу. — Что-то угонял ты меня, Боев.

— Я тебя?! — возмутился Андрей. — Да я думал, ноги отвалятся за тобой таскаться! На сносях она называется. Меня, здорового мужика, умотала!

— Ты просто к шопингу непривычный, — махнула рукой Роксана, поморщилась и повернулась ко мне: — Слушай, я все понимаю, тактичность и прочая хер... условности, ага. Но я же просто умираю от любопытства, как ты очутилась здесь в конце декабря, считай, голышом, судя по тому, что он навывбирал.

— Роксана! — рыкнул Боев, но она и не глянула на него.

— Ну серьезно! Этот засра... кремень не колется. Совесть есть у вас, так испытывать терпение женщины в моем поло... Уф! — Она резко поменялась в лице и поморщилась. — Так, пардон, но мне тут в удобства отлучиться надо. Беременность в процессе — все же такой отстой.

Она торопливо, вразвалочку покинула кухню, и я еще провожала ее взглядом, когда Боев прижался ко мне сзади, запустив лапу под ворот футболки и сжав грудь. Причем в этом положении я ощутила его наливающийся член под своим затылком. Подчиняясь мгновенному импульсу, повернула голову и потерлась щекой о растущую твердость. Андрей шумно вдохнул и поддал чуть бедрами, потираясь в ответ.

— Ты же понимаешь, что сегодня случится? — тихо спросил он, начав обводить мои губы большим пальцем другой руки. — Я тебя трахну. Заебу просто. Если не готова к этому — скажи.

Я была готова. И хотела. Но вот наша постоянная игра в вопросы...

— А если нет, то что сделаешь?

— Свалю из дома от греха подальше. Пар спустить. Или за себя не ручаюсь.

Ну что же, это... честно. Но почему-то больно. Поразмыслить на эту тему я не успела. Засвистел чайник, и одновременно раздался напряженный голос Роксаны.

— Ребята! Как насчет звякнуть в Скорую? Я, кажется, буду рожать.

Глава 17

Повисла мертвая тишина в несколько секунд.

— Что, бля?! — заорал не своим голосом охреневший Боев. — Нет! Не смей это делать в моей квартире! Камнев убьет меня!

Сорвавшись с места, он заметался, явно в поисках телефона, глядя перед собой ошалело.

— Боев, я убью тебя первая, если еще матернешься при моих детях! — рявкнула на него Роксана. — А-а-ай, больно-то как!

Подхватившись с табурета, я схватила телефон, что лежал хозяином с перепугу не замеченный на кухонном столе, сунула ему в руку и поспешила к Роксане.

— Я войду, ладно? — спросила, уже толкая дверь в ванную.

Молодая женщина стояла, тяжело опершись одной рукой на бортик ванны, а другой держась за живот. И вот тут и я перепугалась всерьез, потому что на полу под ее ногами в красных потеках быстро расплывалось пятно крови.

Боясь, что она поскользнется на кафеле, я схватила с сушителя полотенце и положила ей под ноги. Опустила крышку унитаза.

— Может, лучше присесть? — Я понятия не имела, что нужно делать в подобной ситуации. — Или ты лучше ляжешь? Мы доведем тебя до комнаты.

— Посмотри! — Она ткнула на кровь у своих ног. — Я тут все уделаю, и Боев еще в обморок грохнется. Он и так вокруг сегодня скакал с глазами перепуганными. Мне срочно нужен мой муж.

— Тебе срочно нужно в больницу, — мягко возразила я, попытавшись-таки усадить Роксану на унитаз. Она села, но только прямо на пол и привалилась спиной к стене, широко раздвинув бедра. Дышала рвано, то и дело закрывая глаза.

— Я вызвал. — Боев буквально только мелькнул в дверном проеме, зенки у него стали размером с блюдца, и он тут же отшатнулся, матерясь сквозь зубы. — Ты кто? — заорал он через несколько секунд. — Камнев еще в офисе? Да ну мать же его ети! Я ему этот телефон... Да, срочно! У меня тут жена его рожает! Да, посылай, хоть сам езжай сейчас же!

— А-а-ай, — негромко вскрикнула Роксана, напрягаясь всем телом, бледнея окончательно. Все лицо в поту, взгляд остекленевший. — Что там, Боев?

— Муж твой — долбо... криворукий! На объекте был и телефон расхреначил. И домой уже уехал. Когда не надо — через каждые десять минут мне трезвонил, мозг сношал, а тут... Ну что за запахло!

— Боев, мне нужен мой муж! — прорычала Роксана и скрипнула зубами.

— Але! Я Скорую вызвал черт-те сколько времени назад! — снова заорал на кого-то Андрей. — И что, что снегопад? Не конец же света, блядь! Пешком пусть идут!

Я намочила полотенце, начав обтирать лицо Роксаны, с ужасом замечая, что кровь уже пропитала всю махровую ткань под ней и пятно начало расползаться в стороны.

— Роксана, ты как? — похоже, Боев стоял прямо у входа, но внутрь не совался.

— Мне нужен мой гризли, — повторила она и протяжно застонала. — Мне кажется, что-то не так... Не должно болеть все время...

Глянув в ее пугающе бледное лицо, я выскользнула из ванной.

Андрей стоял, привалившись к стене, и с бешеным взглядом тыкал в телефон.

— Что со Скорой? — шепотом спросила его.

— Снегопад, аварии, торчат в пробке.

— Слушай, я ни черта в этом не понимаю, но там очень много крови.

— Разве так не должно быть? — Боев стал почти таким же бледным, как и Роксана, и с силой ударился несколько раз затылком о стену. — Сука-сука-сука. Камнев же убьет меня, если что... И сам потом вздернется. Что делать?

— Может, мы сами быстрее доберемся? Ну не знаю, дворами там, ты же местный.

Взгляд мужчины стал осмысленным.

— Точно! Одеяло неси, Катюха!

Я метнулась в комнату и схватила, что велел. Когда вернулась, Боев уже нагнулся над Роксаной, осторожно поднимая ее с пола и без остановки бормоча «бля-бля-бля-какой-же-пиздец».

— Давай завернем!

Мы укутали стонущую женщину, и я ломанулась открывать входную дверь. Выскочив на лестничную клетку, хлопнула по кнопке вызова лифта.

— Ключи от тачки в дубленке! — бросил мне Андрей, вываливаясь из квартиры.

Я бегом вернулась, нашарила брелок в его кармане и заскочила кабину с ними.

Только лифт тронулся, Роксана закричала.

— Тш-ш-ш, терпи, Камнева, терпи. Я тебя мигом доставлю. Ты мне не думай даже ничего такого... Яр же тебя любит, заразу. Ему ж без тебя никак... Терпи...

Так же бегом по парковке около дома, я распахнула заднюю дверь, Боев уложил Роксану, и она, пугая нас окончательно, потеряла сознание.

— Домой пошла! — гаркнул он на меня, когда собралась оббежать машину и сесть впереди. — Какого хуя босая выперлась!

И он, подняв кучу снежных брызг, рванул с места.

Я глянула на свои ноги и поняла, что он прав. Даже болтавшиеся носки потеряла где-то.

Мигом замерзнув, помчалась назад. Вернувшись в квартиру, взялась замывать везде кровь, застирывать холодной водой с мылом полотенца. Штаны и футболка тоже оказались уделанными, и их я замочила, разыскав тазик. Завернувшись в простыню, села в зале, рядом с кучей так и не распакованных пакетов из магазинов. Уставилась на стрелку настенных часов, отчего-то дико переживая об этой практически незнакомой для меня женщине. Наверное, она очень хороший человек. Ведь Боев так боялся и за нее, и за ее неизвестного мне мужа, своего друга. А Боев сам... хороший. И его друзья плохими быть не могут. Мне пока за жизнь хороших людей встретилось не так и много. Так что пусть у этих все сложится удачно. Пожалуйста.

Настойчивая мелодия подняла меня с места. Забытый телефон Андрея так и валялся у стены в прихожей.

— Ал...

— Боев где? — громыхнул мне в ухо пугающий мужской голос.

— Вы Яр?

— Боев. И моя жена. Где? — На том конце кто-то тоже пребывал не совсем в адеквате.

— Андрей повез ее в больницу. В ближайш...

Вызов прервался.

Спустя часа два хлопнула входная дверь, и я побежала в прихожую. Боев вошел и, заметив меня, замер, глядя пристально и тяжело привалившись плечом к косяку.

— Ну как? — спросила его.

— Нормально, — только и ответил он.

Взгляд его налился тяжестью, каким-то совсем уж лютым мужским голодом. Он сдернул через голову испачканный свитер вместе с рубашкой. Пошел на меня, будто хотел снести. Обхватил, сжав задницу, и поднял, притиснув в своему боку, как куклу. Тяжело дыша, попер танком в спальню и сходу швырнул на постель. Рыкнул, отбрасывая и так сползшую простыню, еще раз, более грозно, когда попыталась сдвинуть колени. Развел мне ноги, уставившись между них хищно. Сейчас он снова напоминал мне зверя. Готового напасть тигра саблезубого, ведомого самыми примитивными и древними инстинктами. И он тут же оправдал мое предчувствие. Повалился на кровать на живот и буквально врезаясь своим ртом в мою промежность. В первое мгновение обожгло болью — настолько интенсивным оказался контакт. Ни капли не ласка. Он впился в мою плоть по-настоящему жестоким поцелуем, практически кусал, вцепившись с силой еще и в бедра, не давая выскользнуть из-под себя. Кажется, я даже завизжала, ерзая задницей в бессильной попытке облегчить этот варварский натиск. Он ведь жег меня, жег заживо и без остатка.

— Слишком! — единственное внятное, что вырвалось, сквозь в миг накрывшую сознание жаркую пелену.

И лишь тогда это реальное пожирание сменилось подобием ласки, смягчилось. Вот только мне это ничем не помогло. Дышать стало совсем нечем, каждое глубокое проникновение его языка, давление жадных губ, требовательное посасывание и даже это грубое удержание пальцев на бедрах нещадно лупило током по моим нервам, сжимало легкие, вырывая безумные вопли, гнало какое-то и без того громадное давление во мне к запредельной отметке. Я замолотила руками,

замотала головой, мыча и вскрикивая, уперлась пятками в его плечи, спасаясь от неминуемого взрыва. Но Боев не оставил мне ни шанса.

— Сюда смотри, Катька! — рявкнул он, и я подчинилась сразу, словно была его марионеткой, хотя только что не владела в своем теле ничем. — Смотри!

И Андрей прямо-таки втерся своим ртом между складками, присосавшись и надавливая зубами и языком с идеально-жесточкой силой и ритмом, сжирая еще и свирепым взглядом. Оттуда прямо в мозг прошило насквозь, слепя, оглушая, выбрасывая к чертям из тела.

— Тихо, девочка, так и шею свернешь, — услышала над собой, только смогла снова глотнуть воздуха. — Теперь для меня, Катька. Держись, я совсем дурной сейчас.

Глава 18

Я и штаны совсем снимать не стал. Уже так в башке бомбило, что последние крохи самообладания уходили на усилия хоть самую малость обузывать зверскую необходимость вогнать себя в Катьку с налету. Сразу, по самые яйца. Еще бы и задрать ей колени к подбородку, чтобы забуриться до предела, но нельзя прижимать пока. Меня прижало засадить ей еще у самой двери. Встретила меня в одной простынке, соски тут же проступили из-за принесенной мною на себе прохлады. Все такая же растрепанная, взгляд тревожный, ищущий. Губы эти ангельско-простибожемоюдугрешную-блядские приоткрыты, выпрашивают сотворить с ними такие непотребства, что мигом аж огненная река вдоль хребта, пар из ушей и яйца как камни. Что же ты за тайна такая ходячая, как дурь какая-то, ей-богу. Аж разрывает от противоречия. Кажется, сильнее пальцем ткни — и навредишь безвозвратно, будто фигурка ты эфемерная, из сахарных ломких нитей сотканная, и при этом крутит люто от жажды мять, лизать, кусать, захватывать, кончать на эту кожу, губы, щеки, соски, живот подрагивающий. Пачкать свидетельствами своей похоти, размазывать, покрывая повсюду, и любоваться этим порочным блеском смеси нашего общего пота и спермы. Плечи, ключицы острые, мордой тереться — изрежешься, шейка тонкая, изящная. Пальцы скрючило наложить их на это трепетное горло, удерживая на месте, пока буду долбиться в нее. Нахуй сейчас всякую осторожность и нежность, мне из башки стереть нужно увиденное за последние два часа. Хочу, кончить так, чтобы мозг, как выстрелом, на время вышибло и из него ушло все это... Кровища эта. Вроде херня, да, мне ли ее шугаться. Но хрен там! Одно дело, когда тебя метелят, ею умываешься или ты кого ебашишь в кашу, а совсем, в миллион раз другое, когда у тебя на глазах этой самой кровью начинает истекать баба. Беременная баба. Баба твоего лучшего друга, у которой внутри ребенок этого друга. Дети, блядь, как оказалось! И мало того, что у тебя от самого этого факта будто кто кишки углями красными набил и кочергой помешивает. Чтобы не остывало, ага. Но куда как больше, до усрачки пугает то понимание, что если ничего не сделаешь и дашь случиться худшему

дерьму — и, считай, своими лапами кривыми убьешь друга. Возьмешь и нож в сердце воткнешь. Камневу такого не пережить. Он, конечно, у нас скала, но эта гребаная погремушка для него что тот динамит. Случись с ней что — и все, останется от нашего Камня одна пыль и осколки.

Ебаная «Скорая», блядская погода, хуев шопинг еще мой — все до кучи, западня прямо для меня. Еще и Камнев проебавший телефон в самый «подходящий» момент. Я понял: карма не сука, она — сраный, злобный, сто лет не ебанный педрила! Никакая баба-сука тебя так не подставит! Камнев же реально мне названивал каждые десять-пятнадцать минут, пока Роксана носилась по торговому центру, а я таскался за ней, покупая, что советовала. Нахер нагребался — и сам не понял, но как представлял каждую тряпку: от кружевных трусов до какой-то дебильной пушистой пижамы — на моей загадке, и каждый раз член подпрыгивал. Одобрял, гад. Глаз один, но зрение будь здоров. Он одобрял, а я скалился дурнем и греб.

Моя бэха застряла-таки в сугробе в двух кварталах от больницы. Вытянул стонущую в беспамятстве Роксану и бегом попер ее на руках. Снег лупил в морду, ветер нам навстречу, ноги вязли, прохожие-долбоебы все время на пути попадались, как кто проклял меня, что ли.

— Пошли все на хуй с дороги! — ревел я до боли в глотке.

— Быстро! Она рожает! — заорал, ввалившись в приемный покой.

— У нас нет родильного отделения, — вякнул какой-то прыщавый дрыщ в зеленоватой форме. — Вам не сю...

— Меня ебет, чего у вас нет?! Каталку нам, и спасайте ее, или перебашу всех тут нахуй!

Их счастье и моя удача, что остальные медики были не такими тормозами, как этот. А то реально закончилось бы все очень плохо. И не только для Камневых, но и для меня. Убил бы кого и сел. Меня что-то там пытали про сроки, группу крови Роксаны, еще всякую неведомую херь, но единственное, что я смог вспомнить в своей панике, — ее бабский доктор как раз жена Насонова. И все, дальше понеслась суета мимо меня, а минут через тридцать в приемный покой вломился и сам Яр с дикими глазами.

Я уже готов был поймать по роже и оправдываться, но он промчался мимо, допрашивал долго персонал, а потом бухнулся на взвизгнувшую под нашими тушами кушетку и привалился ко мне

плечом. Уставился перед собой в стену, и так мы и сидели, две затаившиеся в засаде истерички, пока к нам не вышла доктор и не поздравила с рождением двойни. Вот после этого я окончательно уже перестал соображать. Поднялся, похлопал по плечу Яра, которому еще вещали про ход операции и своевременную доставку, и поплелся на выход. Тут уж он сам как-нибудь. С меня хорош.

Глава 19

Мотнув гудящей башкой, я вернул себя в сейчас, к Катьке, еще всхлипывающей и подрагивающей в отходняке от оргазма. Вылизать ее, заставить кончить, чтобы хоть чуть стала готова к тому безумию, в котором я немедленно нуждался, — максимум на что был в этом состоянии способен. Сука, почти подвиг, учитывая, что в своей башке я ее еще в прихожей нагнул и отодрал, забив на готовность. Резинку по стволу раскатывал, жмуря глаза до искр за веками, каждое даже собственное касание как дразнящее поглаживание курка: малость сжать — и уже обкончаюсь.

Закинул ноги Катьки себе на плечи и ткнулся головкой, без капли деликатности между только что тщательно вылизанных губок. Пялился на то, как вхожу, за три толчка. Туда, обратно и снова внутрь, глубже с каждым разом.

Как только вперся под самый корень — остановился, шипя сквозь зубы от ее тесноты. Аж глаза на лоб лезли, кайф оглушительный, но тут же и подозрение вспышкой. Что если соврала? А если все же...

Выдернул член, уставился в поисках следов снесенной девственности. Нет ничего. Ну и гори оно все тогда. Вогнал разом без церемоний уже. Хорошо, больше сил моих нет. Катька взвилась над постелью, выгибаясь и сжимая меня еще слаще. Запустил обе лапы под ее ягодицы и задолбил, натягивая на свой хрен, как перчатку, заодно и удерживая от того, чтобы при каждом жестком толчке не таранила макушкой изголовье кровати. Кончу, вот сейчас кончу, — подошло позорно прям чуть не с десяти толчков.

Выдернул член, не в состоянии сдержать похотливое недовольное ворчание, что так и перло, перевернул Катьку на живот. Тормозя уже почти вырвавшийся оргазм, прошелся укусами-поцелуями от острых плеч вдоль выпирающих позвонков до задницы, одновременно ритмично вгоняя в только пригубленную горячую тесноту два пальца. Сжал зубами ягодицу, поймал спазмы внутренних мышц, нагло забурился между упругими полушариями, проталкивая язык в анус.

— Не... на... — Катька дернулась поджаться, соскочить с моего языка и пальцев, но хрен я дал, заработав интенсивно и там, и тут.

Завсхлипывала, затряслась, насаживаясь в ответ. Как только уловил это предельное напряжение, выпрямился и опять засадил на полную.

Долбил-долбил-долбил под ее вскрики, скулеж и свои финальные хрипы. Да, вот оно то самое, сука, желанное так, полное временное уничтожение мозга взрывом. Когда приходишь в себя обвисшим, как тряпка, навалившимся на девичье хрупкое тело и, похоже, с ручьем потекшей от полной, прямо-таки тотальной расслабухи, слюны. Вот почему трахаться в такие моменты лучше сзади. Ну ни хера ты не брутальный мачо и не ебать-террорист, когда тебя настолько вставило, что обратно частей себя сразу и не соберешь. Когда меня так молнией разбивало? Да хер знает... с Юлькой по первости, может. Уже и не помню. В любом случае дело тут не в бабе, а в том что от предыдущих обстоятельств так вштырило, естественно. Я-то себя знаю.

— Боев, сползи, а? — прохрипела моя загадка, брыкнувшись подо мной.

Зараза, ребра же ее!

— У-ум-м... угумс, — проворчал я недовольно из-за того, что от ее ерзанья обмякший член выпал из уютненького тепла.

— Боев, нам бы поговорить надо.

Вот, блядь, замечательно! Мне сейчас прямо самое то, разговоры эти.

Вот почему я в большой степени и предпочитаю отношения «я тебе бабки, ты мне молча сосешь». Все эти «нам надо поговорить» пиздец как портят мою прекрасную картину мира.

— Угу, надо, — не открывая глаз, согласился я.

Настал тот самый звездный час для заготовленной давно речи. «Я не создан для верности, и либо бери, что есть, либо досвидос».

Ага, еще и не забыть упомянуть, что вообще-то для всех до нее просто «досвидос» без всяких либо.

— Слушай, я ужасно благодарна и за заботу, и вещи все эти... Как только обналичусь, все верну до копейки... А секс... Это ты не представляешь, что для меня открыл... Но я не останусь, ты же понимаешь?

Что, бля?

Глава 20

Мои ощущения просто не поддавались пока объяснению. Боев буквально на части меня разнес, растряхал в мелкие осколки, лишив на время способности соображать, не позволив хоть что-то контролировать. Не оставил мне и шанса как-то воспротивиться всей той мощи удовольствия, что обрушил на меня, практически раздавливая, выжимая до капли меня прежнюю, вообще меня. Та, что извивалась, билась, кричала до хрипа, принимала его чуть не разрывающего пополам и кайфующая от этого, будто и не я была. И все было хорошо до такой степени, что я только и могла поначалу лежать и ловить жаркий, пропахший нашим сексом воздух, бездумно пялясь в потолок спальни. Какая запредельная степень этого «хорошо» мне прежде неизвестная. О таком даже не фантазируешь, потому что и знать не знаешь, что такое возможно в принципе.

Хотелось почему-то плакать, полезть к нему обниматься, поцеловать его... И вот как раз этот импульс живо отрезвил. Давно, еще когда только начался мой ад с Вознесенским, я дала себе слово, что сама поцелую только своего настоящего любимого. Время спустя, пройдя через все, когда Дмитрий не оставил в моем теле ни единого уголка, который бы не обгадил своим присутствием, это стало казаться таким наивным и глупым. Но оставалось при этом такой лазейкой для моего сознания. Последней опорой. Сказочным оберегом осколков живого во мне. Чем-то, до чего он так и не добрался, не растоптал.

Я поцелую только любимого. Своего настоящего.

И плевать, насколько это по детски. Плевать, что грезы об этом моменте уже столько времени перестали и посещать меня, утешая хоть как-то. Плевать, если такой человек так никогда и не случится в моей жизни.

Я поцелую только любимого или никого. Не в губы. Не в душу, с такой же распахнутой с полным доверием душой навстречу.

А Боев... нет. Он, безусловно, не Вознесенский, но общее у них есть однозначно. Они из разряда людей, кто берет у тебя. Берет, чтобы потом рассчитаться, а не отдать в ответ. Платит он, пусть и

удовольствием, а не только бабками, как Димасик, но именно платит, ничего не отдавая от себя самого.

— Больно сделал? — приподнял голову Андрей.

Только лежал абсолютно расслабленный, как пригревшийся большой котяра на солнышке, но стоило мне заговорить, и он весь мигом напрягся. Подобрался, опять обращаясь настороженной клыкастой зверюгой.

— Есть немного, но...

— Прости, девочка, я слегка не в себе был. Больше так не будет.

— Зря. Мне все понравилось.

Он хмыкнул, типа кто бы сомневался. Наверняка это очень здорово — быть настолько уверенным в своих способностях доставлять партнеру удовольствие. Пусть и сам партнер для тебя нисколько не значим.

— Тогда куда резко засобиралась?

— Почему резко? Я просто к тому, чтобы у нас ясность была.

— Ясность я люблю.

— Ну вот потому и говорю, что не останусь.

— Вот как? И куда собралась?

— Все равно, — пожала я плечами. — Я пожить хочу.

Распробовать вдоволь свободу, побыть просто нормальной, той, кто может идти куда хочет, говорить с людьми без высочайшего позволения, улыбаться, делать все то, что делают мои ровесники. Не быть больше вещью, телом, которое берут без согласия. Не важно, с удовольствием для меня или без, но потом, в этой моей новой жизни больше так не будет, сколько бы она ни продлилась. Мне так много нужно успеть сделать.

— Ну так и живи, я разве против. Со мной, — хохотнул Боев, потягиваясь, но почему-то мне все это почудилось чуть наигранным.

— Тебе-то это зачем? — поддержала я это его псевдовеселье, на всякий случай отодвинувшись. Вдоль позвоночника как холодком повеяло, а я свою интуицию знаю.

— Как зачем? Домой пришел, а тут девочка горячая, на все согласная дожидается. Удобно же. Обоим.

— А захотел — и не пришел, да? — сама не поняла, что меня за язык это ляпнуть дернуло.

Но эти его слова... я вдруг себя снова ощутила, как только из-под Дмитрия. Только что на коже был пот, его, мой, как свидетельство пережитого вместе удовольствия, и хоп! — опять липкое позорное дерьмо.

— И это тоже. — Андрей сел прямее, смотрел мне в глаза пристально и как-то... злился, что ли? — Если девочка горячая, послушная, а еще и понятливая, то вообще можем замечательно зажить. Я ведь еще и не жадный, разве что до секса.

— Думаю, тебе найти такую труда не составит.

— А ты не такая? — прищурился Боев, так, словно целился в меня. — А мне показалось, что очень даже да.

— Нет. Я не останусь, — отвернулась, уходя от его прямого острого взгляда. Нет дела, какой он меня считает.

— Что, пересидишь до возвращения Шаповалова, а потом куда? — Вот теперь я точно видела, что он злился.

Я знала только одну защиту от злости. Затаиться и дать прокатиться ей через себя, перетерпеть. Все когда-то заканчивается. Поэтому просто устала в потолок и промолчала.

— О, ну здорово, опять тут мне деревяшку неживую включить собралась? А когда трахал, голосила еще как! Может, тебя только так и разговорить вариант, а, Катька? Расскажешь хоть теперь, чего же это ты такие надежды на Кольку возлагаешь? Или секс не повод для того, чтобы хоть полсловечка мне сказать? — Он поднялся на локте, зависнув надо мной, и как бы ни старалась ничем себя не выдать, но невольно сжала зубы, готовясь к боли. — Чего ты, бля, зажимаешься, а? Я же сказал, что пальцем не трону! Не веришь? Хуй сунуть в тебя доверила, а что не ударю и говна не сделаю не веришь? Говори давай со мной! Ну!

Андрей сверлил меня злым взглядом, и я не понимала, чего его так вдруг подорвало. Впрочем, причины валяющейся на мою голову агрессии давно отучила себя анализировать.

— Молчание не прокатит, Катька, — он сел, опершись спиной на изголовье, и подтянул меня, усадив на себя. Попыталась опустить голову, но он не дал, стянув волосы на затылке и зафиксировав.

Его член быстро стал твердеть между нами, и мои брови невольно полезли вверх. Реально? В ответ Боев недобро ухмыльнулся и стал ерзать, потираясь и пристраивая свой неугомонный орган в самом

чувствительном месте. Я закусила губу, чтобы не всхлипнуть. Еще и с прошлого раза там все пульсировало.

— Ну же, Катька, давай, — обхватил мое бедро секс-дознатель и с легкостью стал двигать по своему стояку туда-сюда, заставляя вздрагивать от чрезмерности ощущений. — Я могу продолжать так хоть до утра. Затрахую тебя до нестояния, если понадобится.

— Прямо уж до утра, — не выдержав, фыркнула я, внезапно практически перестав его бояться.

— Доказать? Хочешь?

— Я... не хочу.

Как же до странности трудно просто взять и сказать... заявить о своем желании.

— Ну слава тебе господи, прогресс. Не хочешь чего? Говорить со мной? Трахаться до утра? Жить вместе? Терпеть, что обращаюсь как с куклой?

— Ну жить-то мне пока больше негде, — совсем осмелев, ответила ему. — А так, да, не хочу по всем трем пунктам.

— Видишь!

— Что?

— Ты вот только что мне, считай, в душу плюнула, а я ничего тебе за это не сделал. И не сделаю.

— Но ты и не остановился, — указала я на очевидное и все же, не выдержав, всхлипнула, когда он чуть взбрыкнул подо мной. Тело как током снова прошило, и мысли стали разбегаться, освобождая голову для одних только ощущений.

— Потому что тебе это нравится. — Он резко переместил меня, отодвигая подальше и лишая разом всей стимуляции, и теперь я всхлипнула уже от потери удовольствия. — Скажешь нет?

— Не... то есть да... да, мне нравится, — подалась я сама обратно.

— Значит, мы продолжаем?

— Заниматься сексом? Да.

Глава 21

— Ишь ты, какая она хитрая, — хохотнул Боев, шокируя меня слегка этой мгновенной сменой настроения. Только вроде был зол, и уже и следа от этого нет. — У нас будет дашь на дашь. Я тебе делаю хорошо, а ты мне за это выкладываешь про себя все.

— Нечестно, — ухмыльнулась я и, почувствовав в себе невесть откуда взявшуюся уверенность, проехала сама по его внушительной плоти. Как же кайфово-то! Голова как сама собой откинулась, а спину выгнуло, и едва нашлись силы сказать: — Ах-х... тебе ведь тоже от этого хорошо.

— Засранка! — Боев сильно стиснул мои ягодицы, только добавляя остроты, и облизнул мой правый сосок. — До чего же ты красивая вот такая! Вот только хрен будет по-твоему!

И он всерьез взялся за мою грудь, присасываясь, царапая зубами, прикусывая, облизывая, потираясь лицом, отчего щетина дико возбуждающе царапала кожу и соски. Пара минут — и я уже извивалась, подставляясь сама и борясь с его железной хваткой на моей заднице, что не позволяла ни на сантиметр там шевельнуться. А так уже нужно было — край.

— Боев!

— Да, девочка? Хочешь мне рассказать что-то? — пробубнил он, не поднимая головы, дразня дыханием на тщательно обласканной им коже.

— Нет! Отпусти!

— Как отпустить? — Он просто взял и ссадил меня с себя на кровать. — Так?

— Издеваешься, да? — Вот тут уже начала злиться я.

— Да не в жизнь! Я же тебе сказал, что женщин не обижаю, — откровенно ерничал Боев, развалившись нахально передо мной. Еще и хреновину свою здоровенную обхватил у основания, начав дразняще покачивать. — Ни к чему не принуждаю тоже.

— Выходит, это я такая особенная, что ли?

— Выходит. Рада? Это же у баб прямо манечка — быть для мужика в чем-то особенной.

— Не наш случай, — как я ни старалась, но глаза упрямо притягивались к массивной поблескивающей темной головке его хозяйства. Прямо какой-то чертов маятник гипнотизера для меня!

— Ну вот, мы выяснили, что особенной ты для меня быть не хочешь. Говорю же — прогресс. И вовсе и не сложно, да, Катюха?

— Нет, мы выяснили, что я уверена: для тебя не бывает особенных женщин. Не права?

Секунд десять он напряженно пялился на меня, и страх почти вернулся.

— А у самой-то много было таких особенных? — мгновенное раздражение сверкнуло в его тигриных глазах. — Мне так показалось, что тебе пофиг с кем, лишь бы в тепле и сыта.

— Это не навсегда. Очень скоро я смогу все делать сама, сама решать за себя, и никогда больше такого не будет.

— Класс! — Боев вдруг заржал, да так громко, что я чуть не шарахнулась. Смеялся долго, но совсем не по-доброму. Его смех уязвлял больше любых слов. — Катюха, ты бы знала, сколько я подобной херни слышал от шлюх. Вы же все такие: я только сейчас на спине поработаю да члены пососу, а потом вся из себя хорошая стану. С панели уйду, учиться-работать стану, честной женщиной обращусь. Сейчас же это типа не в счет, да? Подумаешь десятком хуев больше-меньше, фигня какая. И каждая из вас звезда типа, мечтает найти лоха, для которого станет той самой особенной. После всех ни хера не особенных. Ты своих неособенных, включая меня, пересчитать сможешь? Хоть примерно, плюс-минус десяток?

Меня не должно задевать все, что он говорит. Не должно. Но почему-то горло стиснуло, перед глазами поплыло. Еще не хватало тут разныться перед ним. Соскочила с кровати и пошла в ванную.

— О, ну да, теперь ты сбежать удумала, — рванулся Андрей за мной, придерживая спущенные штаны, настигнув через два шага и схватив за локоть. — Ладно, брось, Катюха! Давай замнем, не хотел я тебя обижать. Кто я такой, чтобы умничать. Каждый живет как хочет, его выбор. Я тоже ни хрена на пайнька. Пошли обратно в постель, и ты у меня через пару минут все забудешь.

— Двое, — бросила ему, не оборачиваясь.

— Что?

— Двое неособенных, включая тебя, Боев. И мне плевать, кто и что тебе раньше говорил. Никогда не зарабатывала на жизнь отсасывая, — добровольно нет. Я это делала, идиотка непроходимая, чтобы мать свою уберечь. Ту самую, которой ни черта, как выяснилось, и не угрожало. — И не буду. И удобной, послушной и понимающей не буду. Вот потому и с тобой не останусь. Тебе не женщина в доме нужна, не человек, не подруга. Вещь, которой ты место уже определил. А я вещь уже была и лучше сдохну, чем опять... Тему закрыли? — Я дернула локоть из его захвата и, как ни странно, легко освободилась, отказываясь на него смотреть, чтобы не спалиться с уже почти прорвавшимися слезами. — Я в ванную смотаюсь, если не возражаешь, а вот когда вернусь, то сделаешь что обещал. Я не против. Прикольно оказалось узнать, каково это — трахаться с кем-то по своей воле, Боев. Спасибо.

— Кать... — хрипло позвал Андрей, но в этот момент в дверь стали настойчиво звонить и стучать одновременно, и я нырнула в санузел, оставив хозяина квартиры встречать поздних визитеров.

Но только закрылась внутри, как услышала низкий мужской голос, и сердце обмерло. А что если уже? Нашли? Неужели так быстро? Где я спалилась?

Заметалась взглядом по помещению, выискивая что-нибудь. Буду драться. Себя убью. Не пойду назад.

— Да аккуратнее, Камень, задушишь меня! — донесся голос Андрея и его сдавленный смех. — Вот права твоя погремушка: гризли ты натуральный.

Камень. Камнев. Роксана. Отбой тревоги.

В дверь ванной стукнули, заставив меня подпрыгнуть.

— Катюх, выходи! Яр приехал, хочет с нами своих Камнят обмыть. Прикинь, двойня!

Глава 22

Как же удачно появился Камнев! И одновременно очень некстати.

Я, сука, ни за что бы не объяснил и сам себе, почему наговорил всего этого дерьма Катьке. Уже ведь понял, что жизнь к моей девочке, похоже, ничем кроме жопы не поворачивалась. Но вдруг клинануло от того, с какой однозначной непреклонной уверенностью сказала это свое «я не останусь». Бля, будто нет места хуже, чем моя постель. А ведь любая на ее месте ухватилась бы за такую возможность. Ну не любая, хер с ним, это несущественные частности. Хотя бы прикинулась на время обрадованной, это же в ее интересах — податься-то пока некуда. Но нет, у моей приبلуды с сюрпризом прям политика тотальной честности, как же. «Я не останусь». Заладила! Такое чувство, что очередь за дверями выстроилась, чтобы приютить, обогреть, накормить, одеть. Еще и с больной возиться. Опять же, хер с ним, надо признать, что такое сокровище, как она, на улице долго бы не завалилось, тут же кто глазастый подобрал бы и возился. На нее же глянешь — хер подскакивает как подорванный, а, зараза, сердце останавливается, и дышать резко нечем. А чем дольше смотришь, тем суровее прикручивает. Как зачаровывает, засранка. Гребаная ведьма или сирена. Или не пойми еще что за создание мистическое. Но кто сказал, что эти благодетели оказались бы с чистыми, бля, помыслами. Угу. Типа я весь в белом и не трахал ее только что так, будто башню начисто отбило. Что-то в ней... Суешь член, а отдаешь душу будто. Трахаешь сам, но забирает-вставляет так, что аж страшно. Она кончала, а по ощущениям — как если бы я сам, причем как никогда в жизни.

И да, признаю, что предложение жить со мной я сделал... ну, как полный урод. Убещней некуда. Мне б так кто — рожу бы размочалил и еще плюнул в догонку. Но, во-первых, я и сам от себя такого не ожидал. То есть мыслишка зародилась и раньше, причем на пустом месте, но одно дело, как это... абстрактно размышлять и совсем другое — в лоб эдак «живи со мной, будет хорошо обоим». А во-вторых, она первая начала мне по нервам с гордостью проезжаться этим своим гадским «я не останусь».

И снова да, совсем дном было начать вести себя как истеричка-обиженка и говорить ей гадости. Запихивать по шею в дерьмо, равняя с большинством шлюх, с которыми дело имел. Я не слепой. Она не из того теста. Но злость — такая поганая хуйня, типа камнепада. Сорвалось уже сверху если, то остановить, пока хоть кого-то не пришибет, не вариант. Пришибло меня. И так мне, долбоебу, и надо. «Двое» — как пинок по яйцам со всей дури. «Узнать, каково это — трахаться по своей воле» — уже сродни ножу в сердце. И «спасибо» — сука, контрольный выстрел в мою тупую башку. Я ей, считай, в душу насрал, да еще сразу после первого, выходит, нормального секса, когда еще все эмоции как под током, а она мне — спасибо.

Так что Яр пришел вовремя, чтобы спасти меня, всего такого отпизженного своим же дебилизмом. Заодно и удержать от попыток прямо сейчас полезть со своими извинениями и напортачить, скорее всего, еще больше. Сказать, как сожалею, хотелось до усрачки, но я не остыл, не выдохнул, и, кто знает, опять бомбанет чего в дурной башке. Что не только ни говорили мне за последние годы бабы, как только ни называли... но вот так не клинило. Говорю же — сирена чертова, каждым ее словом по мне, как если бы я без кожи. Не знаю, что за херня такая, но пока Катька никуда не уходит. Не-а.

— Давай, заваливай, будем праздновать, — отобрал я у Камнева две бутылки коньяка, по одной на каждую ручищу. — Поляну сейчас организую.

Он тут же полез обниматься. Вот только тискал меня... как-то отчаянно, что ли.

— Яр, что за дела? — отодвинулся я подальше.

— Нормально все, — осклабился он в типа улыбке счастливой. Ведь не может быть... ну, чтобы он внезапно не готов стать папашей, ну, в смысле, по факту, а не гипотетически. А что, с мужиками такое бывает, видел. У кого проходит, как шок, а кое-кто оказывается безнадежным ссыкуном. Доктор вроде сказала, что все уже норм с его Роксаной. — Нет, все просто супер, Андрюха. У нас с Рокс двойня.

Да я типа в курсе.

— Пацан и девочка. Пошли бухать.

И главное в глаза мне не смотрит. Та-а-ак, день у меня сегодня, видно, жесть какой интересный. Одну вон допытал до того, что,

похоже, умаюсь последствия покорно зализывать да вытрахивать. И чувствует моя жопа, что еще и Камнева пытаться придется.

На кухне, что сразу стала казаться тесноватой из-за двух наших здоровый туш, я быстро накидал на стол сыр, колбасу, огурцов с помидорками. Оно, конечно не благородная закуска под коньячок, но не пофиг ли сейчас. Сразу заметил, что Катька, засранка такая, ничего за весь день не съела. Как все утром было, так и стояло.

Яр, не дожидась, пока настрогаю закусон, достал из шкафа стаканы, разлил и хлопнул первый, как воду, занюхав рукавом. Только после этого тяжело опустился на табурет и уставился стеклянным взглядом в дверцу моего холодильника. Мне что-то аж поплохело от вида его широченных поникших плеч.

Катька появилась на кухне почти бесшумно, стала неуверенно топтаться в дверях, я ей кивнул, указывая на табуретку. Одетая в пушистую розовую пижаму с идиотскими мишками повсюду, она выглядела такой еще девчонкой сопливой, что я себя реальным извращенским ублюдком ощутил от того, что первой мыслью при взгляде на нее было развернуть к стене, заставить упереться ладошками в стену, приспустить эти штанишки и въехать в нее по самое здрасти.

— Добрый вечер, — тихо сказала девушка, пристально глядя на Камнева. — Я — Катя. С Роксаной все хорошо?

— А? — вскинулся Яр, среагировав, сто пудов, только на звук имени своей жены.

— Все хорошо? — повторила она, глянув уже на меня вопросительно.

— Да-да, — как-то суетливо закивал Камнев и зачем-то вскочил, пожал руку немного обалдевшей Катьке. Я тоже чувствовал себя чуть пришибленным. Камень и суета — два понятия из, на хрен, разных миров. — Выпейте со мной. У Рокс все хорошо, у нас всех все хорошо. Радость у нас. Да.

Ладно, выпьем. Не та ситуация, чтобы прям шарахать по столу кулаком и велеть выкладывать, как есть. Вон, нажал уже и что...

— Я не... — начала моя шарада, глянув на коньяк, но осеклась и кивнула, сверкнув глазами вдруг с каким-то азартом, что ли. Словно вызов кому бросала.

Схватила стакан, но я отобрал и сунул ей сначала кусок колбасы. Размечталась тут коньяк мне глушить на пустой желудок. Катька покорно съела что дал, пока я доставал для нее маленькую рюмашку. Еще детей я не спаивал сразу и по-жесткому. Хватит и того, что член в нее сунул и останавливаться не намерен. Ну нет на это ни единого шанса пока и сил тоже. Вот такое уж я говно.

— Ну что, за твоих захребетников, дай им бог сто лет здоровья и судьбы самой счастливой! — поднял я свой стакан.

— Дай! — только и кивнул Яр и хлопнул опять будто и не огненную воду вовсе, а лимонад.

Катька отважно глотнула, выкатила глаза, закашлялась, но стойко справилась с поставленной задачей, а я быстренько напихал в нее закуски. Алконавт мой начинающий.

Камнев следил за нами вроде и совсем рассеянно, но при этом глаз не сводил, аж мураши по шкуре.

— Катя, вы же женщина, — неожиданно выдал друг.

Глава 23

Я чуть не поперхнулся. В других обстоятельствах я бы обязательно его подколот этим. Ага, любые бабы, кроме его погремушки, для него вроде и не бабы совсем.

— Да, — согласилась Катька. А глазки-то заблестели. Всего-то и глоток, а захмелела, похоже. Хотя сколько ей такой и надо.

— Тогда скажите мне, как... — Яр поперхнулся словами, треснул себя по груди кулаком. — Как мне сказать моей жене, что они ее выпотрошили?

— Что? — вышло у нас хором.

— Они не только детей достали, они все ей там... ну, ваше женское вырезали... Сказали, что-то там приросло и надо было. Кровь бы не остановилась. Как я ей скажу?

Я сидел как по башке ударенный, все только что проглоченное начало проситься назад, чувство вины душило адски. Это же я... Надо же было потащить. И что же теперь... Как же они... Роксана же, считай, только ожила. Яр не посвящал меня во всякие их интимные тонкости, но я же помогал ему найти не одного альфонсика Толечку, которого мы отправили по этапу и дай ему бог теперь добрых и щедрых зеков на его задницу. Мы еще и эскулапа одного нашли и попржижали. Аж целого главврача к этому времени, зав бабским отделением в больнице. Поломали чуток, доходчиво объяснили ему, что медицина больше не его. Никогда. Не дай боже узнаем — и за яйца подвесим. И я сложил два и два и понял и без пояснений Камнева, что этот медик криворукий в свое время что-то прямо сильно накосячил с погремушкой. Ну нах он по-другому бы Яру сдался. Короче, сообразил я еще тогда: сам факт, что Камнева залетела, был для них вроде чуда. Сработал исцеляющий хрен камневский и сперма, видать, повышенной живучести. А сейчас... Это же катастрофа, как бешеную погремушку взорвать может такая новость.

— Яр... — Что? Что, блядь, я могу ему сказать? Прости? Да на хуй бы мне это «прости» упиралось, если бы...

— Спасибо тебе, Андрюха! — повернулся Камнев ко мне. — По гроб жизни тебе обязан.

Что?

— Сказали, что если бы еще чуть... опоздали бы. Детей еще спасли бы, а Рокс... А я без нее как? Зачем вообще без нее-то? А если бы она как раз дома одна была? Если бы тебя рядом не оказалось... Спасибо, мужик!

— Да я... Это все Катюха вон, — сука, чего же это горло как в тисках жмет и в глазах расплывается. — Это она меня распинала. Я же обосрался и торчал чурбаном тупым.

— Я думаю, вам нужно сказать все, как есть, Роксане, — наконец подала голос моя девочка-находка. Сидит вся такая серьезная, в пижаме этой розовой, а мне пиздец как хочется ее к себе на колени перетащить и затискать. Спрятать рожу поплывшую в волосах, глаза утереть, чтобы не спалиться, что раскис. — Я плохой советчик, что могу в таком понимать. Но хотела бы честности от своего любимого человека. Даже если больно и сначала шок. Вам необходимо донести до нее, что вопрос стоял о ее жизни. И что вы ее любите все так же и даже больше. Ведь так? — Камнев рвано кивнул, буквально глядя в рот девчонке. — Она не должна посчитать себя опустошенной, неполноценной. Наоборот, в ее жизни теперь есть еще и ваши замечательные дети, и они ее наполнят. Двое детей сразу — это же такой подарок от судьбы, так? Все могло быть хуже настолько, что и подумать страшно. Но не стало. Все хорошо, и будет еще лучше. Время радости, а не грусти. Роксана все поймет и примет, только не забывайте ей показывать свою любовь. И простите, если наговорила тут чуши.

Катюха зыркнула на меня, явно прося поддержки.

— Да если этот мужик станет показывать своей жене еще чуток больше любви, то задушит ее и порвется сам напополам! — влез я, сияясь переключить-таки все на оптимистичную волну. А то впору взвыть уже. — Выпьем же за безбашенную девчонку-погремушку, что сперла сердце моего друга с первого взгляда и черта с два когда его вернет. Уверен, матерью она будет такой же безбашенной, и помощи тебе бог, Камень. Ну и друзья всегда на подхвате, если что.

— Крестным пойдешь, — хоть улыбка Яра и была скорее похожа на кривую трещину на валуне, но процесс-то пошел, и у меня от сердца отлегло. — И вы, Катя. Еще по одной, и хорош мне уже бухать.

Спасибо вам, Катя. Чистая правда, мы тут не горе заливаем, а радость мою празднуем.

Глава 24

Боев и его друг Яр, оба казались такими здоровенными на этой небольшой кухне, что я, усевшись между ними, в первый момент ощущала себя чуть ли не зажатой грудями мощи и тестостерона. А еще вообще неуместной, некстати совсем. Что я тут делаю? Зачем нацепила первую попавшуюся под руку пижаму и выперлась? У этих людей есть свой, давно устоявшийся мир и отношения, куда я не вписываюсь. Даже если бы хотела. А я не хочу. В смысле, нет никакого смысла хотеть подобного. Невозможного. Я здесь пробегом. Просто сижу с краешку и смотрю на события чужой жизни, констатирую прочные связи, что протянулись между этими мужчинами. Между Камневым и его Роксаной, и не важно, что ее нет рядом физически, для него совершенно очевидно, ее постоянное присутствие реальней нашего. Завидую, нет-нет, упаси бог, совсем не по-плохому, но, да, завидую, и мечтаю. О том, что и у меня все тоже так же когда-нибудь будет. Друг, хотя бы один, но такой, на которого можно положиться всегда. Что хоть порвется за тебя и тех, кто дорог для тебя, а ты для него в ответ. Мужчина, любящий настолько, что не будет знать, как дальше жить, если меня не станет. Мечта наивная, сказка почти. Очень эгоистично, ведь я сама еще не имею представления, как любить точно так же в ответ, но все же какая же везучая Роксана! Я вижу ее мужа в первый раз в жизни, он на вид огромный и мрачный, но какой потрясающей надежностью и отчаянной преданностью от него веет. За такое и жизнь отдать бы не страшно, наверное. И сто процентов должно быть в женщине нечто абсолютно потрясающее, чтобы удостоиться такого чувства. Но кому нужна моя жизнь и я сама, с тем шлейфом позора и опасности, что тянутся за мной тяжелым хвостом?

Выпитые пару рюмок коньяка неожиданно почти полностью растворили груз этой печали и развязали еще один узел в груди. Вознесенский строго-настрога запрещал мне и глядеть в сторону алкоголя, и прежде я и сама никогда не хотела. Достаточно насмотрелась на мать, которую он из любимого мной единственного родного человека превращал в монстра. Бездушного, плевать хотевшего на меня и вообще на все, кроме возможности добавлять

постоянно, чтобы и не выходить из этого состояния. Как если бы вернуться в действительность и быть снова моей мамой, любящей, заботливой, было худшим, что может приключиться с ней.

Но от предложения Ярослава отказаться было грех. Я, существо из мира нежеланных или оказавшихся по любым причинам бесхозными детей, вдруг очутилась в ином пространстве. Там, где их рождение — большая настоящая радость. И да, стоило смочить сердце чуток, чтобы не болело о себе, о судьбе моей гадской. Где нужна, ой как нужна, да только совсем не для того, чтобы любить. И еще я сразу представила, как это взбесило бы старого ублюдка, и тут же схватилась за стакан. За новорожденных и свободу!

— Слышала, Катюха, Камень тебя в крестные позвал, — подмигнул мне Андрей, положив под столом лапищу на мое бедро. Почему у меня нет ни единого импульса оттолкнуть, сбросить ее? Приятно от сочащегося сквозь ткань тепла его кожи. — Отказываться нельзя.

Соглашаться — вот чего мне действительно нельзя. Не повернулся у меня язык ни соврать, ни правду сказать, вот и спряталась за пустой улыбкой.

Мужчины выпили на посошок, Камнев вызвал такси и стал собираться домой, а Боев обнял меня за талию, подхватывая и утаскивая его провожать. Будто мы такая себе нормальная семейная парочка, провожающая засидевшегося в гостях допоздна друга. Друг не мой, дом не мой, да и не пара мы, но мне уютно.

— А то еще как кинешься тут все допивать, — прошептал Боев мне на ухо и лизнул мочку, отчего у меня тут же болезненно заострились касающиеся мягкой ткани соски и сжалось внизу, мигом напомнив о том, как это было — ощущать его в себе. И о том, что произойдет, когда мы останемся наедине. — А потом еще буяннить и лупить меня начнешь.

— О нет, саблезубый, у меня на тебя другие планы, — так же шепотом ответила я, дивясь своей смелости. Не иначе, как во мне коньяк говорит. А еще и приятно шумит в голове, все как-то непривычно хорошо вокруг и так и подмывает лизнуть шею верзилы рядом. Вот тут, где как раз достану, чуть приподнявшись на цыпочки. Уф-ф-ф, этот коньяк — точно какое-то волшебное зелье.

— Саблезубый, значит? Хорошая новость в том, что у тебя в принципе на меня есть планы, — подмигнул мне Андрей, как только за Яром закрылась дверь. — Выходит, я не фатально облажался, да?

Он повернулся ко мне, обнял, тесно прижав к себе и принялся, покачивая бедрами, потихоньку теснить обратно в комнату. Будто вел в непристойном танце, откровенно потираясь стояком о мой живот, отчего голова кружилась все сильнее. И не нашлось ничего во мне, способного сдержать от ответного покачивания, усилившего замечательное ощущение стремительного растущего возбуждения. Господи, сколько еще в себе приятного таит близкий контакт с мужчиной, того, о чем я знать не знала.

— А для тебя это реально имеет значение? Ведь я здесь и все еще согласна на все. Разве не это самое главное? — хмыкнула я и таки провела языком по его немного колючему подбородку. Рваный вдох воодушевил, и я теперь прижалась и губами. Так близко к его рту. Искушение узнать, каково будет целоваться с ним, почти непреодолимо.

— Угу, главное, конечно, — буркнул Боев, заваливая меня на постель, до которой как раз дотолкал. Уверенно, но при этом аккуратно, снова как какой-то чрезвычайно хрупкий предмет. Совсем не так, как в первый раз. — И сейчас прям по пунктам будем разбирать, на что конкретно ты согласна, Катюха.

Он поднялся и неторопливо стянул с себя штаны вместе с боксерами, оставаясь голышом. Я закусила губу, силясь заставить себя смотреть ему в лицо, но проиграла в этой борьбе и уставилась на вызывающе торчащий член, достающий темной поблескивающей головкой почти до пупка. Да... уж...

— Готова ли ты, Катерина, принять мои извинения за грубость и всю ту хрень, что я про тебя сморозил недавно? — торжественным тоном спросил Андрей.

— Хм... А одетым ты спросить не мог? — рассмеялась я, что, однако, нисколько не мешало все сильнее заводиться.

— Ты смеешься, значит, злиться не можешь. Ну и я заметил, что вид моего прибора оказывает на тебя благоприятное влияние, и не дурак же я, чтобы не воспользоваться таким козырем.

— Козырь... хм... тот еще, — пробормотала, уже смиряясь с тем, что действительно залипаю на этом виде. Озабоченная я. — Но разве

это честная игра? Где мои козыри?

— Кто играет честно, когда у него стоит? — фыркнул обольститель. — И нах тебе козыри, если чтобы выиграть, достаточно сиськи мне показать.

— Только их?

— Вот прямо сдай тебе себя с потрохами, да? Ладно, я не такая жадобина, как ты. Скинешь все шмотки — считай, выиграешь и не начиная. У любого дурня с членом.

— Так уж и у любого?

— Поверь, дядя знает, о чем толкует.

Конечно, я понимаю, что это просто лесть, но от этого не менее приятно. Приятно быть красивой для него. А раньше я себя за это чуть ли не ненавидела.

— Так что там насчет прощения за мой длинный язык? — усиливая заявленное влияние Боев обхватил свой ствол у основания и снова стал покачивать, слегка проводя вверх-вниз. Огромный кулак, скользящий туда-сюда по перевитому толстыми венами мощному стержню, широкое запястье в негустых светлых волосках, на котором четко проступали мышцы от этой завораживающей меня ритмичной работы. В комнате катастрофично стала расти температура, губы пересохли, и мои бедра сжимались сами собой, чтобы хоть как-то гасить растущее внутри напряжение.

— А как насчет добыть это самое прощение языком вовсе не болтая? — у-у-ух ты-ы-ы! Я люблю тебя, коньяк!

— Да я, похоже, разбудил в моем бревнышке сладену? — заржал Андрей и, ухватившись за края штанин, потянул с меня пижамные брюки. Я охотно приподняла задницу, помогая раздеть себя.

Кого-то ты, мужик, точно разбудил во мне. И вот ведь странная штука: раньше мне был и секс тот пофиг, и разговоры о нем ни в одном месте не щекотали. А сейчас я даже сквозь дарящий отвагу и свободу хмель ощущаю смущение и жадное предвкушение. И каждое слово как ласка дразнящая. Это в порядке вещей, или у меня отклонения?

Глава 25

«Шлюха ты, Катька! Все вы такие! И тварь неблагодарная. Перед каждым, небось, за моей спиной, ноги раздвигаешь? Шалава!»

Раздвигаю, Димасик, да так, что шире некуда, сучок старый.

Схватила за пуговицы верхней части, но Боев зашипел на меня рассерженным котярой.

— Тш-ш-ш! Отставить делать мою работу! Лежи, кайфуй, девочка.

— Да я... — да только «за»!

Встав на колени на постели, он взял мои ступни и уместил их себе на плечи, открывая окончательно перед собой. Мгновенно почувствовала, что, оказывается, я между ног мокрая насквозь. Боев прошелся неторопливыми поцелуями по одной лодыжке, пристально глядя прямо в эпицентр моего потопа. Меня бросило в жар, да так, что чуть не фыркала, выдыхая. Обласкал вторую ногу, оставляя влажный след на коже. Стало нечем дышать. Прикусил у колена. Я ойкнула и взбрыкнула, оседлав волну сладких судорог внутри. Божечки! Он же еще толком ничего и не делает!

— Так, что, я прощен?

— А? Да-да. Продолжай!

— Ты смотри, командирка какая! — новый легкий укус с облизыванием, отчего я чуть не заскулила. — Это был только первый вопрос.

— Боев, ты опять? — я почувствовала досаду. Завелась тут, как дура, а он снова просто играет в допрос?

— Что опять?

— Будешь дразнить и пытаться?

— Ни в коем разе! Буду ласкать и спрашивать, — вот уже его плечи подперли мои колени, а рот двинулся по внутренней стороне бедра. Жарко-жарко, как же мне жарко и сладко.

— В... в чем разница? — ох, еще чуть выше — и мне точно станет на все плевать.

— В том, что теперь нас точно прервать некому. Ты попалась, деревяшечка моя.

— Мне начинать боять... — Боев потерял носом... ну вот прямо там. — А-а-ах! Да!

— Да? Ну смотри, сама согласилась.

— Н... На что?

— Отвечать на мои вопросы.

— Врешь ты... А-а-ах!

Место носа занял язык, щелкнувший пару раз так прицельно точно, что я чуть на голову не встала, вскинутая электрическим разрядом в позвоночнике.

— Я женщинам, Катюша, никогда не вру и от них приветствую тоже самое, — Боев обдул мою пылающую промежность под мое «боже-боже-боже». — Боев-Боев-Боев, девочка, — поправил он и чуть прикусил. А мне уже, похоже, хоть кусайся, хоть лижи — улетаю от каждого его касания. — Нравится?

— Да-да, — всхлипывая, я вскинула руки, что сами собой потянулись к его голове.

— Хочешь поуправлять мною, да, бревнышко ты мое? Ну давай, трахни мой рот! Я сегодня готов быть твоей секс-игрушкой.

— Я не... не знаю как, — на мгновение из-за неуверенности потрясающая сплошная пелена наслаждения пошла прорехами.

— Да проще простого!

Я взвизгнула, резко поднятая его сильными руками в воздух. Боев с шокирующей легкостью перевернулся, и я оказалась стоящей на коленях прямо над его лицом. Обалдев, я уставилась вниз, готовая соскочить.

— А ну не дергайся! — рыкнул он, глядя с такой порочной жадностью, что мой запыхавший ярче солнца стыд испарился в миг. — Давай, Катюша, сделай, как тебе хорошо, а я помогу.

Несколько секунд я смотрела в его глаза, проникаясь все больше бесстыдностью собственного положения и предвкушением незнакомого удовольствия, и осознала, что я могу это сделать. Это и многое-многое другое. С Боевым — да.

— Я хочу по-другому, — выдавила, офигевая от собственной смелости. — Хочу смотреть, как... как ты будешь ласкать себя.

У меня ведь и от этой картинки в голове плыло и в низу живота как кто в кулаке все начинал сжимать.

— Ух ты, а сластена-то моя быстро учится, — фыркнул Боев, отчего мышцы моих бедер дернуло тягучей судорогой. — Мужики дрожат, девочка, а не ласкают себя, но сегодня все, что пожелаешь.

Глава 26

Чертова девчонка спалит меня. Спалит дотла и пепел еще по ветру развеет, ни хрена не останется. Как она умудряется быть... такой? Дерзкая, циничная вроде, без грамма тормозов в один момент, и тут же робкая, пугливая, знать не знающая, как свободно сказать о своих желаниях. Но только решается — и все, такая же как я, без башни вперед и никаких остановок. Все, похоже, прошедшая в физическом плане, но неискушенная, поражающаяся каждой приятной мелочи так честно, что меня всего аж штырит, как охота показывать ей все новые способы полетать. Жадная до удовольствия настолько, что и мне не угнаться. Меня не то что бомбит, в пыль засхерачивает потребностью вытащить из нее всю способность кайфовать от секса. До последней капли выжать, даже если придется вывернуться наизнанку и сердце в процессе встанет. Похер. Хочу. Хочу так, что хоть подыхай. Я в нее везде залезу, просунусь, испробую во всех возможных смыслах. Ведь меня самого это так вставляет, будто под дурью какой хожу постоянно.

Катька встала надо мной, развернулась и застыла, глядя вниз ошалевшим взглядом, кусая губы, будто еще спрашивала себя, неужто решилась на такое. Я ее не торопил, даже не трогал, только бессовестно дразнил, обхватив одной ладонью ствол и медленно надрачивая, а второй сжав гудящие уже, как под током, яйца. Смотри, смотри, ты же это шоу заказала. Я тебе и не такое покажу, учишь говорить вслух только, чего хочешь. Хочешь именно ты. А волшебник Андрюха с его чудо-палкой исполнит все твои желания, и, дай бог, не скончается от переизбытка впечатлений. Потому что хрен тут разберешь, кому из нас их выпадает больше и интенсивней.

Нервно сглотнув, она стала медленно опускаться, выдыхая так, словно погружалась в ледяную воду. Не трусь, Катька, сейчас будет хорошо. Со мной только так. Мне уже пиздец кайфово, от одного только вида, что мне постепенно открывается. Как медленно разомкнулись пухленькие губки, обнажая вкусную влажную ярко-розовую сердцевину. Эдакая помесь раскрывающего лепестки цветка и мякоти сочного фрукта. Еще опустилась, и вот он — узкий вход, скорее сводящим с ума намеком, чем открытым всем приглашением.

Здесь все чуток припухшее от моего прошлого варварского вторжения, но от воспоминания о том, как же это было охерительно, голод жрет только сильнее. Смелее, девочка, чуть ниже, сама, без моей помощи. Так будет тебе еще слаще.

— Боев... — прошептала Катька, явно ощутив мое дыхание на себе. Да что же ты такая нерешительная у меня!

Отпустив член, схватил ее за бедра и под шокированный взвизг буквально плюхнул себе на лицо. Удержал, когда в первый момент рванулась, разом протолкнув язык в ароматную тугую мягкость и потираясь подбородком снаружи. По языку тут же потекло. Засранка, тормозила она еще, сама же уже ручьем течет! Как только почувствовал, что все — не соскочит, шлепнул слегка по ягоднице, веля двигаться самой, и снова обхватил свой ствол. Ух ты, а вот с этим надо полегче. А то приплыву раньше нее. Вкус и аромат у нее... долбит в бошку куда сильнее коньяка. Не прошло и минуты, как моя деревяшечка поймала волну своего кайфа и практически затанцевала на моем языке. Терлась все смелее, вертя бедрами, выискивая идеальные для себя ритм и давление. Меня уже потряхивало от необходимости впиться в нее всем ртом, заставить кончить в считанные секунды, ведь языком ловил этот предфинальный трепет, слышал рваные выдохи-всхлипы. Значит, вот-вот, совсем на краю уже. И следом самому. А еще лучше надавить ей на затылок, заставляя взять себя в рот. Глубоко, чтобы горячо и туго, чтобы поймать вибрацию каждого стоны. Но я сегодня хорошая Катькина секс-игрушка, так что перетопчу...

— Ох, бля-я-я-я! — от резкого вдоха чуть ребра не треснули.

Вскрикнув, Катька наклонилась вперед, вдавливаясь в мой рот прямехонько отчетливо пульсирующим набухшим клитором, безжалостно вогнала ногти в мои бедра и без предупреждения обхватила губами гудящую головку. Меня ебануло таким разрядом, что я взревел, как умалишенный, а поясницу прогнуло, проталкивая член разом в ее горло. Тут же сдал назад, но она меня изо рта не выпустила, преследуя, не оставляя шансов и дальше поджентельменствовать. Ну и пошло оно на хуй! Так по нам и долбануло почти одновременным оргазмом: Катька кончала, содрогаясь, насаженная на мой язык, а у меня искры из глаз сыпались от ее тягучего глухого стоны,

обволакивающего как всего с головы до ног, пока дергался под ней, заливая спермой.

Глава 27

— О-бал-деть! — произнесла расплывшаяся бессильно по мне Катька. — Вот это я понимаю... понимаю теперь, в чем прикол.

— Что, шестьдесят девять зашел девочке? — ухмыльнулся я, так же расслабленно распластанный под ней.

— Мм-м, это так называется? Еще как зашел. Ты классный, Боев. Мне все понравилось, даже твой вкус. — И она потерлась лицом о мои причиндалы, как довольная кошка. — Спасибо тебе.

Черт знает... вот как так, что эти ее прикосновения и слова мне не то что под кожу забирались — до костей и глубже, до самого дна пробирали. Потому что... бля... потому что это было искренне. Она как зверек какой-то моментами дикий, цапнуть может запросто, но бесхитростный. Каждая эмоция на вес золота, потому что они все у нее самой чистейшей пробы. Алмаз ведь, девка. Если никто не испортит, то будет кому-то и счастье и гибель. Будет, угу. Тому самому единственному особенному, где его, сучонка удачливого носит по белу свету. Хотя пусть носит. Я за него побуду пока. А если кто обидит ее опять... порву на куски и по помойкам раскидаю, пусть тварь эту собаки сожрут, коли и они не побрезгуют. В груди мигом будто кто костер развел, кулаки сами собой сжались, челюсти свело.

— Мы же сможем еще такое повторить? — пробился голос Катьки через обернувшую мгновенно башку плотную пелену ярости, и она снова потерлась щекой об мои изрядно опустошенные яйца и поцеловала обмякшего бойца, отчего он тут же приободрился, а моя злость вдруг истаяла, как вода в песок ушла.

Вообще-то это обычно не слишком уютно, когда лицо партнерши находится у твоего агрегата, когда тот обвис подуставший. Лично мне точно так. Только полная боеготовность на всеобщее обозрение. Но сейчас с Катькой было комфортно. Блин, она реально так терлась, едва не мурлыкая, что у меня внутри все грелось от... милоты. Когда такое было?

— Катюша, любое действие, включающее мой член у тебя во рту или в любом другом месте в твоём теле, я готов повторять сколько угодно. Но сначала ты все же повернешься своей роскошной задницей

к лесу, как бы я ни сожалел по поводу потери такого охуительного вида, а ко мне передом, и мы таки поговорим.

— Боев... — напряглась моя загадка, приподнимаясь на руках. Эх, так хорошо лежала. Может, стоило еще чуток помолчать.

— Даже не пытайся, Катька, — потянул ее слегка за волосы, вынуждая упасть назад, на меня спиной, как только стала сползать, явно рассчитывая улизнуть. — Смирись с неизбежным.

— Да с чего бы это?

— С того, что я хочу узнать о тебе все. И о тех, сука, мразях, кто тебя обижал.

— Да зачем тебе?

— За надом. Ты давай колись, дальше уже не твое сопливое дело.

— Да не хочу я этого! — Она ерзала, выкручиваясь из моих рук, но хрен там у нее выйдет.

— Почему?

— Потому что мне вот сейчас хорошо. Впервые, Боев. Не хочу я все портить и вспоминать пока. Не хочу чтобы ты... — она осеклась и поежилась, — чтобы брезговать мною стал.

— Дура совсем? — вскинул я голову, посмотрев в лицо этой бестолковке.

— Ну или жалел.

— Я женщин не жалею, Катька, я их трахаю, причем безжалостно, — фыркнул и стиснул упругую ягодицу. — Кончай ерзать, куда ты уже не денешься.

— Боев...

— Катерина, по жопе надаю! — и снова прижал захваченное полупопие для наглядности.

— Что, тоже будешь дуру молодую жизни учить? А ремень у тебя армейский не заваялся случайно, до меня так быстрее доходит, — огрызнулась она, но притихла.

Дергаться перестала, но надулась как мышь на крупу, говорить явно не намеренная. Вот же заразина упертая. У меня тут от ее упоминания ремня все кишки как углями посыпало и заболело, кажется везде, где когда-то самому попадало, а она молчит.

— Балда, я тебя, если надо, и членом отшлепаю.

— Ну да, ну да, — усмехнулась она.

— Доказать?

Она закатила глаза и шумно выдохнула, демонстрируя свое отношение к моей доказательной базе. А зря, я к таким вещам всегда серьезно подходил. Никаких слов на ветер.

— Слушай, Боев, пойми ты, мне не нужен спаситель. Я уже сама себя спасла, — начала моя умница свою речь.

Ой, ну да. Малыш, нашла кого перетрындеть. Бывшего опера и пиздабола экстра-класса.

— Ты сбежала, а не спасла, дуреха. Собираешь так и жить дальше, бегая и прячась?

— Да что ты знаешь?!

— Кое до чего докумекал, тайна ты моя. Ты смоталась от кого-то, по твоему мнению, очень влиятельного. Достаточно, чтобы он смог отследить и найти тебя по официальным каналам. Менты, больницы.

Катька взвилась, все же вырываясь, но я уже не особо и держал. Чего нужно, добился.

— Это не по моему мнению, — возмущенно выкрикнула она, хмурясь и пронзая меня взглядом. Бровки так смешно домиком сделала, моя ж ты грозная и сурьезная. Чмокнул бы в эти морщинки, но с психу глаза же выпарапывать еще кинется. — Он и есть очень влиятельный!

— И так понимаю, у тебя есть твердая уверенность, что искать он тебя будет.

А какой дебил не будет? Я бы носом землю рыл, если бы ты моя была и смылась.

— Тверже некуда.

— А твой план — сбуть побрякушки, слепить себе новые доки и осесть тихонько где-то, где он тебя никогда не найдет, или же кочевать с места на место, как только почудится что-то? — она насупилась еще больше, сопя в недовольстве. Ну как детсадовка, ей-богу. Мелкая же еще совсем. Загадочная вся, ага. Да я тебя на раз прочитал, дурилка картонная. — Катька, по-твоему это нормальная жизнь и типа спасение?

— Тебя, блин, это не касается, Боев! — Во, покатила демонстрация независимости, ага-ага, покачай мне тут права. — Как смогу, так и буду...

Так, не хотелось бы экстрима, но тут тяжелый случай и дожимать придется. Прости, детка, но это лучше для тебя же.

— Во-первых, касается. Мужик трахнул — мужик впрягся. А во-вторых, помогать тебе должен, судя по всему, Колька.

— Не должен он ничего. Просто я... надеюсь.

— А теперь напряги мозги и прикинь. Как думаешь, этот твой влиятельный неизвестный ублюдок совсем тупой и не допрет до того, чтобы искать не только тебя, но и цацки, которые ты увезла?

— Что?

— А то! Обычное дело — разослать по стране ориентировки с описанием украшений, и только кто-то явится сдать что-то похожее, и тут его сразу цап за жопу! И по всему выходит, что ты планируешь подставить моего друга под нехилую раздачу.

Глава 28

— Я не... — У меня горло перехватило и сердце ухнуло вниз. Как же так? — Не может быть!

— Чего? Того, что золотишко твое искать будут, или того, что ты Кольку им подставишь? — только что скалившийся Боев смотрел на меня строго и, как мне почудилось, с осуждением.

А из моего позвоночника будто вынули кости, и голова с грузом новой информации стала весить тонну. Что же это выходит? Я зря сюда притащилась? Вместо того чтобы переться в такую даль к брату, которому, получается, могу только гемор принести, надо было как-то самой пристраиваться. Но как?

— Ты куда? Катька? — окликнул меня Андрей, когда я сползла с кровати и поплелась из спальни.

— Я... водички пойду попью. — Да хоть куда прямо сейчас, только бы одной побыть и обратно себя, мигом развалившуюся, собрать. Нельзя раскисать. Нельзя! И паниковать нельзя.

— Кать! Вернись, поговорим, — позвал меня Боев, но я не хотела больше разговоров. Что-то они мне с ним радости не приносят, в отличие от секса.

Одернув верх пижамы, я пошла на кухню и уселась голой задницей на табуретку, уставившись на початую бутылку коньяка. Что, приземлили тебя, Сомова? А ты уже прямо размечталась. Сдам проклятушие побрякушки, куплю документы, еще и типа стартовый капитал останется. У брата на шее не повисну, наоборот, еще и с ним поделюсь за помощь. Благодетельница недоделанная. Жилье сниму, работать пойду. Или учиться. А можно и то, и другое. Потяну, я не слабачка. И что теперь? Железки эти хоть выкини, они подстава натуральная, денег нет и не будет, документов тоже. Какая мне в таком случае работа светит? На панель? Ага, туда всех берут. Да счаз! Хватит с меня этого гадства. Лучше тогда замерзнуть где на улице насмерть.

— Катька, я же сказал, что мы не договорили, — голый Боев зашел в кухню. Но мне на него и смотреть не хотелось.

— Договорили, — покачала я головой. Что уже из пустого в порожнее... — Спасибо, что предупредил вовремя. И что приютил. За

все, в общем. Ты хороший, Андрей.

— Ты еще сейчас мне прощаться начни, ага, — раздраженно рыкнул он и плеснул коньяка себе и мне, пододвинул рюмку.

— Нет, — отказалась я.

— Глотни, сказал, и выходи, — велел Боев.

— С моей наследственностью только начинать успокоение на дне рюмки искать. Слушай... могу я еще немного пожить у тебя? — и зачастила, пока сходу не отказался. — Придумаю что-нибудь и свалю. Обещаю, что это недолго, отсвечивать лишний раз не стану и что к Кольке и близко не подойду. Даже на глаза не покажусь. Честно. От меня не будет проблем, клянусь.

Дурацкие слезы, ну чего они полились? Я не нытичка и на жалость давить тут не собираюсь.

— Господи, ну еще этого мне не хватало! — тяжело вздохнул Андрей, поднял меня с табуретки, сел сам и усадил на себя. Взял салфетку и принялся вытирать мне щеки, хоть я и пыталась увернуться. — Да сиди ты, не ерзай! А то доерзаешься до греха мигом. Ты чего себе уже напридумывала? Свалит она. Куда, блин? Ничего, что я тебе сам предложил остаться и это ты начала рваться куда-то.

— Нет! Не понимаешь ты! — выхватила я у него салфетку, злясь на эти неуместные слезы. — Я не хочу вот так!

— Не понимаю. Как «так»?

— А так! Ты вещи мне вон уже покупаешь, кормишь, содержишь, а я собой опять за все это рассчитываться должна. А я так не хочу больше!

Он отклонился, одарил тяжелым взглядом, хлопнул коньяка без закуски.

— А я что, о расчетах каких-то заикался, Катька? Ответь! — потребовал он грозно. — Не ты ли сама сходу мне этот натуральный обмен выкатила?

— Сама. Но тогда все по-другому было.

— По-другому у нее, — дернул он меня слегка за кончики волос, заставляя посмотреть ему в глаза. — Так, первое, я, по-твоему, урод какой моральный, чтобы за крышу над головой, тряпье и жратву ноги раздвигать требовать?

А ведь и правда, он от меня сам ничего не требовал. Я предложила — он взял. Нет я ни разу и не пикнула. Да еще и так взял,

что я готова давать, только он моргни.

— Я...

— Молчи, женщина, я не закончил! Кроме того первого дерьма с минетом, что был твоей же инициативой, я хоть раз что-то с тобой насильно или что неприятное сделал?

— Нет, но...

— Цыц, блин! Я разве сказал, что продать твои цацки — вообще без вариантов? Сказал, что к Кольке приближаться тебе запрещаю, а? Он ведь тебе родня, так?

— Брат, — брякнула, прежде чем язык прикусила.

— Брат... — Андрей уставился на меня пристально и почесал затылок.

— Я не вру. Но говорю же, даже не сунуть, слово даю.

— Да верю я тебе, Катюха, предвкушаю просто, каких пиздюлей твой Колька мне захочет отвесить и как нам не разосраться из-за этого в хлам. Эх, говорил мне Камнев, но я же вечно хером думаю в первую очередь. Но в твоём случае никаких сожалений, — хитро подмигнул он мне.

— Незачем вам ссориться. Мы ему и не скажем, кто я и вообще...

— Тормози, умная! — снова прикрикнул на меня Андрей и даже по заднице чуть хлопнул. — Что значит — не скажем?

— А смысл?

— погоди, чё-то я не догоняю, — мотнул бритой башкой он. — Колька тебе — брат, но если помочь с цацками пока не сможет, то и на хер не упирался, получается?

— Сам ты умный, Боев, да только не шибко! — огрызнулась я. — Колька о моем существовании и не знает почти наверняка. Жил себе спокойно, а тут я такая свалюсь ему на голову. Здравствуй, братик, приюти меня бездомную, нищую и с кучей проблем на хвосте. Так, что ли? Нет, не пойдет.

— А, то есть, по твоей логике, выходит, что тебе не нищей, а ты такая и есть, хочу заметить, он должен был больше обрадоваться.

— Ты сказал, что украшения — это палево. Они мне бесполезны.

— Я сказал, что прямо сейчас, по горячим следам, они палево. Через годик о них никто и не вспомнит, и сбывай себе понемногу, не скопом.

— Годик?

— А что? Тебе двадцать, а не семьдесят, что такое годик в твоём возрасте?

— Что такое год в моём положении.

Боев взял и пересадил меня лицом к себе и беспардонно толкнулся полустоячим между ног.

— А что не так с твоим положением? — ухмыльнулся он и стиснул мои ягодицы. — Пересидишь у меня, если Колька тебя к себе не утянет и не закроет подальше от меня.

— Угу, на тебе ещё скажи.

— Не без этого.

— Нет, Андрей, мне это не подходит. Брат мне, считай, чужой незнакомый человек. Я ему на шею садиться не собираюсь. Не говоря уж о том, что может... не важно.

— Ладно, у меня живи.

— Год? Безработная? Удобная? Нет, Боев. Не могу я.

Глава 29

— Да что тут мочь? — возмутился он.

— Я не буду твоей содержанкой, — дернулась я встать, но Боев удержал меня на месте. Кто ведет серьезные разговоры, сидя с раздвинутыми ногами и полустоячей хреновиновиной между спорщиками. Невольно зыркнула вниз. Поправка, со стоячей.

— Блин, слов она каких нахваталась! С чего это содержанкой?

— А как называется женщина, что живет у мужчины и за его счет и расплачивается за это собой, так и тогда, когда ему этого хочется?

— Знаешь, многие твои ровесницы назвали бы это «классно пристроиться». Особенно учитывая, что в постели тебе-то со мной по кайфу. И это тот самый главный аспект, что превращает в херню все твои дурацкие доводы про содержанство.

— Ладно, пусть так, но тогда выходит взаимное использование. Этого я тоже не хочу.

— Ты чего такая сложная-то, Кать? — Андрей боднул меня в лоб, запрокидывая голову, и легонько куснул за подбородок.

— Боев, я не сложная. Я до нормальной жизни голодная, понимаешь? — я уперлась в его лоб ладонью, отодвигая, и посмотрела в лицо. — Мне двадцать, а я на свидании всего раз была, и то закончилось оно тем, что меня, не церемонясь, завалил и поимел старый жирный скот, после чего делал это последние два года! И с тобой у меня... ну, сам же знаешь, все как. — Боев шумно вдохнул, хмурясь, но я не дала ему сказать. — Не сердись, я не сравниваю ни в коем случае. Я просто хочу по-людски. Чтобы и познакомиться не через одно место, и кино чтобы, и цветы, и гулять за ручки. Как в книжках хочу, как у других девчонок было. Думать о нем день и ночь, скучать.

— Еще скажи первый раз при свечах и в розовых лепестках на постели, — фыркнул мой собеседник, закатывая насмешливо глаза.

— Ну до первого раза мои фантазии еще и не доходили.

— А, любовь у вас должна быть платоническая?

— Ну почему? Когда-нибудь...

— После свадьбы, да, Катя? — продолжал веселиться за мой счет Андрей. — А потом что? Через месяцок романтике кранты, через два раздражать друг друга станете, через год бесить. Зато сколько предварительной тусни и мишуры!

— Ну знаешь... Сколько твой Яр с Роксаной? И что, бесят?

— Ну ты пример выбрала, — откровенно заржал конем Боев. — Ага, они точно эталон романтического становления отношений. Тебе такая романтика и не снилась, деточка. При первой встрече он ее, вообще-то, пнул, потом у них был секс, после которого оба были похожи на жертвы автокатастрофы. Потом он ее с крыши снимал насильно, в наручниках в лес глухой завез, и обратно они с ОМОНОм возвращались. Так что никаких тебе цветов и прогулок за ручки. Но ты мне Камневыми зубы не заговаривай, Катя. Давай про нас договариваться.

Я сокрушенно вздохнула, посмотрев в потолок. Договариваться по-любому надо, вот только у меня стойкое чувство, что договоримся мы только до того, чего всхочется ему.

— Для начала по пунктам:

Вопрос с тобой и Колькой обсудим и решим, когда он с курортов своих приедет, — решил не дожидаться моего согласия этот гений хитрой дипломатии. — Это раз.

Тебе со мной в койке хорошо, так что хрень про соержанку опускаем. Это два. Не позволяют твои понятия сидеть дома просто так — пойдешь к нам в контору секретаршей. Место пустоет и сможешь так для начала к брату присмотреться и решить уж все точно.

Идти тебе пока некуда, а мне ты не в тягость. Живи сколько хочешь. Это три.

Даже если решишь, что привлекать Шаповалова к делам со сбытом побрякушек ты не будешь, то помогу тебе я. С доками тоже. Это четыре.

И последнее. Я хочу имя этого старого козла.

— Сразу нет!

— Сразу да, Катя. Никакие бабки и новые документы не подарят тебе чувства безопасности и свободы настоящей. Проблему надо решать радикально, и я это сделаю.

— Да не сможешь ты...

— Хватит, бля! — прикрикнул он на меня и опять шлепнул по заднице. — Ты не знаешь, что я могу, а чего нет, Катька!

Зато я знаю, на что способен Дмитрий! Я не хочу ни сама ему попадаться, ни чтобы ты лез, Боев. Вот это как раз и будет натуральной подставой с моей стороны. Как же ты не поймешь!

— О моей шкуре, значит, переживаешь? Напрасно. Мне этого не нужно.

— И мне не нужно, чтобы с тобой что произошло из-за меня.

— По-твоему выходит, пусть эта тварь и дальше небо коптит? Еще над кем измывается?

Я поежилась от стыда, но все же упрямо промолчала. В данном конкретном случае пусть Вознесенского бог накажет, а я слишком боюсь. И за Боева этого, рогом упершегося, боюсь. Как мне потом вообще жить, если он по моей вине сгинет?

— То есть это окончательно? — Судя по всему, я снова умудрилась разозлить Андрея не на шутку. — Ты мне сама ни черта не расскажешь? Тогда я оставляю за собой право действовать на свое усмотрение. Хотя так в любом случае было бы.

— Боев!

— Все, девочка, тема закрыта.

— Я...

— Сказал закрыта! Больше не обсуждаем. В остальном договорились мы до того, что ты живешь у меня, так? И насчет секса — ни черта мы друг другу не должны. Захочешь — я всегда «за». Не захочешь — посылаешь меня без вопросов. У меня нехватки в этом нет. Ясно?

Он теперь даже и не смотрел на меня, будто я ему противна стала, чем тоже разозлил меня. Я за него боюсь, а он...

— Ясно. А если я встречу кого-то? — выпалила, вздернув подбородок.

— Своего особенного? — ухмыльнулся Андрей. — Ну так никаких проблем, Катюха, я тебе только счастья пожелаю. Был бы человек хороший. А сейчас пошли-ка спать.

Он отнес меня в постель, лег рядом и отвернулся. А мне отчего-то снова так прижало разревется.

Глава 30

Да что за девка-катастрофа такая! Я же нормально хотел поговорить, успокоить, и опять по всему выходит, что я какой-то мудачина, грубиян, тиран и обиженка. Как так она меня умудряется заставлять вызверяться и цепляет за живое? В планах же ничего такого не было и близко. Объяснить дурынде хотел, что ни хрена это не жизнь будет, если всегда с оглядкой и со страхом. И что у нее есть, на кого опереться, за кем спрятаться, кому доверить решать проблемы. Не бабское это дело. А она уперлась. За меня боится. Бестолочь! Да что мне будет? А и будет, ей-то что? Был бы результат. Плакать, что ли, по мне станет? Ну да. Она же вон, своего особенного искать всерьез намерена. Наивная. Когда поймет, что все мы одинаковы? Хрен на хрен менять — только время терять. А мой-то не самого плохого качества. Это так, к слову, не самореклама.

Но с другой стороны, в ее возрасте я тоже в любовь верил. И в то, что носит по свету где-то и мою особенную. Может, и хорошо, что после всего, что ей бедолаге в жизни досталось, Катька не сломалась до конца. Что мечтать не разучилась. Не то что я. Я никого уже не ищу, в исключительность одного человека не верю, мне это в принципе никуда и не упиралось. Жить надо здесь и сейчас. Вот основа моей веры. Но отчего отчетливое понимание, что мне ни для кого никаким особенным не стать, даже пытаться не хочу, придавило неожиданно, как кто камень на грудь бухнул тяжеленный. Ни для кого не стану. Для нее не стану. Она — девочка честная и меня в этом качестве даже не рассматривает. И правильно делает. Ей вон любовь-асисей подавай, розы, свечи, клятвы в верности опять же. Представить меня клянущимся в верности — это же смешно. Да и смысл клясться, если точно уверен: брехня все это будет чистой воды. Врать бабе — самое последнее дело. А ведь найдется такой засранец, что и совет и наобещает счастье с верностью до последнего вдоха. И обещания не сдержит. Вот зуб даю. Да все зубы! И сердце ее, и без того раненное, разобьет, урод поганый, пока безвестный. Это реальная жизнь, детка, и в ней всегда так. Рано ли, поздно ли, но всегда. Все, кто поет, что не так это, хорошо притворяются. А молодые глупындры вроде Катьки

сначала верят. Потом разочаровываются и страдают, крылышки нежные на тех самых блядских свечках для романтики и сгорают. А потом или принимают циничные правила этого говенного мира, тоже начиная притворяться, что в упор не замечают: никакой лебединой верности нет уже, или же плюют на мужиков и остаются одни. А я не собираюсь становиться ее разочарованием. Да нах! Я и очаровывать ее не собираюсь! Что вообще за мысли?! Мой курс выбран и неизменен: найду и удавлю гада, что издевался над Катериной, покажу ей все, на что способен нормальный мужик в постели, если, конечно, она со мной и дальше кувыряться согласна. Устроиться в жизни помогу, опять же, если Колька, узнав о том, что я в его сестру младшую член сунул без серьезных намерений, хоть близко к ней еще подпустит. Ну и отойду в сторонку, когда встретит этого своего уникального перца. Не сильно далеко отойду, присмотрю. И вдруг чего... Короче, лучше тебе оказаться таким же лебедем одноебом, как Камень, перец особенный. А то потеряю тебя с земной поверхности моментально.

Кто бы мне сказал, на кой все это мне и откуда такие желания? А и не пох ли? Для всех баб мира я кобелина бездушная, скотина похотливая, а вот хоть для одной останусь паинькой и хорошим парнем. Может, хоть часть грехов на том свете простится дурню Боеву. Вот только почему от мыслей этих на душе ни черта не легче? А от перспективы, что сам уговорил Катюку со мной дальше жить, а она меня к себе больше подпустить не захочет, и вовсе взвыть охота. У меня же на нее стояк бешеный. Тут уж будет или совсем домой носа не кажи, или приходиться только после ежевечернего сеанса сброса дури с кристинами-снежанами. Охуительна перспектива и главное же, что все сам, сам себе организовал.

— Боев! — тихонько позвала меня Катюха, дотронувшись до плеча.

Бля, только пальцем тронула, а нижний дебил тут же голову буйную поднял и зашевелился, распрямляясь. Весь такой: «Чего изволите, барыня? Не ублажить ли вас любым возможным образом?» Лежи ты уже, и без тебя сейчас тошно!

— Ты спишь? — постельное зашелестело, и от одного этого звука и картинки в башке, как моя девочка переворачивается, у меня яйца окаменели. — Не сердись на меня пожалуйста, Андрей.

Я, бля, не сержусь. Я тут старательно мертвецки спящим шлангом прикидываюсь, чтобы тебя опять на спину не опрокинуть. И это, к сведению, нисколько не легко, особенно без всякой практики в таком раньше с моей стороны.

— Можно я тебя обниму? — Тонкие пальцы скользнули по моему бицепсу, и на этом скудный запас моего терпения закончился. Нет, нельзя тебе меня обнять. Потому что я и сам это сделаю прямо сейчас.

— Обнимешь — я тебя трахну, Катька, — последнее предупреждение, между прочим, которому никто не внял.

Глава 31

— Трахни, — согласилась она, прижавшись к спине вся, и поцеловала в лопатку. Пушистая пижама сверху и голый живот и ноги внизу. Те самые ноги, что я уже через пару секунд развел пошире, устраиваясь между ними.

— Тряпку долой! — приказал, потираясь обрадованным до бурного протекания членом о ее мягкие складочки. Бля, какая же она кайфовая тут.

Катьке было неудобно лежа стягивать с себя остатки розового безобразия, но я ни чуточки не помог, тащась, наоборот, от ее неловких ерзаний подо мной.

— Скажи, чего хочешь, — велел, нависнув над ней на локтях, чтобы ребра не придавить, и любуйся торчащими дерзко сосками.

— Я не знаю, — щеки Катьки тут же вспыхнули. — Чтобы снова хорошо было. Тебя.

В горле что-то предательски заскреблось. Я и хорошо. Типа эта... аналогия для нее уже. Это же... хорошо?

Взял мою упрямыцу в этот раз ме-е-едленно. Растягивая каждый нюанс удовольствия для обоих. Медленно, обстоятельно исцеловал ее скулы, изящную шейку, острые ключицы. Вылизывал, посасывал грудь, терся довольной мордой между ее роскошных сисек, сдвигая их так, чтобы дразнить сразу оба затвердевших соска. И все это не прекращая мягко толкаться бедрами, наминая гудящим членом ее клитор, собирая на него всю выжимаемую моими ласками влагу. Катька загорелась сразу и без остатка. Отозвалась стопами и вкусной дрожью на первые же поцелуи. Огонь ты, девочка моя. Чистое пламя. Сама вспыхиваешь, меня, что тот пух сухой, поджигашь и полыхаешь так жарко, сладко, что сгореть в тебе хочется всему, ничего на потом не оставляя.

Входил в нее тоже ме-е-едленно, по чуть, каждый сантиметр как открытие новых ощущений для обоих. Толчок, ожог-удар по всем нервам сначала Катькиной теснотой, жарой, а потом вторая волна от взгляда на ее лицо. Отяжелевшие веки... потерянный в удовольствии взгляд... пересохшие от частого дыхания, приоткрытые в тихом «а-

ах!» стоне губы... яркий румянец, заливший не только щеки, но и шею и грудь. Сдохнуть можно, какая же она красивая! Всегда красивая, а сейчас, с моим членом внутри, вся трепещущая, обволакивающая изнутри и снаружи и вовсе глаза выжигает.

— Боев, пожалуйста! — впилась она пальцами в мои плечи.

— Чего тебе хочется, девочка? — процедил я сквозь зубы. Еще и не засадил-то полностью, а уже в башке все как взрывом вымело. В паху раз за разом сводит охуительными тянущими судорогам.

— Как в тот раз... — прохныкала Катька, подтягивая выше колени, и неожиданно забросила мне ноги на поясницу и взбрыкнула, насадившись сама до конца. — Да!

— Зараза! — прошипел я, зажмуривая глаза, и уперся лбом в ее ключицу, мысленно стискивая яйца в кулак. — Не балуй, малыш, а то все веселье кончится быстро.

— Почему?

Потому что мне, не пойми почему, тобой так мозги выносит, так вставляет везде и всюду, что кончить не начав — раз вздохнуть. Сроду такого не было.

— Вкусная ты больно, Катька. До смерти обожрись, я же не мальчик уже.

— Ты... тоже вкусный... о-ох! — Вот же неумная, ерзает на члене, доводя и себя, и меня, щупает всего, как незрячая. — Мне так нравится твое тело.

— Да что же ты творишь! — что говоришь, как говоришь, засранка безбашенная, черепушку мне взрываешь этой искренностью наивной, жадностью до наслаждения честной — ну какие тут тормоза и красивый секс. Нахуй! Реально кончусь!

— За подушку схватись, Катька! — зарычал, поднимаясь на руках. — Как только совсем невмоготу будет, тyani меня к себе. Хочу с тобой кончить!

Хотел нежно, с расстановкой — спалила меня девчонка. Зубы сцепил и замолотил, разгоняясь и заводясь с каждым ударом бедер все отчаяннее, хрипя и потом жгучим обливаясь. Катька подо мной, что та вода: принимала без остатка, шла волной трепета и плескалась навстречу, омывая всего, лаская, утаскивая меня в себя все глубже, топя безвозвратно. За мгновение до того, как она вскинулась, хватаясь за меня, даря освобождение обоим, у меня вслед за огнем вдоль хребта

и изморозью паники хлестнуло. Как же так, девчонка? Как же я потом? И тут же снесло в оргазм, размоловило всего в хлам.

— Бля! — Я же без резинки! — Катюха, я тут налажал.

— Не парься. Мне спираль поставили, — пробормотала она сонно. — И я здорова. Меня чуть не каждую неделю таскали к врачу.

— Зачем?

— Дмитрий ревновал дико. Вечно ему чудилось, что я за его спиной с охраной кувыркаюсь. А то и вовсе с каждым встречным. Боев, давай поспим?

— Спи пока, — скатился с нее, обтер под невнятное ворчание своей футболкой, что под руку подвернулась, и вытянулся рядом.

Сна ни в одном глазу. Кто же ты, мразодмитрий? Как мне тебя, козла, вычислить? Данные на Шаповалова прошерстить! У нас же с Камневым есть на него вся инфа. Пробили все, когда в компаньоны брали. Правда, там про сестру ничего не припомню, но мать-то есть. И место рождения. Есть реальный шанс выяснить город, из которого Катюха. Она упоминала приют и ни слова про родителей, так что, может, и в живых их нет. Но узнать, куда отправили девочку после смерти матери, не такая и проблема. А там уже и вынюхаю, кто Катюху подгрёб. Только надо все тихо, без официальных запросов. Смотраться самому туда надо, пользуясь старыми ментовскими связям по всей стране. Там понюхать, тут поспрашивать, чуть прижать кого в частном порядке. Так что ты спи, загадка моя, спи крепко. Сил набирайся для новой жизни.

Глава 32

— Мм-м-м-м, какая ты с утраца аппетитная, — проворчал Боев, беспардонно притираясь ко мне сзади и запуская лапищу между ног. — Не болит ничего?

Пальцем он проскользнул в меня и зашипел. В первую секунду, проснувшись, я вся похолодела, ощутив чье-то присутствие в постели. Но вспомнила и тут же расслабилась, впервые начав наслаждаться неторопливым уютным пробуждением рядом с мужчиной. И стоило мне только пошевелиться, так тут же ожил и Андрей, похоже, дожидавшийся этого момента.

— Не болит... — Без всякого замешательства, я раздвинула бедра, давая ему полный доступ, и поерзала, ощутив его готовность у своих ягодиц. — Непривычно.

— Значит, будем вырабатывать хорошие привычки, — хмыкнул Боев и потер головкой по моим складкам. — Ты же не против?

Нет, я не была нисколько против. И сейчас. И потом в ванной, где он заставил смотреть в зеркало на то, как трахал меня сзади. А меня от одного только взгляда в отражении на его лицо, кажется, прямо от пола приподнимало. Широкие плечи, мощное тело со взбугрившимися от напряжения мышцами, на фоне которого я себе чудилась такой мелкой, уязвимой: захотел бы — одной рукой сломал бы.

Нахмуренный лоб, сдвинутые брови, напряженный, осязаемый взгляд на место нашего соединения, вздернутая в хищном оскале верхняя губа, жадно, буквально захлеб ловившие воздух ноздри. И эти звуки... Раньше мне все эти шлепки плоти о плоть казались пошлыми до отвращения. Сейчас... о-о-о да-а-а, они стали чудиться еще пошлее, но ласкали мой слух, создавая новую пронзительную грань удовольствия. А еще это сочное... м-м-м... чавканье? Будто мое тело влажно и со вкусом облизывало член Андрея, принимая в себя. И что уж говорить о его бормотании сквозь рваные вдохи. Приказы прогнуться, показать ему обе мои дырочки, поласкать себя для него.

— Всю тебя хочу, Катька. Всю возьму, — хрипел он, наращивая темп и направляя мои пальцы. — Дашь мне... везде дашь... бля-а-а-а!

Дам, пусть забирает всю-всю, стирает из памяти тела мерзость.

— Черт, Катюха, вот мы с тобой потерялись во времени! — поднял Боев брови, глянув в свой телефон, когда уже завтракали. Вернее, еще завтракала я, он проглотил свой чай и бутеры моментально и теперь листал что-то на экране, а второй рукой лапал меня под столом. — Сегодня-то тридцать первое уже! Сейчас в офис смотаемся на несколько часиков, я тебе твое рабочее место покажу, с коллективом, кто на месте будет, познакомлю, и помчимся закупиться чем-нибудь к праздничному столу. А то не по-людски.

— А с кем будет отмечать Яр?

— Э-э-эм... — уставился на меня Боев и нахмурился.

— Я не в свое де... — попыталась я сдать назад. Чего лезу, куда не просят.

— Нет, ты права. Что-то я тормоз и не подумал. Обычно-то мы всегда вместе. Бани-сауны, бухло, де... хм-м... А теперь-то он по таким мероприятиям не ходок.

Он-то да, а вот ты, Боев?

— Если у тебя были планы как следует повеселиться, то я запросто посижу дома перед телеком.

— Да какие теперь планы! Не брошу же я реально Камнева. Позовем к себе, ты же не против?

Ну все правильно, Яр ему друг, а я временная сожительница. Ради друзей забивают на планы покутить с девками, а ради таких, как я... Стоп, Катька! У нас тут все по другим правилам. Мы — соседи с привилегиями, не больше того. Как бы уютно все ни ощущалось моментами, нечего цепляться и искать личную обиду в том, что всего лишь правда.

— Это твой дом, как я могу быть против? И не переживай, готовить я умею, так что организуем стол.

— Катька, что с голосом?

— У меня? Вообще ничего. Пойду одежду посмотрю.

Быстро сполоснув обе кружки, я постаралась смыться с кухни, но Боев перегородил путь своей массивной фигурой.

— Кать, даже если бы не Яр, я бы не оставил тебя ради... Ну сама подумай, на кой мне? — он наклонился и потерся носом о мой висок и провокационно вильнул бедрами. — М?

И то верно. Послушная, понятливая, на все согласная есть под рукой пока, на кой ему куда идти. «Я тебе только счастья пожелаю».

Держи это все время в голове, Катька, не то худо будет. Обняв Боева вокруг мощного торса, я потерлась о его свежесбранный подбородок, гоня прочь нечто так похожее на тоску. Тоску по тому, чему между нами никогда не бывать.

— Колючий ты мне больше нравился, но и сейчас ничего, — пробормотала ему в шею.

— Не начинай, трахну ведь. А нам на работу, — он отступил и направил меня в комнату, шлепнув по заднице. — Иди первая одевайся, а то вместе у нас ни черта не выйдет.

— А ничего другого нет? — мрачно уставился он на меня, когда появилась на кухне.

Спасибо вкусу Роксаны, она выбрала вещи простые, вроде нескольких водолазок, и удобное белье в пору, плюс джинсы-стрейч — так что село все хорошо. Собрала волосы в высокий хвост. Роксана даже прозрачный бальзам для губ взяла. Для моих, искусанных ночью, он был очень кстати.

— Что не так? — удивилась я, оглядев себя. Белый верх, черный низ, по-моему, самое то для офиса.

— Сверху надо что-нибудь. А то кое-кто все зенки себе бесстыжие об твои сиськи сломает.

— Кто?

— Катька, у нас чисто мужской коллектив. Табун молодых озабоченных жеребцов.

— Приставать будут?

— Я им пристану, — раздраженно пробурчал Андрей, настроение у которого, похоже, резко испортилось.

— Так мне что-то другое поискать?

— Да фиг с ним, так поехали, — вздохнул он, продолжая тарашиться недовольно.

Глава 33

— Хер ли ты пялишься? — рявкнул Андрей на парня, что улыбнулся мне в соседней машине на перекрестке. — На дорогу смотри, зубы он сушит!

Это был уже третий наш попутчик, на которого Боев вызверился. Судя по всему, он сердился чем дальше, тем больше. Его, так же, как и Вознесенского, бесит любое внимание ко мне? Что-то это меня напрягает. Выходит, его слова про то, что мы оба типа свободные партнеры-соседи не такая уж и правда? Неудивительно. Уж то, что мужчины не считают женщин равными себе, уяснила. То, каких отношений хотел Боев, я поняла сразу, он не скрывал этого, но мне казалось, мы договорились, что у нас не отношения.

— Боев!

— М?

— Что не так?

— А что не так? — с совершенно невинным видом поднял он брови, зыркнув на меня, будто это не он только что напугал до усрачки незнакомца своим оскалом. Саблезубый во всей красе.

— Ты сердишься. Почему? Если ревность, то хотела бы знать. Я достаточно получала ни за что по этой причине.

— Пф-ф-ф! Какая ревность, Катька?! Мы же с тобой обо всем договорились. Никогда и ни по какой причине я тебя пальцем не трону. И я и ревность в принципе в жизни рядом не стояли. Просто бесит, знаешь ли, что всякие чмошники пялят зыркалы свои в мою машину на тебя. Откуда им знать, может, ты жена моя. Совесть должна быть у людей!

— А ты сам никогда так не делаешь? Только честно.

— Не лапаю ли я зенками чужих баб, представляя, как их имею? Да ни в жизнь!

— Врун! — рассмеялась я, расслабляясь.

— Не врун, а пытаюсь лучше выглядеть в твоих глазах, — улыбнулся и Андрей, хоть и нехотя.

— Зачем? Ты мне нравишься какой есть. Весь. Я же тебе говорила.

— Катька! — Андрей резко вдохнул, уставившись перед собой на дорогу. — Нельзя так! Хочешь, чтобы я в зад кому-нибудь въехал?

Мне неожиданно стало совсем весело.

— С утра ты обещал въехать в мой, — глядя как ни в чем ни бывало в окошко, тихо сказала ему. — Надеюсь, не прообещаешься.

— Блядь! Катька! Рот на замок, или хрен нам, а не работа!

Но меня уже было не остановить.

— Хрен мне, тебе вроде кое-что другое полагается.

— Божечка милосердный, да тут у меня та еще пошлячка! — заржал он уже в голос. — Катька, не дергай ты судьбу за хвост, а то я мигом найду закоулок поглуше, а сзади-то у меня стекла тонированные.

Ой, вот прямо я испугалась!

— В судьбу я не верю, но вот тебя бы с удовольствием за твою хреновину здоровую подергала, — продолжила доставать Боева я. — Но и снова посмотреть, как ты сам себя дергаешь, не отказалась бы. У меня от этого зрелища прямо голова кругом.

— Ах ты засранка! — Андрей с силой несколько раз шарахнул затылком по подголовнику, и бедолага испуганно скрипел при этом. — Дразнишь, да? Нарываешься?

— А если и так, то что?

— Штаны быстро себе расстегнула! — велел он грозно.

— Боев...

— Не-не-не, ты напросилась, девочка. Делай, что сказал.

Его голос прозвучал так сексуально-угрожающе и властно, что я вся в момент мурашками покрылась под одеждой, мышцы между ног конвульсивно сжались, а грудь заныла.

— Се... — В горле стало сухо. — Сейчас прямо?

— Ага. Давай! Пуговичка, молния, ножки пошире. — Я послушно исполнила, краснея от жара, прилившего к лицу. Да ладно, жарко мне стало повсюду. — Руку сунь и потрогай. Ты влажная?

— Са... Сама?

— Сама-сама, девочка. Дразнила-то меня сама.

— Хорошо.

Пальцы были намного прохладнее кожи под одеждой, и живот от прикосновения невольно поджался, посылая в голову новый опьяняющий импульс. Решительно выдохнув, я сунула ладонь глубже

и чуть не взвилась на сиденьи, внезапно прицельно попав в очень чувствительное место. Шевельнула пальцами и вздрогнула снова. Уф-ф-ф! Похоже, я сейчас чувствительна везде.

— Ну что, Катюха, ты мокренькая там? Горячая? М? — Боев не скрывал участившегося и потяжелевшего дыхания. — Мокрая, я прям чую это. И горячая, огонь.

— Да, — признала я, трогая себя, но не отрывая взгляда из-под отяжелевших век от его лица.

— Дай мне, — потребовал он, шумно потянув носом, и оскалился, сглатывая, как страдающий от голода или жажды.

— Что?

— Дай мне взглянуть. Ну!

Я вытащила руку и показала, пристально наблюдая за ним.

— Пальцы раздвинь, — хрипло пробормотал Андрей, сворачивая к обочине.

Я подчинилась, показав ему тонкую ниточку прозрачной, потянувшейся между пальцами вязкой влаги.

— Да! — рыкнул Андрей и припарковался. — Мало тебе было, да, Катька? Мало? Еще хочешь?

Я не успела ответить, он втянул мои пальцы в рот, и запустил пятерню мне в штаны. И уже через секунду я мотала головой, изгибалась, вскрикивая и ерзая от глубоких, ритмичных толчков.

— Вот так... Хорошо?.. — почти нечленораздельно ворчал Боев, тараня меня двумя пальцами все резче. — Жестче? Так я тебя ебу? Да? Пахнешь, стонешь ебнуться можно! Сука, как же ты там внутри сокращаешься-а-а!

Оргазм налетел, сначала изогнув дугой, а потом вжав меня, разом обессилившую в сиденье.

— Да-а-а, вот это моя девочка, — пророкотал довольно Боев. — А ты на хуй пошел! — рявкнул он кому-то, и я распахнула закрывшиеся от кайфа глаза.

Какой-то парень шарахнулся от машины, когда Боев практически ткнул ему в лицо через стекло мокрый средний палец, что только что вытащил из меня.

— Он все видел? — схватила за запылавшие щеки я.

— Все, не все — мне-то не пох, что ли, Катька. Я смотрел только на тебя.

— Я тебе должна, — вспомнила его волшебную ручную работу тогда в ванной, превратившую меня в другого человека. — Не в первый раз.

— Фигня. Захочешь — говори мне, девочка. Мне лишний раз посмотреть, как ты кончаешь, только в радость. А себя я никогда обделенным не оставлю, не переживай.

— Это как?

— Катюх, мужику спустить — что высморкаться. Пофиг во что, у нас оно голая физиология, лишь бы почаще. А у вас оргазм — целое хреново искусство и работа совсем не для ленивого долбоеба.

Я заморгала, соображая, о чем это он толкует.

— Это ты к тому, что мужик может получить удовольствие с кем попало, а женщина нет?

— Точно! И если кто тебя кончать на раз заставляет и рад это делать, только маякни, то логично держаться к этому парню поближе. Разве нет?

Вот теперь мое хорошее настроение будто кто кислотой полил, растворяя бесследно, вместе с приятной истомой. Боев, если это ты сейчас агитацией в свою пользу занялся, то попытка вышла хреновой. Пусть и прав по сути, но в душе внезапно как нагажено.

— Логично, — кивнула я, застегиваясь и отворачиваясь, и не сдержавшись, вернула ему его же правду: — Но ведь если других не пробовать, то и не узнаешь, на что они способны и не будут ли еще круче. Разве нет?

Андрей гневно выдохнул, прищуриваясь и становясь опять похожим на взбешенного хищника.

— Знаешь что... Мы, бля, на работу опаздываем! — завел движок и рванул с места так, что меня в сиденье вжалю.

Глава 34

Все бабы — зло! Все! Даже вот такие кайфовые, как засранка Катька. Она еще хуже всех! Сколько же можно меня вот так на раз на эмоции разводить, а? Вырядилась... вот сто пудов, погремушка мне назло ей такие шмотки подобрала! Все в облипку, сиськи, задницу обтянуло — пялся всякий мудила в свое удовольствие! Нельзя было, что ли... ну, чтобы болталось чуток, интрига там. Про скромность кто слышал вообще, нет? Что загадка должна быть в женщине опять же. А тут какая, бля, загадка, если раз глянул — и все, слюна подтекает от фантазий, и член колом. Красная аляска с белой меховой шапчонкой и такими же белыми пушистыми унтами ни на грамм положение не исправили. Катька в этом стала походить на вкусную конфету в яркой обертке, которую край как хотелось поскорее развернуть и сожрать.

Мою конфету, а не всяких там гондонов, что тарасились на нее в пути, рты раскрыв. А она сидит такая, ресничками в полкилометра хлопает, по сторонам глядит и вроде и не замечает ничего. Их не замечает, главное, а что меня бомбить от их наглости начало — сразу просекла. Как сказала, что бил ее пидор старый из ревности, у меня аж как ножом по сердцу. Потянуло, зануло, будто я весь в один огромный зуб с острой болью превратился. Аж до тошноты, ей-богу. Найду, ох найду и за все отыграюсь. Гадом буду, если не сделаю этого. И за Катьку, и за то, что сам вот сейчас чувствую себя ну как кусок бесполезного, бессильного сию секунду дерьма. За то, что теперь она везде и всюду угрозу высматривает, признаки опасности. И кто бы осудил ее за это? Точно не я.

И завела ведь меня язычком своим длинным с полпинка! Разохотилась ты до секса, девочка. Дразнить вон мигом научилась. Будто нам с тобой это надо, карамель ты моя соленькая. Да мне бы, наоборот, чуть поостыть, смотрю ведь — и хочу-хочу, каждую минуту хочу. Глаза только и шарят по тебе, руки чешутся лапаты, во рту сохнет облизать всю. Конфета она конфета и есть, а я до сладкого жадный всегда был. И сейчас так и вовсе будто слегка умишком подвинулся. В голове так и мелькает, где бы тебя прижать посподручнее, нагнуть

поудачнее, поймать половчее. Чтобы опять стонала-всхлипывала, текла, кончала и мне бошку бедовую этим сносила. Мне! А не каким-то там... Ишь ты, логика у нее: пробовать других надо! Это у меня логика, я мужик, мне это нормально, а хорошим девочкам о таком думать нельзя! Особенного вон своего ищи, причем сразу, никаких там проб. Сердце подсказать должно, что он тот самый. Вон в книжках и кино как. Типа раз глянула — и поняла: беру. А я со спокойной совестью с рук на руки... поотрывать бы которые. А пока его ищешь, со мной спать будешь, нечего перебирать хренами. Кастинг в порно тебе, что ли? Так я все равно его выиграю. Просто потому что другим претендентам пообрываю все, чем соревноваться могут, и рога поотшибаю. Пох мне на честную конкурентную борьбу, ясно?

Мой телефон зазвонил, вырывая из пространства разнузданного секса прямо посреди кровавого побоища и оторванных конечностей. Камнев.

— Андрюха, привет! Мне ребята из офиса звякнули только что. У нас там клиент нарисовался со срочным делом. Ты можешь подтянуться, или мне срываться?

— Не дергайся, своими занимайся. Я через пять минут уже на месте буду. И это... Катерина пока в офисе поработает. Не против?

— Вовремя, — тихонько фыркнула сама тема разговора. Ну забыл, со мной бывает.

— Если ты зуб даешь, что не создашь этим никому проблем, то нет.

— Какие еще проблемы, ты о чем?

— О внезапных больничных для подчиненных. Длительных. С предварительным приемом в травматологии. Возможно, весомыми счетами от стоматологов. Сечешь, о чем я?

— Да я тебя умоляю! Не будет такого, — нет, если все поймут с одного раза, куда ни лезть, ни зыркать лишний раз не надо.

— Ну-ну. Посмотрим.

— Доброе утро, Андрей Федорович! — улыбнулся нам на входе Ремнев и так и завис с приоткрытым ртом, быстро краснея, как барышня, щеками при виде Катьки. Ну началось! Может, и не такая хорошая идея ей тут работать? Ну, а с другой стороны, раз сидеть дома все равно не намерена, то лучше пусть так, все время у меня под присмотром.

— Слушаем сюда! — гаркнул я, привлекая внимание и парней на посту охраны, и скучающих на диване на случай сработок на объектах оперативников. — Наш новый се... помощник руководства — Екатерина. Помощник. Руководства. С дурацкими вопросами не беспокоить. Без дела в приемной не отираться. Хер... ерундой всякой не озадачивать. Ясно?

— А в нерабочие часы на свидание пригласить можно? — все повскакивали, форму одергивают, плечами поводят, грудь, бля, колесом. Пытаются выглядеть круче. Вот дебилы. Говорю же — табун озабоченных.

— Нельзя! Екатерина у нас замужем.

— Совсем? — сумничал кто-то из-за спин.

— Совсем. Вот прям абсолютно замужем. Идем.

Я повел Катьку в приемную под охи-вздохи разочарованных жеребцов.

— И давно я замужем? — прошептала Катька.

— Угу.

— А фамилия у меня какая по мужу? — тихо хмыкнув, продолжила приставать она.

— А какую хочешь?

Глава 35

— О, ну наконец-то! — вскочил из кресла в приемной средних лет мужик. Одет предстательно, явно небедный дядечка, но весь какой-то взъерошенный, на нервах, видно. — Вы здесь главный?

— На данный момент — я, — кивнул Катьке на секретарское место, наградил «не балуй тут мне» взглядом и отпер дверь в кабинет, предлагая мужику войти.

— Присаживайтесь. Чай, кофе?

— Нет-нет, — замотал он головой, отчего прилизанные волосы растрепались, демонстрируя наметившуюся лысину. — Мне бы сразу к делу перейти.

— Чем мы можем быть вам полезны?

— Понимаете... — Визитер оглянулся на мою загадку, напрягая меня этим, и прикрыл плотно дверь. — У меня ситуация... ну, немного щепетильная. Мне вашу фирму порекомендовал один знакомый. Вы обеспечивали охрану и сопровождение его дочери. Владимир Кононов.

Я кивнул, помню этого клиента. Дочура его была та еще оторва избалованная, крови у ребят от души попила. Неужели и этот с таким же гемором подвалил?

— Моя... э-э-э-э... близкая подруга поехала на отдых в Египет, и я... в общем, волнуюсь о ее... безопасности... — начал мямлить он, спотыкаясь чуть ли не на каждом слове.

Я глянул на его правую руку. Окольцованный голубок. Ясно, оплатил любовнице поездку на курорт, а теперь очко сжимается, что загуляет там деваха. Мой взгляд потенциальный заказчик срисовал, да я не слишком скрывался. Пусть понимает, что я прекрасно вижу его насквозь.

— Ваше беспокойство мне вполне понятно, — открыто ухмыльнулся я. Еще бы тут не понять. Неюный папик печется о неприкосновенности дырок своей обоже.

— Я бы и сам присмотрел... но обстоятельства... не позволяют. — Конечно-конечно, законных супружниц именно обстоятельствами и называют. Дернуться никуда голубок не может. Новый год же у нас в стране — традиционно семейный праздник, надо

около жены сидеть. Оливье жрать с холодцом, шампусиком запивая. А душа-то не на месте, какой тут аппетит.

— Поэтому... — Да, блин, кончай же ты мямлить, мужик ты или нет. Хватило смелости завести любовницу, так чего теперь-то два слова не свяжешь. — Поэтому я бы хотел... хотел нанять толкового человека... обязательно женатого и немолодого. — Ой, уморил! Немолодого и женатого, как с себя «надежного» писал, да? — Знаете ли, чтобы он... ну присмотрел за моей... подругой. Чужая страна, мало ли.

Ага, страна чужая, горячих джигитов со стояками наперевес полно вокруг, настроение отпускное. Мужик, да наверняка твою «подругу» уже жарят на югах тщательно и со вкусом. Чё ерзаешь-то, такие вот «подруги» никуда сами от своих кошельков с ушками не рвутся. Поебется и обратно прибежит, бабки же с неба не падают.

— Прошу прощения, как я могу вас называть?

Со стороны приемной послышались сильно приглушенные голоса. Катькин и мужской. Посетитель или кто-то там совсем суицидник, чтобы мой прямой приказ нарушать и шары свои внаглую подкатывать?

— А? — Мужик представился, но я прослушал.

— Альберт Трунов.

— Очень приятно, господин Трунов. Я — Андрей Боев, совладелец «Ориона». Так вот, господин Трунов, мы охранное агентство. Слежкой и надзором мы не занимаемся. Более того, это незаконно.

Все, давай, придурок ревнивый, ноги в руки и выметайся из кабинета.

— Ну послушайте, господин Боев, я готов все очень щедро оплатить...

— Никакая оплата не сможет компенсировать потерю лицензии и ущерб репутации и бизнесу в целом.

До меня донесся звук женского смеха. Катькиного. Кому там еще смеяться? И какого хрена там так весело, а? Я уже двинул на выход, но проситель рванул мне наперерез, останавливая.

— Господин Боев, ну войдите в мое положение! — зачастил он, мешая мне прислушаться к происходящему снаружи. — Можно же что-то придумать, чтобы это было законно. Давайте я найму ваших

людей как для охраны Элочки. Она такая... — Гулящая? — Яркая, привлекающая внимание и при этом очень... доверчивая. — Читай, легкодоступная. — Поэтому уязвимая...

Я перестал вникать в его бу-бу-бу про то, какая чудно-распрекрасно-ненадежная у него пассия, с каждой минутой теряя терпение. А он все не затыкался, ныл и ныл. Остро зачесались костяшки от необходимости физически прервать эти стремные словоизлияния.

— Извините, но вы не можете нанимать охрану для третьего лица без его на то разрешения, — отрезал я. — Это преследование. Ваша подруга должна дать на это письменное согласие.

— Но ведь Кононов...

— Его дочь была несовершеннолетней, и ее согласия на надзор не требовалось. — Я шагнул вправо, обходя приставалу, но он повторил мой маневр.

— Ну господин Боев, всегда же есть шанс договориться, — заканючил он. — Мы же адекватные люди, и я осознаю, что подобное будет недешево, и готов платить.

Это ты-то адекватный? Да тебя же клинит от ревности, мудила!

Болтовня в приемной продолжалась, у меня аж глаз начал дергаться от усилия сдержаться и не отшвырнуть этого Альберта с дороги и посмотреть, кто там такой оборзевший на рабочем месте. Но он теперь еще и в рукав мне вцепился, удерживая на месте и продолжая нудить.

— А если все организовать неофициально? Ну пожалуйста! Без договоров и огласки. Ну вы же тоже мужчина, господин Боев, должны меня понять!

Катка за дверью негромко взвизгнула, и у меня в башке замутилось и в глазах потемнело от приглючившейся картинки, что ее зажать кто-то посмел.

— Я вас? — рявкнул, теряя все терпение. — Да с какой стати? Будь мужиком! Или забей на мнение жены, или пошли любовницу.

— Да как вы смее... — завизжал Трунов, но я его уже не слушал. Оттолкнул с дороги и вывалился в приемную, едва сдерживая рычание. И увидел стоящую на стуле Катку, облапать задницу которой уже тянул свои поганые лапы оперативник Толик Лавров.

— Что, на хрен, тут происходит? — заревел я так, что аж в глотке проскребло.

— Катерина, я тут за углом еще такие ку... — ввалился с какой-то сверкающей похабенью в руках Сергей Звонарев, который начал быстро бледнеть и стремительно пятиться, заметив меня.

Глава 36

Оставшись одна в приемной, я обошла ее по кругу, все рассматривая. Нашла шкаф в стене с несколькими пустыми вешалками и сиротливо притулившимся в углу симпатичными женскими тапочками. Повесила куртку и шапку. Потыкала землю в горшках на двух окнах, обнаружив одни совсем сухими, а другие — безбожно залитыми. Так, может, мне стоило бы вежливо постучать в дверь кабинета и спросить, не изволит ли чего начальство и посетитель? Это же вроде как входит в круг обязанностей? Или нет? Но точных инструкций от Боева не поступило, не стану пока соваться. Начну с осмотра и наведения порядка, что ли. Заглянула в навесные шкафчики, изучила ассортимент из нескольких марок чая, кофе и четырех бутылок коньяка. Вытащила оттуда пару пачек безнадежно просроченных и засохших печенюх и коробку явно давнишних шоколадных конфет в белом налете. Здесь урны не наблюдалось. Выглянула в коридор, размышляя, куда это выкинуть. В холле галдело множество мужских голосов, и я решила пойти спросить.

— Да если эта кукла — птичка того же полета, что и Кристинка, я готов на нее всю зарплату за раз просадить. Хер с ним, поголодаю, — услышала на подходе, и парни загоготали.

Меня обсуждают? Ожидаемо.

— Не, обломайся, не про нас она, — ответили первому. — Слышал, что сказал: помощник руководства. Не соваться. Это ж не просто так.

— Андрей Федорович сказал — Екатерина замужем, — негромко возразил кто-то еще, и я замерла, не спеша показываться.

— Ага-а-а! — ответили ему дружным мужским ржачем, и у меня предательски сжался желудок.

— Что-то я колечка не разглядел. Да и зыркал он на нее как! Слепой ты, что ли? Трахает девку, вот и решил придерживать поближе. Вон Кристинку для того же воткнуть сюда пытался, да не вышло.

— Так что, и она у нас ненадолго?

— Ну точно до того времени, пока Николай Алексеич не вернется. Ярославу Григорьевичу сейчас похер на всю эту тусню.

— Жаль, что она из таких... — вздохнул кто-то. — Девка-то красивая — аж в зобу дыхание спирает. Я б такую и замуж позвал.

— Ага, сдался ты ей, простой охранник с дырой в кармане. Небось цену себе знает, и она немалая. Но ты сильно не парься. Деньги копи. Это ж наш Андрей Федорович. Поиграется и отправит куклу откуда взял, а мы у него адресок и телефончик спросим потом. Он у нас в этом деле мужик не жадный, даст. Всем достанется, только потерпи. Вон Кристюха на корпоративе как зажгла, да еще мы ее забрали потом на дачу втроем. Девка — супер, согласная на все, только плати.

На секунду внутри вскипело, даже кулаки сжались. Захотелось выскочить и закричать, что никакая я... не такая, как неизвестная мне Кристина. И плевала я на дыры в карманах, пусть хоть их и вовсе нет, я о человеке с душой, что меня согреет, мечтаю, а не... Что, если меня угораздило родиться привлекательной, то на мне из-за этого какое-то вечное клеймо? Меркантильная шлюха на лбу? И на Боева зло разобрало. Кристина, значит... А сколько до Кристины? И я для всех в одном ряду подобных... секретуток? Все равно ведь, выходит, вывернул по-своему. Как ему удобно. Иметь меня и тут, и дома собрался? В порядке вещей это, судя по всему. Сейчас меня, потом еще кого...

Прикрыла глаза, вдохнула-выдохнула пару раз. Ерунда все это, Сомова. Неуместно и глупо. Вот это жжение в груди — неуместно. Раньше не ревновала, но не дура не понять, что чувствую.

И мысли о том, кем меня там считают благодаря фокусам Боева все эти люди — глупость. Они никто, проходняк, столбики вдоль дороги, по которой я иду. Так что плевала я. Не буду о них думать, не стану ни на кого злиться, ничего доказывать. Это даже хорошо, что вот так. А то моментами накрывает чем-то таким неправильным к Андрею. Чудится он теплом. Тем самым. Настоящим. В смертельно опасной близости к сердцу. Нельзя.

— Добрый день поближе, — показалась я мужчинам, и они вдруг замерли, все уставившись на меня, будто я была неведомым зверем, от которого не пойми чего ожидать. — Не хотелось бы никого отвлекать от важных дел по мелочам...

— Ой, да какие у нас тут важные дела пока, Катерина батьковна! — мгновенно отозвался подхватившийся с дивана

темноволосый большеглазый здоровяк около тридцати. По голосу я опознала того самого, что причислил меня к продажным девкам и готов был спустить на меня всю зарплату. Что же, буду считать, что этим он польстил моей женской привлекательности. — Только свистните — и мы все наготове. Да, парни? — Он многозначительно подмигнул окружающим и ухмыльнулся.

— Ну раз так, то вас не затруднит прогуляться до местной помойки с этим, — протянула я ему свою ношу.

— Конечно, — буркнул он не слишком довольный и ушел.

— Подскажите мне, пожалуйста, а у вас здесь принято как-то украшать помещение в честь праздника? Мишура, гирлянды?

Мужчины молча моргали, глядя на меня, словно я говорила на фарси.

— А, точно! У нашей Соньки была в кладовке целая коробка со всякими блестяшками! — рванулся с места парень, выглядевший здесь самым молодым. Ну вот и готового меня замуж позвать опознала. — Я мигом. Только там, наверное, все староватое уже.

— Так мы сейчас в магазин напротив смотаемся! — засуетились окружающие, как-то одновременно придя в движение. У меня даже в глазах замельтишило от такого количества активности.

— Я в приемной, если что, — сообщила им и смылась к себе. Озадачила всех и ладно.

Через минуту постучал претендент на мою руку, занес небольшую коробку и поставил на стол.

— Я Толик. Лавров, — чуть краснея, представился он, и мы взялись распаковывать будущую красоту.

— Катя.

— А по отчеству? — Вот этот момент мы с Андреем тоже еще не успели обсудить. Некогда же было в пути, как же!

— Просто Катя.

— А вы откуда-то издалека?

Что, тоже просек мой южный выговор? Что же вы все такие внимательные тут.

— Угу, не местная.

Обсуждение меня — тема нежелательная, так что я сразу решила переключить его:

— А Сонька... это кто? Моя предшественница?

Еще одна в ряду всяких Крестюх безотказных и готовых и с тремя?

— А, да, она у нас три года работала, с самого начала почти. — Вот прям что-то бесишь ты меня, неизвестная Сонька. Три года рядом с Боевым... — Но потом ее Кирюха Фирсов таки захомутал. Ох и ора... ругался тогда Андрей Федорович.

Глава 37

— А? Почему?

— Ну так наши начальники сработались с ней уже за это время, она их как облупленных без слов понимала, а тут на тебе — в декрет. Фирсов ее два года обхаживал, она же — кремень. Никаких шашней на работе типа.

— Совсем? — Эй, Сомова, что это за едкие нотки в голосе. — Эм-м-м... в смысле... хм-м-м... как же ему удалось тогда...

Ой, прям тебя интересуется именно это. Куда как больше, удалось ли кое-кому другому кое-что. Нет-нет, прекрати! Ревность, какая же ты гадкая. Жжешься, как кислота.

— Уломать ее встречаться? О, это была та еще история. Чуть не заговор, он в него половину ребят в конторе втянул.

— Неужели?

Я подставила стул и забралась на подоконник, принявшись цеплять мишуру и дождик, слушая, как Толик, осмелев совсем, рассказывал мне чуть не в лицах историю завоевания неизвестной мне Сони (которая меня больше не злила) таким же незнакомым Кириллом. Дело было на праздновании восьмого марта, где она оказалась единственной дамой в окружении кучи парней, но все они коварно действовали сообща. Отвлекали не посвященное в дело начальство, шумели, когда было надо, и наврали в нужный момент. Хитрый план заключался в том, что бедолагу Соню, не дававшую Кириллу никогда и шанса рассказать ей все начистоту о своих чувствах, сумели-таки чудом заманить в подвал офиса, где располагался их спортзал, и там запереть с воздыхателем на всю ночь. Ну или ровно на столько времени, что ему хватило бы высказать все, что на душе. Слушать было, конечно, местами забавно, и я даже не заметила, что смеялась, но все же меня такой мужской силовой подход коробил чуток. А что если... ну если бы Кирилл оказался груб и обидел, принудил... Или это опять я примеряю обстоятельства своей жизни к чужим сценариям? Думаю, если бы все эти мужчины могли заподозрить Кирилла в дурном, не стали бы ему помогать. Ведь так?

Задумавшись над этим, я чуть не сверзлась с подоконника, испуганно взвизгнув, благо хоть мой собеседник подстраховал.

— Так, Катя, давайте-ка вы слезайте, — велел Толик, подвигая стул. — Залезу я, а вы стойте внизу и командуйте. Охранников у нас полный офис, а помощник руководителей один, Андрей Федорович мне не простит, если...

Упомянутый всуе Боев вылетел из кабинета, грохнув об стену дверью, и, вперившись в нас бешеным взглядом, рявкнул:

— Что, на хрен, тут происходит?

Позади него появился тот самый посетитель, взъерошенный еще пуще прежнего, с перекошенным в гнев лицом в красных пятнах. Двое мужчин, охваченных одной эмоцией, а какой же разный вид и впечатление. Незнакомец выглядел жалким и невпечатляющим, пытающимся высказать свое недовольство Андрею, от которого оно, казалось, отскакивало, не цепляя. Он вообще не замечал его, сосредоточив свой взгляд и тяжелое, осязаемое физически внимание на мне и Толике. И вот от злости Боева по коже шли огромные мурашки. От него буквально веяло агрессией, не пустой, а реально подкрепленной силой. И стоя на этом стуле посреди приемной, я вдруг поняла, чем отличается гнев и агрессия Вознесенского и Боева. Димасик был вот точно как этот скачущий вокруг Андрея лысоватый жалкий мужичишка. Мелким. Не в смысле объема или физической силы. По-другому совсем. То, что интенсивно сейчас исходило от Боева... не пугало меня. Несмотря на весь прошлый опыт. Несмотря на понимание, насколько же он меня сильнее и какой вред способен нанести, разок задев. В его агрессии не было той ядовитой токсичности, что заставляла бы тебя бояться просто потому, что ты слабее.

— Да вот, офис к празднику украшаем, — отморозился первым Толик.

Другой охранник исчез, едва только мелькнув в дверях.

— Господин Боев, я не потерплю подобного отношения! — визгливо заорал визитер, тогда как Андрей молча подошел и снял меня со стула, отпихнув плечом Толика. — Да я о вашем поведении расска...

— Да кому угодно, господин Трунов. Всего доброго, с Наступающим вас и ваше драгоценное семейство, — огрызнулся мой

сожитель, глядя мне в лицо сердито. — Ты обалдела — козой тут прыгать? В гипсе праздновать хочешь?

— Будьте уверены, что вы, отказав мне, нанесли огромный ущерб своему бизнесу! — не отставал противный дядька, а я постаралась освободиться от захвата саблезубого котяры — слишком уж пристально уставился Толик на его руки на мне. Но не тут-то было. Боев только притиснул меня ближе, обнимая уже откровенно похотливо. Как будто демонстративно.

— Лавров, господину Трунову уже пора. Покажи ему дорогу наружу и дверь в приемную прикрой поплотнее, — отчеканил Андрей, и Толика как ветром сдуло, прихватив потоком еще и вредного нытика.

— Ну и какого черта? — спросила я, сделав еще одну безуспешную попытку освободиться.

— Вот и я знать хочу. — Вместо того чтобы отпустить, нахал начальник подхватил меня под ягодицы и усадил на стол. — Что, бля, лапы Лаврова делали в непосредственной близости к твоей заднице?

— А, вот как разговор пошел?! — Неожиданно моя недавняя злость вернулась. — Тогда, может, ты первый расскажешь мне, кто такая Кристиночка, из-за которой все тут уверены, что я тупо шлюха и им нужно просто подождать, пока ты мною напользуешься и передашь остальным?

— Да что за!.. Кто тебя назвал шлюхой?

— В лицо — никто. Но я не глухая.

Неожиданно Андрей прервал наш визуальный контакт, уставившись поверх моей головы и... покраснел? Самую малость, но да.

— Ладно. Тут мой косяк.

Глава 38

Да что же это за сплошная полоса пошла моего тупизма и склероза? Хотя, с другой стороны, ну раньше не пох ли мне тотально было на то, каким боком выйдет моя же выходка с заявлением Кристины сначала на должность секретаря, а через день приглашение отработать древнейшим способом в сауне. Ясное дело, что повод у мужиков был подумать непотребное в отношении Катьки. Повод был, а моего, бля, разрешения нет! Вообще не хер о ней думать. Работу пусть работают, а не сплетничают и уж точно не фантазиям непристойным предаются, мою конфету в них обмусоливая со вкусом. А то еще по очереди в сортир мотаться передернуть начнут, придурки. Но не это сейчас главное.

— Катюх, чё-то у нас не срастается, — проворчал я, уткнувшись физиономией в изгиб ее шеи и вдохнув. Конфета моя. И сладкая, и пряная. Тащусь прям. Прилип, по ходу. И что-то ни капли не жмет нигде от этого. Кроме разве что...

— Ты о чем? — спросила она и попыталась отклониться, стремясь заглянуть в лицо. Не сейчас, девочка, я что-то сам фигею от того, что ощущаю и собираюсь озвучить. Фигею, но четко осознаю: промолчать тут нельзя. Притворяться перед Катькой нельзя. Себе врать нельзя. Да и бесполезно. Хули за ручник хвататься или пытаться заднюю скорость включать, когда руль к херам оторвало, тормоза сгорели, и несет меня с крутенькой такой горки вниз. Бодро так несет, со свистом, аж дух захватывает, как в детстве зимой на санках. Очко сжимается, но, сука, хорошо-то как. И точно знаешь — еще раз поеду так же. Сто раз. Тысячу.

Подался вслед за Катькой, нависая и продолжая прищипывать губами скулу и подбородок. Она сразу же покорно откинула голову, подставляясь и почти распластываясь на столе подо мной. Пару движений: расстегнуть ей джинсы, дернуть их до колен, одновременно задирая ей ноги и открывая мне полный доступ, рвануть ширинку, всадить член по самый корень. Все...

Так. Мы разговариваем!

— О том, что сбрыхнул-то я тебе, выходит, слегонца, загадка моя.

— М-м-м?

Вот как можно один звук издать, вроде просто вопрос, но от этого хрипловатого «м-м-м» у меня яйца будто мигом в кулаке. У нее в кулаке. Нежном таком, но сжала, так сжала, аж в голове муть.

— Насчет ревности, деревяшечка моя.

— Боев...

Она напряглась, поднимая голову, но я принялся обцеловывать ее шею, гася настороженность. Подхватил-таки под коленями и закинул ее лодыжки себе на талию, чтобы добиться полного контакта. Пиздец, как я ее хочу. Не то что яйца с членом в огне — я весь полыхаю. А ведь трахал ее всего каких-то пару часов назад последний раз, а трясет и колбасит, как чуть не до смерти оголодавшего, только притерся к ней поближе.

— Тш-ш-ш, только никаких страхов, загадка моя, лады? — пробормотал я в ее кожу, вынуждая опять откинуть голову. — Признаюсь как на духу: права ты была сразу — меня бомбит от ревности. Даже когда на тебя кто смотрит.

— Андрей...

— Тихо-тихо, дай закончу. Тебе это ничем не грозит. Веришь? — Катя шумно вдохнула, выдохнула, но промолчала, не соглашаясь, но и не отрицая. И то хлеб, развивать тему можно. — Хреново от того, что меня бомбит, только мне самому. Того, кто рядом с тобой болтаться будет, тоже может зацепить. Но не тебя, Катька, не тебя. Никогда. Никаким боком. Скажи, что веришь.

— Я не так давно тебя знаю...

— Но пока знаешь, разве я тебя чем обижал?

— Нет, но... А-ах!

Толкнулся бедрами между ее ног, кайфанув от того, какая же она там горяченькая даже сквозь тряпки, и понял, что ни хера не выйдет разговора в таком положении. Ну не желает моя верхняя голова варить на серьезные темы, когда нижняя уперлась туда, откуда, похоже, вообще не выныривала бы. Со стариковским ворчанием отстранился от моей девочки и плюхнул задницу в кресло.

— Ко мне иди, — позвал ее. — Договариваться будем по новой.

— Ну что опять-то, Боев? — насупилась карамелька, судя по всему, не слишком довольная сменой нашего положения. А мне-то как оно не нравится. Но я исправлюсь. Попозже.

— Давай снова по пунктам. Я хочу, чтобы ты приняла тот факт, что моя ревность для тебя не угроза. И я не претендую на твою свободу. Ну на большую ее часть.

— Это как? — Катерина не спешила ко мне подходить, оставшись сидеть на краю стола. А у меня руки чесались, как тянуло снова ее лапоть. Даже ладони о колени потер.

— Обыкновенно. Ты свободна во всем, кроме... — блядь, кончай мямлить мудачина здоровый! — Спать ты будешь только со мной.

— Я и так это дела...

— Нет, не так. Будешь как моя... моя девушка. Типа все официально. Для всех мы вместе и ты моя. Моя.

— Вряд ли это возможно, Боев, — нахмурившись, покачала головой упрямица. Переспорить меня, малыш, вот что невозможно. — Я же тебе говорила...

— Говорила-говорила, я все услышал, понял и готов.

Я готов? Реально? Хер знает, но если по-другому никак...

— Ты предлагаешь мне настоящие отношения? — Изящные бровки опять домиком, и лицо такое сразу изумленно-детское. Да что же ты у меня такая... смотри — не насмотришься. — Романтику и все такое?

— Да.

— Только ты у меня, и только я у тебя?

— Охуеть как странно, но да.

Глава 39

— И это после того, как все время прямым текстом говорил, что это абсолютно не твое?

— Угу.

Вот всегда знал, что трепаться стоит мне поменьше.

— И все это только от того, что в тебе проснулась ревность?

Ты смотри, какая у меня тут мастерица допроса объявилась. Может, зря позицию сменил? С моим стояком у себя между ног так не любопытничала.

— Так и есть, — покорно кивнул я и скривился. Кто ж знал, что вштырит так мощно и быстро.

— Хочешь знать, как это выглядит для меня?

— Не очень, — я скривился еще сильнее. Не дурак ведь и сам осознаю, каким дебилом выгляжу.

— А зря. Ты мне сейчас напоминаешь жадного мальчишку, который мной, как игрушкой новой, пока делиться не хочет. По-ка.

Опять на эту хрень с Кристиной намекает? Вот угораздило же меня пошутить так.

— Кать, с Кристиной... там совсем другой расклад... — начал я, но она меня заткнула.

— Забудь о Кристине и остальных... — отмахнулась она.

— Забыл-забыл, — ослабившись дурак дураком, щелкнул в воздухе пальцами. Девочка, типа я вообще о них особо вспоминаю до того момента, как не прижмет.

— Ты ведь не воспринимаешь меня всерьез. — Катька как-то мигом погрустнела, как свет потух, и перевела взгляд на окно, за которым опять начался снегопад. А я вдруг озяб. Вот прям до кишков и костей пробрало изморозью, будто отвернулась она, а я как голый на морозе остался. Чё за херня-то творится?

— Кать... — Я вскочил, подошел к ней и, обхватив ладонями щеки, заставил смотреть себе в лицо. Но теплее не стало. В ее глазищах печаль такая, что хоть вешайся. — Ну с чего ты взяла это?

Спроси лучше себя, с чего это для тебя так до хрена важно, Боев.

— А разве все не так? На меня смотрят другие мужчины, и тебя это злит. Я такое видела, знаю. И отношения ты мне сейчас предлагаешь поэтому. Не потому что я тебе нужна, а потому что и другим могу понадобиться.

Я открыл пасть возразить, но тут же ее и захлопнул. Врать нельзя. Нельзя. Не ей, той, кто действительно такую херню видит насквозь, натерпелась от подобного. Бедная ты моя девочка.

— По правде, не без этого. — Мне пришлось аж горло прочистить, а то что-то голос сломался, как придушило слегка чем. — Но эта моя жадность-ревность никак не отменяет того, что мне башню от тебя рвет, Катюш. Того, что трогать тебя охота постоянно. Что пялюсь на тебя и глаз отводить не хочу. Что тащусь от твоего голоса и трахать хочу одну тебя. Сейчас хочу. И надолго это, похоже. Я себя знаю. Так что по всему выходит — нужна ты мне, нужна именно ты.

Ух, ты, аж взмок я от речи такой. И ведь ни словом не спизднул, главное. Как нутро поет, так и выкладываю.

— Боев! — шмыгнув носом, Катька неожиданно обхватила мою шею, прижимаясь и утыкаясь носом свитер на плече.

— Что такое? — не понял я.

— Это так хорошо.

Фух, славатехосподи, поседеешь так раньше времени!

— Ну еще бы.

— Заткнись! — загадка моя покраснела, вскинув на меня свои невозможные светлые глазищи, что блестели сейчас сильнее обычного. А мне и не вздохнуть — ну красивая же, слов таких не знаю, чтоб описать. — Это хорошо, потому что я тоже тебя ревную. И тоже хочу трогать, целовать, слушать. И трахаться только с тобой. И сейчас и потом. Постоянно, долго.

— Ну тут уж насколько у меня здоровья хватит, малыш, — хохотнул я нервно. Что-то аж руки, которыми обнял ее в ответ, затряслись. — Давай-ка уже пошлем на хуй эту работу и поедем вкусняхи покупать? Пора готовиться к нашему первому совместному торжеству.

Катька отпустила меня и отстранилась, закусила губу, с тревогой уставившись мне в глаза.

— Ну что?!

— Разве так бывает? С утра мы только были случайными любовниками, а сейчас...

— Сейчас пара. Что такого-то? — ага, ничего, разве что у самого вся спина и жопа в нервном поту. Потяну ли? Не облажаюсь?

Куда, бля, денусь!

— Так быстро, — она рвано вздохнула и прижала ладонь к груди.

— Нормально, Катк. Жизнь коротка, чего тормозить? Идем?

— Погоди. Всего секундочку, — попросила моя конфета и слезла со стола. — Мне тут кое-что надо.

Встала передо мной, обхватила снова за шею, приподнялась на цыпочки и посмотрела в глаза очень серьезно.

— Я только попробую, хорошо? — прошептала она у моих губ.

Меня тряхнуло, как от разряда. Мы ведь не целовались еще. Не в губы. Не по-настоящему. За последние годы я и отвык от этого. Не хотелось. Не надо оно было. Настолько, что с и Каткой ни разу и не попытался.

Обнял ее, не сжимая, не торопя, не двигаясь навстречу. Видно, что сейчас что-то очень важное происходит. Для нее. А выходит — и для меня. Мы же теперь пара как-никак.

Она коснулась моих губ, будто крадучись, на мгновение, тут же разорвав контакт, нервно сглотнула, шумно выдохнув. И сразу подалась вперед снова, скользнув своим языком по моему, с готовностью его встретившему. Сколько не целовался, думал и забыл как, но ни черта. И мигом земля из-под ног ломанулась, и в башке шум и пустота, сердце в горле долбит, в груди тесно, кожа как под током. Ничего и никого вокруг не видишь, нет ничего, только карамель моя сладко-соленая и ее губы-язык-дыханье-руки.

— Ох! — прерывисто выдохнула она, отстранившись, и только тогда я сообразил, что умудрился Катку к стене притереть, и не то что целую — уже чуть заживо не проглатываю.

— Пиздец... вот это кайф, девочка моя, — прохрипел ошалело, мотнув головой, как мокрый пес.

Глаза не видят, мозги не варят, тело звенит от возбуждения, и оно, сука, какое-то... светлое. Не похоть мутная — другое совсем. Конец тебе, Андрюха. Однозначно конец. Довыебывался ты, дурило.

Глава 40

Андрей тряхнул головой, а я на пару секунд зажмурилась, успокаивая бешено скачущее сердце и молясь, чтобы открыв их, не заметила на его лице признаков, что это вмиг ухнувшее на мою голову счастье — мираж, жестокая шутка. Что он готов уже сдать назад, или это все несерьезно, сиюминутно, Боев вотпрямсчаз получил что хотел — обещание прав на эксклюзивное владение мною, и все на том. Ничего в себе и своем отношении он менять не собирается и не собирался.

— Пойдем уже, а, Катюх, — почти взмолился Боев и схватил меня за руку, отлепляя от стены, в которую сам практически втер. А я только «за». Каждый раз ощущать вот так вес его тела, мощь, твердость и пульсацию члена у моего живота было настолько хорошо, что век бы из под этой живой тяжести не выбиралась бы. — Еще минуту потянешь — и я тебя реально на столе разложу. Или перегну через него же, на подоконнике оприходую... да пох, трахну безжалостно и грязно, в общем.

А я все тормозила, пялилась на него ошарашенной дурочкой, не в силах постигнуть стремительных изменений между нами. Вспышка ревности. Краткий разговор. Осознание-озарение, как много этот человек вдруг занял места во мне. Во всех смыслах. Признание, что это произошло не только со мной. Мир перевернулся. Может быть, это взаправду и надолго? Можно мне уже отпустить себя? Можно обрадоваться? В полную силу.

— Кать, ну что еще? — нахмурился... мой парень? Мужчина? Однозначно второе. Ну какой из моего саблезубого парень?

— Ничего, — покачала головой, все еще одуревшая от всего.

Где-то там, внезапно черт-те где, за пределами этой как ниоткуда возникшей новой общей с Андреем реальности, продолжали мельтешить все мои проблемы, сомнения, страхи, Димасик с его злобой и преследованием, мать с ее предательством. Но сейчас мне стало на них плевать. Как и на то, как же так неожиданно вышло, что именно о таком предложении от него я мечтала. Неосознанно, не представляя себе никакой конкретики. Но об этом была та недавняя

тоска. Об этом. О нас. Взявшихся на пустом месте, так стремительно, что голова кругом, дух захватывает от того, что будто еще земли под ногами не чую, голова звенит от светлой пустоты, щеки огнем горят. А вкус поцелуя, он... Мои фантазии об этом — ничто. Целовать того, кого хочешь сама, — просто космос! Страшно ли, что он «не тот»? С саблезубым ни капли. С ним ничего не жаль, даже если все ошибка.

— Так, ясно, кто-то тут от счастья в неадеквате, — пробурчал Боев. Залез в шкаф, вытащил куртку, решительно облачил в нее меня, и под шокированный взвизг подхватил, закидывая на плечо, как мешок картошки, и понес из кабинета.

— Боев, ты что творишь! — хлопнула я его по заднице. — Там же люди!

— Там мои подчиненные, что, похоже, не всосали ситуацию сразу. Теперь никаких непоняток не будет. — К этому моменту мы уже очутились в холле. — Да, парни? Теперь семейное положение девушки для всех стало очевидно?

Не знаю, при чем тут семейное, но положение в пространстве задницей кверху очевиднее некуда.

Мужчины что-то загалдели про «сразу бы», а я закрыла ладонями заполыхавшее лицо.

— Лавров, в глаза мне смотреть надо! — гаркнул Боев, толкая входную дверь. — Мне. В глаза. Последнее предупреждение всем. С Наступающим, веселых праздников, мужики.

Закрывшаяся дверь отрезала нас от хора ответных пожеланий.

— Боев, зараза, ты же понимаешь, что я работать тут не смогу после такого! — брыкнулась я не всерьез, подавляя смех. Ржать в таком положении не особенно удобно. — Да поставь ты меня уже, голова кружится.

— Это от радости, Катька. Такого мужика оторвала! Везучая ты, да?

Спорить и не собираюсь.

— А ты? — вспомнила нашу игру с вопросом на вопрос, только очутилась на ногах и заглянула в лицо Андрею.

— Везучий ли я? А как же! Ты мне на член упала, что тот подарок от Деда Мороза под елку. Похер, что раньше этот старый хрен срать хотел на мое существование. Зато сейчас одарил, так одарил. Раз, но от души. Плохим пацанам, выходит, тоже перепадает.

— Ты все смеешься?

— Ну так и ты не плачешь.

— У нас это правда серьезно? Честно-честно?

Я ощущала себя такой глупо-невесомой, стоять на месте спокойно не могла, ноги так сами собой и рвались начать прыгать вокруг него, как мишка Гамми, хлебнувший сока волшебных ягод. И коньяка в придачу.

— А то! Ты мне теперь на других и смотреть не моги, Катюх, — строго погрозил мне пальцем Андрей.

— А ты?

Господи, да чего пристала-то! Давай, Сомова, вдох, выдох и уи-и-и-и!

— Да у меня глаза к тебе намертво прилипли, конфета ты моя. В машину давай, а то дотянемся, что в магазинах будет шаром покати.

Я послушалась. Уселась, притихла, но никак не могла прекратить всю дорогу улыбаться и трогать свои щеки и губы. И ни словом не возражала, что Боев при каждой возможности не просто лапал мою коленку, а совал нахальную лапу между бедер, урча про «тепленько-уютненько».

На парковке перед супермаркетом не сдержалась и таки напрыгнула сзади, обнимая за мощную шею и целуя в ухо и уже шершавую щеку.

— Щекотно же! А ну держись! — скомандовал Боев, присев, захватил меня под коленями и снова вскинул на спину, теперь как рюкзак. И поскакал вперед под мой хохот и визг.

Так мы и ввалились в торговый зал: все в снегу, запыхавшиеся, он, довольно скалящийся всем вокруг, толкающий вперед прихваченную по пути тележку, и я, болтающаяся на его спине с наверняка идиотской улыбкой, от которой уже болели щеки.

— Ну как, хорош жеребец у тебя? — подмигнул Андрей, когда наконец сползла с него у прилавка с хлебом.

— Лучший.

— И это ты еще верхом скакать-то по-настоящему и не пробовала, — ухмыльнулся похотливый котяра, облапал мою ягодицу и кратко, но смачно чмокнул в губы, под раздраженное фырканье какой-то солидной дамочки в мехах. — Ну мы это исправим, как только домой приедем.

А у меня мигом дух захватило от чувственного обещания в его рокошущем голосе.

— Не смей краснеть и смотреть вот так, Катька, — почти грозно рыкнул он. — А то класть я хотел на все продукты и бухло. Знаю я одно местечко, где можно нализаться и голод перебить.

Глава 41

— Боев! — шикнула я, не в состоянии прекратить это наше безбашенное веселье, и рванула вперед по проходу. Но разве от разошедшегося хищника сбежишь, особенно если не сильно-то стараешься.

— А что, неправда? — совсем не тихо «зашептал» Боев в мой затылок, мигом догнав. Бедную тележку он небрежно волочил за собой, громыхая ею обо все углы. — Там такое разнообразие вкусов — м-м-м. Сначала соленькое такое, дразнит распробовать хорошенько...

— Андрей!

— Потом все влажнее и слаще, острее. По языку течет, по губам, а пахнет как! Трепещет, вкусное, горячее, жрал бы и жрал.

— Ну Боев! — уже откровенно взмолилась я, чувствуя, что у меня и мышцы бедер задрожали, и внутри светло, сладко потянуло, будто он вытворял все сказанное наяву.

— Расплата, красавица моя! — фыркнул засранец довольно. — Кто дразнил меня в машине?

— Больше не буду, — пробурчала я, стараясь хоть чуть собраться с мыслями и заняться уже закупкой.

— Я тебе не буду.

Полки действительно сверкали пустотой почти везде, но Боев велел мне плюнуть и не расстраиваться. Нашей скудной добычей стали пара бутылок коньяка, шампанское, копченая колбаса, банка огурцов, майонез, здоровенный кусок сыра и гора конфет.

— Люблю я сладкое, — ухмыльнулся Андрей на мой вопросительный взгляд.

— А елка? — вспомнила я уже на кассе.

— Да блин! — закатил глаза Андрей.

— А вы гляньте за нашим зданием, там елочный базар, — посоветовала средних лет кассирша, смотревшая на нас почему-то с теплотой, хотя мы вели себя как пара дуркующих подростков. Стоило мне наклониться над тележкой, Боев мягко отпихивал меня бедром и

выкладывал все на ленту сам, сопровождая это причитаниями об эксплуатации нещадной жестокой девицей.

Елочный базар, к сожалению, уже закрылся. Несколько страшненьких невезучих деревьев сиротливо привалились к стене за сетчатым ограждением, но свет не горел, и внутри ни души.

— Ну и ладно, — махнула я рукой.

— Да прям! — хмыкнул Андрей и, прежде чем я успела слово сказать, плюхнул пакеты на снег и перемахнул через заборчик.

— Боев, ты что творишь?

— Елку нам выбираю. — Он взял по одной в каждую руку. — Колючие, сучки! Эту или эту, Катък?

— Вылезай, нас менты загребут! — зашипела я, тревожно озираясь.

— Да они уже давно бухают, сдались мы им, — беспечно отмахнулся чокнутый мужик. — Значит, эту. Спасибо, что доверяешь мне выбирать за нас, малыш.

Он перекинул выбранное деревце ко мне, придавил купюру стволом другого и повторил свой фокус с преодолением барьера.

— Ты такой выпендрожник! — засмеявшись, я повисла у него на шее. — У меня от тебя голова кругом, как у пьяной. Я тебя...

— Цыц! Вот сейчас тормознула, Катька, и бегом в машину, — прикрикнул на меня Боев.

— И то, как ты мной командуешь, мне тоже...

— Замолчи, женщина! Трахаться в сугробе — охереть как холодно! А ты в паре слов от этого.

По дороге домой мой саблезубый вел себя на удивление спокойно: ни шуточек похабных, ни лапанья. Но едва мы вошли в квартиру, я поняла, что это просто зверюга на время таилась в засаде.

Глава 42

Я хренов герой! Чертов стойк и мученик в одной едва не лопающейся от дурной бесшабашной радости в роже. Я дотерпел до дома. Противостоял всем искушениям и пыткам скручивающей яйца похоти столько времени! Катька как издевалась, ей-богу, терзая меня своими улыбками, смехом, прикосновениями. Я реально не знаю, как довел тачку до дома под ее буквально сияющим взглядом. Он меня насквозь пробирал, тотально уничтожая еще таящиеся по закоулкам сознания сомнения в правильности абсолютно импульсивного решения сделать ей предложение стать парой. Каким бы охеренно внезапным оно ни было, сроду не ощущал ничего правильнее. И на этом все, с думами покончено. Попер вперед — при до победного, заднюю нехуй врубать. Моя.

— Ключи в кармане, — чуть не сквозь зубы от долбящего в башку возбуждения буркнул Катьке и зубами скрипнул, когда она полезла шарить, не стесняясь притираться ко мне. Терпи, Андрюха, обратный отсчет пошел. Три, два, все!

Чуть ли не кинул пакеты, как только вошли, захлопнул дверь пинком. Схватил карамель-мучительницу за хвост, мягко потянул, заставляя запрокинуть голову. Впился в ее распахнувшиеся во вскрике губы, требовательно вталкивая язык сразу вглубь. Никаких вам нежных поцелуечиков — мгновенный трах рот в рот. Вторую руку без всяких прелюдий прямоком под пояс ее джинсов по дрогнувшему от холода животу. Обхватил лобок поверх мягкого трикотажа, рыкнув от того, что бельишко-то кое у кого промокло насквозь. Моя конфета готова щедро потчевать своего мужика? Катька ответила сразу, вспыхнула, как всегда, что тот порох. Застонала, сосала, облизывала мой язык, ерзая на пальцах, поднимаясь на цыпочки и торопливо расстегивая свои штаны. Я отпустил ее волосы только для того, чтобы захватить жадной лапой грудь, а она на мгновение прервала поцелуй, разворачиваясь ко мне. Я рыкнул из-за необходимости отпустить обе сладкие захваченные территории, но сразу и заткнулся. Она спихнула с моих плеч дубленку и тут же вцепилась в ширинку, рывками освобождая моего помирающего от желания попереть вперед бойца.

Едва справившись с пуговицей и молнией, не то что опустилась — упала реально на колени, без церемоний и осторожности рванув вниз и мои штаны сразу с боксерами. Мой исстрадавшийся член выпрыгнул прямо ей в лицо, блестя обильно протекшим предсеменем.

— Катък! — хрипнул я, предупреждая. Заведен я сейчас, как демон в аду — сдерживаться, щадить и джентельменствовать сил вряд ли найду.

Но она меня как будто и не слышала. Схватила по-хозяйски за ягодицы, ужалив ноготками, и прижалась лицом к основанию ствола и вмиг подтянувшимся от первого же касания яйцам.

— Мм-м-м, как же мне нравится твой запах, Боев, — пробормотала она, потершись щекой. Глаза прикрыты, губы зацелованные вздрагивают, вдыхает шумно, жадно и башню мне этим сносит жесточайше.

— Катька, давай лучше... — пробормотал, понимая, что уже хер чем управляю. Был минуту назад зверюга доминирующе злоебучий, да весь вышел. Стал, сука, игрушкой моей конфеты. Весь в ее власти, пусть творит что вздумается.

— Тш-ш-ш-ш... — шикнула она на меня и, стремительно проведя языком вдоль ствола, втянула в рот головку, чтобы тут же резко выпустить с пошлейшим чмоканием. А меня от этого так повело, что не устояв, я клацнул зубами и впоролся плечом в дверь.

— Катька, что ж ты... — просипел, чувствуя, что колени едва держат. Как бы не бахнутья. Вот позор-то будет.

— Делаю то же, что и ты для меня все время. Исправляю твоё негативное первое впечатление, — нахально подмигнула она мне, сверкнув совершенно бесшабашно-пьяными глазищами, и я понял, что все, пришла моя погибель. Ну и хуй с ней, зато сдохну от кайфа.

— Исправляй, только поскорее, — процедил сквозь зубы. — Бля-а-а-а! Здравствуй, смертушка моя сладкая-я-я-я!

Катька, не мешкая, взялась за меня всерьез. Распахнула глаза, устанавливая нерушимый визуальный контакт, насадилась ртом первый раз только ме-е-едленно. Впустила глубже некуда, давая этим изуверски-неторопливым погружением в жар прочувствовать все нюансы наслаждения, что способен дать мужику минет. Я чуть не взвыл, ощутив охуительную трепетную узость ее горла. Едва не кончил, неотрывно глядя, как в уголках ее глаз заблестели слезы. Урча

порочно, как кошка над добытой мышью, отчего головку прошивало ебашащей по всем нервам вибрацией, задержалась невыносимо долго и только потом резко отстранилась, начав судорожно хватать воздух, дразня еще сильнее рваным дыханием. И, только пару раз вдохнув, снова затянула меня в умопомрачительное влажное пекло своего рта, установив добивающий меня темп. Я забил на сдержанность, толкался к ней, неотрывно глядя в эти уничтожающие меня к херам прозрачные глаза, рычал, выл, нес какую-то хуйню, ни хрена не вспомню. Бился об стену затылком, лупил кулаками, только бы не сорваться и не покалечить Катьку, обхватив затылок и всадив со всей дури. И еще. И еще. По позвоночнику лава, ног не чую, в черепушке все выжгло, в паху полный пиздец. Помираю-помираю-помираю, держусь только за этот пронзительный голодный взгляд моей...

— Катька! — выдохнул, предупреждая, что все, я понесся почти.

И вместо того, чтобы отстраниться, она опустила веки и заурчала, принимая один выплеск моей спермы за другим, жадно глотая, пока меня мотало-расхреначивало в оргазме.

Катька последний раз потерлась об меня щекой и поднялась, бодро направившись в сторону кухни, прихватив один из пакетов.

— Ку... Куда пошла? — каркнул я, чувствуя боль в надсаженном горле. — Стоять! Без оргазма не уйдешь!

Стыдобища, сам реально и шагу не мог пока ступить, ноги как горячая резина, отлипну от стенки — и точно мордой об пол ляпнусь. Сколько в моей жизни было их, минетов этих, но чтобы вот так всего разломало, в хлам разбило, что и на ногах едва стоять...

— Скоро Яр придет, забыл? Надо хоть что-то успеть.

Вот же засранка, ушатала дяденьку, а сама порхает птичкой! Ничего, от меня не упорхнешь безнаказанно.

Глава 43

Собравшись-таки, я натянул штаны, настиг хитрую беглянку и мигом нагнул над столом.

— Небось не оголодает Камнев чуток подождать, — проворчал, обнажая ее роскошную задницу. — А вот тебе голодать никак нельзя, и так ветром унести может.

Угу, сквозняком каким-нибудь хуястым и до хера проворным, если буду халявить и неудовлетворенной оставлять. Не пойдет!

— Боев... — чуток рыпнулась Катька, но я ее уgomонил сразу, опустившись сзади на колени и впившись ртом в мокренькое-сладенькое-мягонькое. — Бо-о-оев! А-а-ах!

Вот, такая музыка мне по вкусу, да и все остальное вкуснее некуда. Растягивать не стал, вылизывал жестко и прицельно, доводя мою карамель до финала чуть ли не на скорость. Катька кончила через пару минут с хриплым криком и обвисла распластанная на столе без сил.

— Ну вот, теперь все как полагается, — довольно проурчал я, вытирая губы.

— Изверг, я же пошевелиться не могу, — простонала она, сползая со стола на табурет.

— А ты и не шевелилась бы пока, меня видок такой устраивает. Глаз радует и удобненько, сейчас чуть передохну и еще разок пристроюсь.

В дверь позвонили, и Катька подняла брови, ехидно ухмыльнувшись.

— Отменяется еще разок.

— Вот еще. Я и в ванную тебя затащу запросто, — пригрозил я и пошел открывать.

— Андрюшенька, у тебя все ли хорошо? — За дверью стояла встревоженная тетя Маша. — А то Матвейка мой говорит, мимо шел, а у тебя крик да стук странный.

Хм... Матвейке, бедолаге, довелось услышать, как моя конфета меня в космос отправляла, да мал еще понять, что происходило.

— Все нормально, тетя Маша, — все охуенно, но прибрехнуть придется. — Это мы просто с Катей из магазина пришли, пакетов много, споткнулась она, испугалась.

— Ой, а Катюша все еще у тебя? Уже совсем выздоровела? Ну и правильно, она же молодая вон, здоровая, у них все мигом проходит.

— Угу.

Что-то меня это «мигом проходит» как ужалило ядовитым холодом. Ведь правда молодая. Совсем. Ничего толком не видала. Как быстро пройдет у нее это... я? А когда пройдет, то что со мной? Как я-то без этих ее взглядов, будто я чудо какое для нее? Без того, как ласкается ко мне зверьком наивно-искренним? Как трется, нюхает, целует жадно, точно каждый раз первый и последний?

— ...приготовила.

— А? — переспросил я, совсем прослушав речь тети Маши застигнутый врасплох этими бредовыми мыслями. Что за херня вообще? Что мне будет-то? Не сдохну небось, переживу, дальше пойду. Баб на свете уйма, одна уйдет, миллион останется. Так? Так!

— Я говорю, чего ж ты не сказал, что вы дома праздновать-то будете. Я бы и на вас наготовила. Салатики там, холодец.

— Здравствуйте, — поздоровалась из-за моей спины Катюшка. — Я ваш голос помню. Это ведь вы со мной были иногда, когда валялась больная?

— Я, Катюша, я. Тетя Маша меня звать. Ох и красавица ты у Андрюши! — пожилая женщина даже руками всплеснула и многозначительно посмотрела на меня. — Ох, Андрюша держи и держись.

— Уже, — буркнул я. — Не переживайте, тетя Маш, Катюха у меня кулинарка и сама нам с Яром чего сварганит.

— И Ярик будет?

— Ага, у него же пог... Роксана в роддоме, куда ж ему еще. Только к нам.

— В роддоме? Батюшки, это как же я все пропустила? Папашка, значит, наш Ярик-то уже?

— Дважды! — подтвердила Катя. — Сын и дочка у него. Везунчик, полный комплект разом.

— Ой, побегу я, своим расскажу! — соседка подхватила и понеслась к себе.

Я уже почти закрыл дверь, когда из лифта вышел Камнев с позвякивающим пакетом.

— Боев! — с упреком нахмурилась моя конфета. — Я ничего не успела! А все ты!

— Ну, допустим, ты тоже участвовала, — хохотнул я, пожимая руку другу.

— Добрый вечер, Катя! С Наступающим вас, — ответив на его приветствие, моя девушка унеслась на кухню.

Яр остановился в прихожей, обзрел брошенные пакеты и подмигнул мне.

— Пахнет тем, чем я думаю? Уже? Или мне погулять вокруг дома чуток?

Ишь ты, какой нюхач.

— Не парься, я всегда все вовремя успеваю. Заходи.

— Мне тут сорока на хвосте принесла, что ты движняки и шум в офисе устроил, — сказал друг, вешая свою куртку.

— Ты своим сорокам скажи, что я им хвосты поотрываю, вместе с языками и кой-чем еще, — фыркнул я.

— Сороки сороками, но, Андрюха, ты соображаешь, что делаешь?

— Ты про клиента, что я выставил со скандалом? Так он не наш клиент оказался, убалтывал меня слезку за своей любовницей организовать.

— Хер с ним, с клиентом, тут ты лучше меня знаешь, что делать. Что с девчонкой творишь, да еще на публику!

— А что опять не так? Блядун Боев — плохо, девушкой постоянной обзавелся — снова хреново?

— Андрюха, ты же себя знаешь, — покачал головой Камнев. — Одно дело даже полезть на сестру друга, гемор, конечно, но пережить можно. Но совсем другое ей на полном серьезе начать голову задуривать. Колька не простит тебе, когда ты в это наиграешься и ранишь девчонку. Да кто такое простил бы?

— Колька о ней еще ни сном ни духом, — огрызнулся я. — И, по-твоему, выходит, что у меня вся жизнь всегда должна быть по одному сценарию? Я сто из ста обязательно облажаюсь? Именно я. Вы все святые, вам рискнуть можно, а Боев хуевый настолько, что и не хер пытаться? Просто порадоваться не можешь, что у меня сейчас все хорошо? Хорошо, понимаешь? Так, что хожу как под дурью. Дальше

как пойдет, кто знает? Ты? Колька? Катька мне не игрушка на раз, уясни. Да, сам от себя не ожидал. Да, быстро, опомниться не успели. Но на себя-то глянь! Тебя когда погремушкой на всю голову ошарашило, много это времени заняло?

— Боев, не психуй, — положил мне на плечо тяжелую ладонь Камнев. — Решил ты для себя, значит, так тому и быть. Я тебя знаю. Но смотри, обидишь Катю — выхватишь не только от Кольки.

— Эх, Яр, ты лучше печень готовь. Как бы тебе со мной бухать беспробудно не пришлось, горе заливая, когда это Катька меня обидит да бросит к хренам как-нибудь.

— А ты не отпускай. Ты у нас мужик крепкий, должен сдюжить и удержать.

— Молодая она.

— Моя Рокс тоже. Да только хрен кому отдам и отпущу.

— Бывает, что хоть сто раз ты мужик крепкий и что угодно сдюжишь, а решать не тебе.

— Тебе, Андрюха. И решать, и ответ за все держать. Вот тогда все нормально и будет.

— Философ, бля. Пошли накатим, что ли, проводим год. Хороший он выдался, грех за такой не выпить.

— Вот уж правда.

Глава 44

— Так, в офис тебя Камнев подвезет. И обратно тоже. Сама не броди, города не знаешь нифига. Но лучше бы тебе вообще дома посидеть, — ворчливо пробухтел Андрей, навалившийся на меня полностью одетым поверх одеяла. Не придавливал сильно, но встать не давал. Вернулся он в постель уже второй раз, снова принявшись зацеловывать меня. — Меня всего-то пару дней не будет. От скуки не закиснешь, небось.

— Андрей, ты опять?

— Не опять, нет. Я же не запрещаю тебе и не заикнулся, что ревновать буду или бошки кому-то поотшибаю и руки оторву.

— Значит, не будешь ревновать? — Я огладила его бритую голову, поняв, что уже наслаждаюсь даже этой легкой колкостью его ежика и шуршащим звуком под ладонями. Я, похоже, всем в нем наслаждаюсь. Привыкаю. Прикасаться. Целовать. Чувствовать его. Быть... счастливой. Быть его.

— Буду. Ты себя видела? — нахмурил Боев свои светлые брови, и я тут же принялась разглаживать эти глубокие складки на его лбу. — Можно разве не ревновать?

— А мне тебя? Ты ведь тоже не в пустыню безлюдную едешь.

— Ой, сравнила! Да кому я сдался? Я еду работу работать, карамель моя, за сладким домой вернусь, как раз зверский аппетит нагуляю. Держись тогда. Так, ключи помнишь где?

— Да. И запасные еще у тети Маши и у Камнева, я помню, Андрей.

— Деньги?

— В ящике серванта.

— Лекарства?

— На кухне. Да что со мной будет-то?!

— По магазинам шмоточным без меня не шастай. Хочу сам с тобой походить.

— Со мной или за мной?

— Ты у меня умненькая, сама догадайся. Трудовых подвигов тут с отдраиванием квартиры тоже не устраивай, поняла?

— Угу.

— Тяжести не таскай.

— Хорошо.

— На улицу без шапки не суйся, куртку застегивай.

— Слушаюсь.

— Порнуху без меня не смотри.

— У тебя есть порнуха?

— Полно. Но без меня нечего на чужие члены зырить.

— А при тебе можно?

— Исключительно в качестве учебного пособия с немедленным испытанием на теле. Моем.

— Договорились.

— Все. Ухожу. Не балуй, Катька. И скучай по мне, поняла? Вот прям сильно скучай. Но никакого рукоблудия тут мне!

Досадливо вздохнув, он сполз с меня, и я поднялась проводить.

— Куда, блин? Сиди тут, а то я тебя трахну вместо проводов, — пригрозил он.

— А я должна быть против? — рассмеялась я, скрывая, что сердце заболело.

— Ты должна быть дома. Меня ждать.

— Мне точно-точно с тобой нельзя? — заканючила я уже в десятый раз. — Обещаю, что ты и замечать меня не будешь.

— Я тебя? Никаких, бля, шансов, Катюха. И нет, тебе нельзя. Все-все-все, я ушел!

Входная дверь хлопнула, и я вдруг на пустом месте разревелась. Как кто и толкал в спину ломануться вслед за Боевым. Отпускать его, расставаться, по сути, в первый раз с момента нашего знакомства оказалось пугающе болезненно. Как все быстро-то! Но не о таком я разве и мечтала? О человеке, что всю мою душу займет, вытеснит из нее всю гадость. Откроет в нее дверь, войдет и останется насовсем. О человеке, без которого прям не вздохнуть. И ему без меня. Но это вопрос, конечно, еще у нас открытый.

— Прекрати, Сомова, ерунда ведь все это. Всего пару дней, а может, и меньше, — хлюпая носом, сказала сама себе. — Оно и хорошо, поскучаем правда друг по другу. Люди нормальные все время так делают. Наверное.

В новогоднюю ночь мы досиделись до трех утра под бесконечные рассказы Андрея про их детство, в которые Камнев только изредка вставлял короткие емкие фразы. Приключений у них, судя по всему, хватало, я даже обзавидовалась сначала, услышав о том, что каждое лето они проводили с дедом Ярослава в самой настоящей тайге. Грибы, ягоды, рыбалка, охота, ни души вокруг. Мне это представлялось едва ли не экзотическим существованием в девственных джунглях. Но впечатление ауры романтичности и вечного веселья мигом рассеялась, как только мой саблезубый вскользь упомянул, что его родители сильно пили, так что других вариантов проводить каникулы у них с Яром не было. Он, рассказывая об этом, даже улыбаться не перестал, так же, как делала всегда я прежде, говоря о материнском пьянстве, только в глазах промелькнуло что-то. То самое, на что тут же откликнулось мое знание, каково это — быть сиротой при живой матери. Не иметь никакого значения для самого родного и любимого человека. Чувствовать себя невидимкой из-за вечной алкогольной пелены. Быть преданной в итоге. Проданной. Мне пришлось срочно отлучиться тогда в ванную, чтобы не выдать себя, не испортить всем настроение. У меня сейчас все хорошо. У нас с Андреем хорошо. Все в прошлом. Новый год, новый город, новая жизнь. Никаких сожалений и боли больше.

Глава 45

При том, что о детстве я наслушалась, ни единого факта из жизни в более взрослом возрасте мне из Боева вытащить не удалось, кроме разве что упоминания об их совместной с Камневым работе в милиции. Сколько было женщин в жизни моего саблезубого за эти годы? Насколько они были важны для него? Разве не позор ревновать его настолько к ним, только позволив себе домыслить, что никогда он не был один. Боев сейчас здесь, со мной, ни с кем из них. Он со мной, потому что сам так захотел. Улыбайся, Сомова, улыбайся и дыши свободно.

* * *

Ярослав приехал за мной около половины девятого. Узнав у него о самочувствии Роксаны и малышей, я притихла, не зная, о чем еще говорить. Немного смущали меня его косые тяжелые взгляды на светофорах.

— Катя, я никогда ни в чьи личные дела не лез, разве что по рабочей необходимости, — начал он, и я насторожилась. — Но Андрюха мне друг. Николай тоже, однако врать не стану, если возникнет... хм... трение, я выберу сторону Боева. Между нами это без вариантов. Даже если это покажется несправедливым по отношению к Кольке и тебе. Хотя я предпочел бы не выбирать сторон, но тут уж... м-да.

— Николай... ну мне очень сомнительно, чтобы он так уж разозлился на Андрея за... за нас. Он ведь и не знает меня. Да и теперь между мной и Андреем не то, что было поначалу.

— Катя, ты своего брата не знаешь, а я успел узнать. Не будь в нем этой природной натуры защитника, в бизнес мы бы его не взяли. Так что конфликта не избежать, поверь моей чуйке. И упомянутое тобой изменение ваших отношений с Андрюхой может как раз все ухудшить.

— Что? Почему?

Ярослав сильно нахмурился и потер пальцами переносицу.

— На вопрос почему я отвечать не стану, уж прости. Тут и без меня справятся. Я всего лишь веду этот разговор к тому, чтобы ты была готова к негативному развитию событий, потому как ему однозначно быть. И прямо и от всего сердца хочу попросить тебя: ты не слушай ничего, крест чуть что на Боеве не ставь. Он нормальный мужик. Нормальный, понимаешь? Не идеальный, не без косяков, но настоящий. И к тебе у него все серьезно. Я его всю жизнь ведь знаю и вижу. Ты не подведи его, Катя, не сломай.

— Я? Его?

— Ты. Его. Это только кажется, что нас, мужиков, и бревном не перешибешь и кожа у нас толще слоновой. На самом деле вам женщинам, чтобы нас раздолбать в пыль, и слова бывает достаточно, пальцем шевелить не нужно.

— У меня все тоже серьезно, Ярослав. — Я посмотрела на него открыто, не скрывая ничего, даже глупой улыбки, что лезла из меня, стоило упомянуть о нас с Андреем. — Очень-очень. Но есть определенные обстоятельства, которые могут вынудить меня... уйти. Не потому, что от Андрея из-за чего-то, а как раз ради него.

— А вот это ерунда, Катерина, — косо зыркнул Камнев. — В таких вопросах таиться нельзя, как и женщине на себя полагаться и всю ответственность стараться вывезти. Нельзя! Для этого есть у тебя теперь Боев, брат, да и я на подхвате и целая толпа наших архаровцев, не пальцем деланных. Ты об этом помни и крепко подумай на досуге. Ты уже живешь среди мужиков, решающих проблемы, а не создающих их, привыкай, перенастраивайся давай. Все, что нужно от тебя, — поверить.

Я не стала отвечать. Вздохнув, уставилась в окно. И он туда же. А если... Нет. К чему приведет излишняя откровенность в этом вопросе? К дерьму с любой стороны, вот к чему. Если расскажу все честно, то потом нам всем надо смириться с этим знанием, даже если я уговорю ничего не предпринимать. А если они все: Боев, брат, Ярослав, за спиной которого жена и двое детей, забудут на мои просьбы и нарвутся... Да как с этим жить потом и зачем?

Если удача на моей стороне, во что начинаю уже отчаянно верить, то старый козел не найдет меня, забудет, сдохнет наконец. А найдет — так с меня одной за все и спрос. Узнав таких замечательных людей, я

ни за что, ни при каких обстоятельствах подставлять их не стану. Живу сейчас, придется — исчезну, и весь расклад. И пусть я овца упертая, пусть! Есть в жизни моменты, когда упрямство — лучшее качество характера.

— Катя, вечером хочешь со мной в больницу в Рокс заскочить? — неожиданно спросил Ярослав.

— А можно? Я очень хочу.

— Ну вот и славно. А то сидишь, сопишь угрюмо. Я ж не обидеть тебя хотел.

— Я понимаю. Ты переживаешь за Андрея. Но я тоже. Я его... он мне уже очень дорог. — И поэтому я в случае чего поступлю, как решила, и никак иначе. А по поводу репутации Боева, против которой может возражать мой брат, тут я уже осведомлена, — подмигнула я мужчине.

— Уже напели? Кто? — строго нахмурился Камнев. — Вот коллектив, мужики еще называются! Толпа старых сплетниц! Катя, ты их не слушай, ясно? Андрюха... ну он веселый у нас, да, но хороший человек.

— Я знаю. Верю.

И по этому хорошему человеку я уже очень-очень скучаю. Возвращайся скорее, мой саблезубый.

Глава 46

— Андрюха! Ох, нихера ж себе, кто к нам пожаловал! — заорал на все отделение милиции Вовка Ямщиков, стоило мне появиться на пороге его кабинета. — Вот это ты раскабанел-раскачался на вольных харчах. Ментом пока по земле бегал, поскромнее харька была!

Смеясь, он полез обниматься, фигача меня по-дружески по спине своими лопатами-ладонями, чуть дух не вышибая.

— На себя то глянь, ты и в ментовке оставшись наел хлебальник — за неделю не обосрешь, — ответил я в тон ему, обнимая.

— А ты к нам чего? Дело какое? Не к морю же в январе. Или хатенку подыскать? Что, тоже задолбало на наших северах обретаться?

Выяснить, что в родном городе Шаповалова поселился наш с Яром бывший сослуживец, показалось мне удачей. Ямщиков раньше был мужик нормальный, не гондон какой, и надеюсь, до сих пор не скурвился. Может, и напрямую ему все выложить рискнуть? Но сначала все же нюхнуть для пристрелки.

— Да мне тут инфа по одному парню нужна. Он родом из этих мест. Что за семья узнать бы и все такое. Общую картинку составить.

— Ты ж теперь частник, — прикрыв поплотнее дверь кабинета, хитро прищурился Вован.

— Частник, но очень надо. В бизнес общий с парнем лезем, надо проверить, кто и откуда, — немного прибрехнул я, да простит меня Колька. — Проставлюсь честь по чести. Главное, чтобы по-тихому, по-свойски, без огласки.

— Ну давай попробуем. Фамилия у твоего парня какая?

Ямщиков ушел, оставив меня одного, а когда вернулся, выглядел разозленным. Схватив меня за грудки, приложил лопатками в стену и зашипел в лицо:

— Значит так, Боев, кончай мне пиздеть и выкладывай все, как есть.

— Ты это о чем?

— Фамилия матери твоего Шаповалова — Сомова. И последнее время эта фамилия у меня не то, что на слуху. В печени, блядь,

застряла!

— По поводу?

— Хер тебе, а не ответы, пока сам все не выложишь, понятно?

— Понятно. Говорить здесь будем?

— Не-не, пошли пивка хряпнем тут неподалеку.

* * *

— Выходит, мать Шаповалова все еще жива, — уточнил, хлебнув из высокого бокала.

Мы устроились в дальнем углу большого зала пивбара, что в такой час практически пустовал.

— Угу, еще как жива, — ответил приятель, дождавшись, когда официанточка в кожаных шортиках отошла достаточно далеко. Я зацепился взглядом на мгновение за ее сочную задницу, но внезапно внутри как заныло, что ли. Так к карамели моей под теплый бочок захотелось, хоть вой. — Она у нас тут дама широко известная в узких кругах, как и дочка ее. Точнее, именно благодаря дочке этой, будь она неладна.

— А что с дочкой? — наострил я уши.

— Зубы мне не заговаривай. Говори, зачем явился.

— Да, собственно, за этим. Вызвать мне надо все про эту самую дочку.

— Чё-то не понял. Старый мудачина тебя девку искать нанял? Ближе никого не нашел? И так-то я о тебе лучше думал, Андрюха. — Вован прищурился на меня с отчетливо читаемым презрением.

— А ты не спеши обо мне хреново сразу думать. Лучше колись, кого в виду имеешь.

— Бля, это не разговор, Боев. Давай в открытую, жопой не вилай, — решительно поставил он бокал, расплескав пиво.

— Вован, кабы это только меня касалось, вывалил бы как на духу. Но не могу, прости меня. И, как ни крути, ты все еще при погонах и под присягой. Знать тебе все, учитывая возможные последствия, — практически подстава. Поэтому давай моей легенды придерживаться. Что там за родня у моего Шаповалова, и чем она так примечательна.

Ямщиков скривился, посмотрел на меня с минуту пристально, а я глаз не отвел, пусть видит, что не брешу.

— Да уж примечательна. В первую очередь сестричка прославилась. Отец города наш, Вознесенский Дмитрий Алексеевич на этой девке крепко так умишком повредился. Настолько крепко, что всем ментам в городе сейчас спущено негласное, но пиздец какое строжайшее распоряжение эту самую Екатерину Олеговну Сомову найти хоть под землей и вернуть под ясные очи градоначальника.

Ну вот я и знаю, кто ты такой, мразодмитрий. Давай, начинай там уже икать, скоро приду по твою шкуру блядскую.

— Девок ему, что ли, мало, — процедил я сквозь зубы.

— Ну, видать, мало. Сам я эту Сомову вживую не видел, но слышал от коллег частенько, что девка реально красивая. — Не врут твои коллеги. Катька у меня такая, что сердце на хрен от взгляда останавливается. И прямо сейчас я тут сижу, а на нее пялятся наверняка всякие олени непуганные. — Она не в первый раз от Вознесенского сбегает, а этот козлина не стесняется ментов как личных ищеек использовать, да еще и ебет мозги нещадно за задержку. Сейчас вон, говорят, лютует по-жесткому. Вынь ему девку эту и положь.

— Не от хорошей жизни, небось, убежала, — скрипнул я зубами.

— Угу. Он ее, ходили слухи, считай, купил, прям с выпускного в приюте местном особом выхватил. И вряд ли по доброй воле все у них было. Вознесенский — еще та жаба старая и страшная. Хотя... бабы сейчас не на рожу смотрят, а в карман.

Но не моя Катюха, не моя.

— Погоди, какой такой приют, мать же живая?

Глава 47

— Ой, брось, какая там мать! Алкашка конченная. Это еще Катерине этой повезло, что ее в приют наш элитный пристроили да мэр на нее повелся. С этой мамыши случилось бы начать девчонку смазливую за бухло под желающих подкладывать. Видал такое и не раз. Да что я тебе рассказываю, сам ты ж мент бывший.

Это верно, навидался я, в том числе и такого похабства.

— Да что за приют еще такой?

— О, интересное такое заведение у нас. Все о нем знают, но там так крышуют, что сунуться разьебать этот паскудный гадюшник не вариант, Андрюха. Вообще. Тамошняя директриса, сука прожженная, таскается по другим детдомам периодически, присматривает подростков посмазливее и переводит потом к себе. Мелких не берет, лет по шестнадцать минимум. Одевают их получше, чем обычных сирот, учат, питание опять же, ну прям для всех образцово-показательное заведение. Но ключевое тут, Андрюха, именно показательное. Туда постоянно типа спонсоры или комиссии из чинуш катаются и, само собой, выбирают себе свежее мясо. Правда, ни разу никто не пикнул, чтобы с ребятами что до восемнадцати делали, но вот после почти всех их «пристраивают».

Я шумно втянул воздух, закипая моментально. Вот, значит, через что ты прошла, девочка моя. У матери-пьяницы забрали в приют, а оттуда мразодмитрию вручили, только совершеннолетняя стала.

— Не может быть того, чтобы никак не достать этих тварей, Вован. Они же людьми, считай торгуют. Детьми!

— Никак, — помрачнел приятель. — Не за что схватиться даже, никто ни разу даже с заявой не пришел. Нет потерпевших, понимаешь? Но и хер бы с ним, только сунулся у нас опер один в этот гадюшник — и больше он не опер, а просто инвалид неходячий, в кресле катается и ни черта не помнит. Ясно выражаюсь?

— Ясно. Все ясно, но для меня это нихера не довод.

— Не дури, Боев, — понизил голос Ямщиков. — Думаешь, я не просек ничего? Девка у тебя, небось? Не отвечай, знать не хочу.

Просто ты поворачивай лыжи, мужик, и вали домой. Спрячь ее получше, береги, а про вот это вот наше все забудь.

— Вован, если бы твою женщину еще девчонкой невинной кто, как товар какой-то, продал, насильовал, бил, запугал насмерть, ты бы забыл? — прошипел я, наклонившись к нему через стол. — Смог бы, а?

— Если любил бы ее, то забыл. Знаешь почему? Потому что мертвый или из тюрьмы я ее не смогу защитить. Значит, выходит, брошу опять со всем дерьмом мира один на один. Ты этого хочешь, Боев? Я тебе в лоб говорю: полезешь в этот гадюшник или к Вознесенскому — и закончишь в гробу или на зоне. Кому тогда твою Сомову прикрывать? Возвращайся с богом.

— Нет, — упрямо покачал я головой. — Мужик я или чмо последнее.

— Неправильно вопрос ставишь, дурило. Мужик холодной башкой думает, он тот, за кем укрыться можно, так бережет, что его опекаемые, может, никогда и знать об этом не будут. А мальчишка придурковатый в грудь себя бьет, шум, что то ведро пустое создает. Себя палит с потрохами, и один вред от него. Тебе мальчишкой уже позорно быть, Боев. Возвращайся к ней, береги, сдохнет этот гад, не бессмертный чай, с приютом тоже разберутся без тебя, всему свое время, Андрюха.

Все верно ты поешь, дружище, но какая же песня целиком выходит гнилая. Сидят два бугая здоровых глаз в глаза и расписываются в полном бессилии.

— Я подумаю над этим.

Не лох ведь, открыто на амбразуру идти не собираюсь. С приютом гадским с наскоку не разобраться, если крышуют по-серьезному, но вот конкретно с этим мэром-ублюдком разобраться же можно. Походить за ним, выбрать момент и удавить гада. Чтобы Катька моя дышала уже свободно. Но херово, что Вован меня так легко прочитал.

— Подумай, хорошенько прикинь. Герой и мститель, оно круто, конечно. Думаешь я бы не... — он осекся и сжал огромные кулаки. — Жить и знать, что под носом моим, считай, такое творится за положняк... но у меня жена, дочь, Боев, а времена сейчас такие... Сдохнуть геройски или сесть — много ума не надо, а их без защиты оставить? Спроси себя, ты девчонке нужен героем или живым?

Живым. Трусом. Тем, кто забьет на все, но будет рядом и прикрывать. Ладно, можно же и повременить, так? Грех на душу очередной всегда повесить успею. Отбой. Пока.

— А нет у меня никакой девчонки, — ухмыльнулся я и допил залпом. — И домой мне пора внезапно.

— Конечно нет, — подмигнул бывший сослуживец. — Рад был повидаться, Андрюха.

Глава 48

День в офисе поначалу тянулся как-то слишком долго. А все потому, что никто мне толком и объяснить-то не мог, что входит в мои непосредственные обязанности.

Как выяснилось, моя предшественница Соня была какой-то автономной почти волшебницей и «сама все знала», неопределенно пожал плечами Ярослав. Ну не за свежестью же печенюх и конфет следить секретарь в приемной посажен! Если бы мне еще хоть каплю опыта, а то реально начала нервничать, ощутив себя предметом интерьера, к которому относятся терпимо только из уважения к Боеву. Но потом все наладилось. Толик подсказал мне поискать в столе, где, как оказалось, хранились все шаблоны типовых договоров на охрану, и помог разобраться с офисной техникой. Правда, все время он как-то дергано оглядывался на открытую дверь приемной, словно ждал нападения сзади.

— Андрей Федорович уехал на пару дней, — шепнула я ему, и только после этого парень расслабился.

В общем, я была, можно сказать, почти во всеоружии к моменту появления первого посетителя. И даже кофе занесла в кабинет, не расплескав, и всего со второго раза сумела распечатать именно те бланки, что терпеливо попросил у меня Камнев.

Дальше внезапно случился наплыв народу. Двое представительных мужчин и какая-то очень нервная женщина средних лет появились в приемной с разницей минут в пять. Незнакомка мотнула головой на мое предложение напитков и села в уголке с прямой спиной, производя впечатление взведенной пружины. Я потихоньку подошла к мужчинам, уточняя причину визита, и попросила почти знаками пропустить даму вперед. Они были не против, но буквально через минуту, как она проследовала в кабинет Камнева, после ухода первого клиента, Яр вылетел оттуда, кривясь, и дернул головой.

— Кать... там... сделай что-нибудь, короче.

Из кабинета доносились громкие рыдания, и, проскользнув внутрь, я увидела нашу посетительницу почему-то на полу в странной

позе, как будто она только что была на коленях земные поклоны. Она выглядела почти невменяемой и твердила сквозь плач «помогите-помогите, ради бога, помогите».

— Что случилось? — одними губами спросила я явно не знающего куда себя деть Камнева. Но он только отрицательно мотнул головой и прикрыл дверь, оставляя нас одних.

Какое-то время я успокаивала даму, отпаивала водой и оперативно нарытой в нижнем ящике стола валерьянкой (а я еще гадала, зачем она там), аккуратно препровождая в кресло, уговаривала объяснить все толком.

— Он у меня все хочет отобрать, все... — всхлипывая и икая, начала она.

Выяснилось, что речь о бывшем муже Людмилы, так она представилась. Мерзавец не просто бросил бедную женщину с двумя детьми, но и вознамерился отнять и жилье с бизнесом. Законными методами сделать это не вышло, вот козлина и обратился к каким-то отморозкам, что теперь запугивали и саму несчастную, и детей. Чем только не грозили. И изнасилованием, зверскими избиениями, малышей похитить и на органы продать.

— Как только земля такую мразь, как этот падла-отец, носит?! Хотя, мне ли не знать, что земля эта каких только уродов ни терпит, не разверзается под ногами.

Снабдив Людмилу еще водой, я вышла в приемную.

— Кать, прости, что подставил, но бабские слезы мне как серпом по я... Сейчас так вообще. Не могу я, короче, — объяснил мне смутившийся Ярослав, что как раз обсуждал что-то с мужчинами. — Успокоилась она хоть чуть?

— Да. — Я замялась, не зная, вправе ли озвучивать проблему посетительницы в присутствии посторонних, и Камнев, подхватив меня за локоть, вывел в коридор, где я ему все быстро и пересказала.

— Фух, а я-то уже подумал... — вздохнул с облегчением он. — Тут дело-то проще некуда, а она рыдает, будто умер уже кто.

— Женщине страшно, — позволила я себе намек на упрек в тоне.

— Да понимаю я. Поможем, мигом и бывшему козлу мозги вправим, и гопникам его.

— Так запросто? — удивилась я.

— Работа это наша, Катя. Пошли, подсобишь мне с ней. Мужики, договорим скоро, — кивнул он сидевшим в приемной. — Я суть проблемы вашей понял.

Ну вот, не такая уж я и бесполезная, выходит. Конечно, невелика заслуга успокоить кого-то, но я была собой чуточку горда. Это все же не печенюхи переключивать, это важно. Сомова работает. По-настоящему. Впервые.

* * *

— Нельзя это, папаша. — Полная санитарка средних лет потрошила пакет, принесенный Камневым на проходную роддома. — И это не примем. И это. Вот зачем яблоки красные принес?

— Моя жена зеленые не лю...

— Нельзя этого.

— Да вы ничего не даете передать! — не выдержав, рывкнул Ярослав. Выглядел он сейчас откровенно взбешенным, но женщине на важном казенном рубеже хоть бы что. Даже не дрогнула. Очевидно, ей к нервным и психующим папашам не привыкать.

— Не положено. Вон на стенке список чего можно, а чего нельзя!

— Моя жена это любит.

— Ничего, потерпит. Чай не голодают они у нас.

И с непрошибаемым лицом дама подхватила почти пустой пакет и захлопнула перед нами дверь.

— Нет, ты посмотри на эту... хорошую женщину, — прорычал Камнев.

— Ничего, скоро Роксана будет дома, — увещевала я его, пока мы обходили здание, чтобы оказаться перед окнами нужной палаты.

— Угу, — буркнул мрачный мужчина, чуточку расслабляясь.

— И тогда никто больше ничего не запретит.

— Угу. Спасибо, Катя.

Было бы за что. Но совсем успокоиться ему было сегодня не судьба. В проеме ярко освещенного окна на третьем этаже появилась Роксана. Я ее едва узнала. Бледная, осунувшаяся, но улыбка просто ослепляла. У меня аж слезы навернулись. Она послала воздушный поцелуй своему мужу, который огромный суровый мужчина, ни капли

не стесняясь, как бы поймал в воздухе и прижал к своим губам, засияв, словно в нем не то что лампочка зажглась — целое солнце вспыхнуло. Только что был угрюмый громила, и поглядите, милаха какой, прямо-таки здоровенный плюшевый медведь. Вот это да! Помахала причина волшебной метаморфозы и мне, прижав ладонь к груди и четко выразительно, давая прочесть по губам, произнесла «спасибо». Потом велела знаком подождать, исчезла на минуту и снова появилась, держа в изгибе обоих локтей по малышу.

— А ну положи их! — заорал Камнев, мигом опять взбеленившись. Да уж, дома никто ничего не будет запрещать Роксане Камневой. Никто, кроме ее вспыхивающего, как порох, мужа. Эх... завидно же. По-хорошему. — Быстро! Тебе нельзя их таскать после операции! Рокс!

Глава 49

На его рев стали выглядывать из окон на всех этажах, а Яр топотал ногами и чуть в стену кулаками не лупил, исходясь гневом в беспокойстве, пока его жена не подчинилась. Да и потом полдороги, подвозя меня к Боеву, не мог уговориться. Бурчал под нос, что кое-кто у него допросится, ишь удумала, врач сказал не больше двух килограмм за раз, а там... и хмурился.

Проводил меня до дверей, велел запереться и даже проверил, подергав за ручку и только после этого ушел.

А я, сняв верхнюю одежду и разувшись, побрела обходить пустую квартиру. Опять потянуло разниться. Везде тут пахло моим саблезубым, но его самого не было. И мне от этого так тоскливо стало. Будто я очутилась одна на каком-нибудь полюсе недоступности, и вокруг на сотни километров ни души. По крайней мере той души и тела, что мне так хотелось ощутить рядом. Выпила пустого чаю, в рот ничего не лезло, и, стащив из спальни одеяло, улеглась перед телеком. Задремала незаметно для себя, бездумно пялясь в экран. И даже взвизгнула с перепугу, почувствовав чье-то прикосновение к своей лодыжке.

— Тш-ш-ш, Катюха, я это, — почему-то шепотом пробормотал Андрей, на которого я, офигев, лупала глазами в полумраке.

Наклонился, поцеловав коротко, но жадно, огладив холодными ладонями мои щеки. Отстранился и взялся быстро раздеваться.

— Ты же... пару дней же сказал, — чуть заикаясь от испуга и удивления, так же шепотом ответила ему, наблюдая, как он торопливо стягивает свитер сразу с рубашкой, а следом и штаны.

— Не рада? — ухмыльнулся, ныряя ко мне под одеяло, и узкий неразложенный диван закрипел под нами. Уткнулся лицом в изгиб моей шеи, награждая своим желанным весом повсюду. У меня дыхание перехватило от его аромата и облегчения, что принесло первое же прикосновение. Без него как болело все, болело. Господи, пропала ты, Сомова. — Мм-м-м, пахнешь как. Мягенькая, тепленькая вся. А я вот скучал, несся домой на перекладных с тремя пересадками, а моя карамелька-то и не ждала-а-а, — ворчал он, потираясь колючей щекой

и нюхая меня, ну чисто дикий голодный зверюга. Мой саблезубый мурлыкающий зверюга.

— Еще как скучала, — возразила я, принимая его вес полностью, обвивая руками и ногами, куснула за мочку уха. — Мне без тебя тоскливо было, хоть плачь.

— Это хорошо, Катюха. Это правильно, — бурчал Боев, продолжая сопеть, тереться, но уже не так активно. — На работе приставал кто?

— Нет, только помогали, подсказывали.

— Ну... молодцы, чё... Прямо отзывчивый коллектив, как погляжу.

— Боев!

— А? Я же в положительном смысле.

Ну да, а то я не слышу угрожающих ревнивых ноток.

— А еще я Ярославу помогла женщину одну успокоить, — продолжила я тараторить, хвастаясь, одновременно тиская его. — И мы к Роксане заезжали. Она нам в окошко детей показала, а Камнев ругался. Сильно.

— Угу, а давай поспим, малыш, — почти неразборчиво проворчал Боев, переворачиваясь и укладывая меня поверх себя. — Я тебя всю дорогу хотел, аж яйца синели, но дядя старенький и устал слегка. Сейчас чуток вздремну и устрою тебе фейерверк.

— Да плевала я на пиротехнику твою, главное, вернулся.

— Не-не, ты с этим не шути, Катюха, — он уже реально едва языком ворочал. — Никаких плевать. Буду мало или плохо трахать — уведут.

Никто меня у тебя не уведет, балда ты огромная.

— А покушать?

— Я уже и запахом сыт. Все. Спи.

Глава 50

Шаповалов со своих югов вернулся внезапно. Ну как внезапно, точно через положенных три недели, да только для меня время промчалось незаметно. Когда каждое утро просыпаешься счастливым дураком, упершись носом в ароматную макушку моей конфеты, а утренним стояком в ее поясицу, и, еще глаза не продрав вкрадчиво так засаживаешь, закинув ее ногу себе на бедро, мурча пошлости в краснеющее ушко, то дни пролетают однообразно незаметно. И я охуеть как люблю теперь однообразие. Я хренов фанатичный адепт однообразности. Клянусь чем угодно! Потому что лучше, чем начать день с ленивого уютного утреннего секса с моей вкуснящей женщиной, было только проснуться от ее минета, а потом щедро отблагодарить, усадив себе на лопающуюся от довольства морду. И в пизду болтовню об утренней гигиене рта. Угу, именно туда.

— Я смотрю, ничего у нас не меняется, да, Андрей, блин, Федорович, — встретил нас с Катюхой, ввалившихся в обнимку в двери офиса, едким замечанием загорелый, но явно не подобревший Колька.

Тискал, само собой, внаглую мою карамель я, она же все пихала меня в бок, пытаясь придать явлению на работу хоть чуть официоза. Но куда там ей со мной справиться, так что только и оставалось хихикать по-девчачьи, щекоча этим мое самолюбие под шейкой.

— И тебе привет, смуглый туземец, — поздоровался я, мигом теряя свое прекрасное настроение.

Все ребята напряглись, чуя, что в воздухе запахло паленым. Катька тоже насторожилась и вопрошающе глянула на меня. Да, малыш, это и есть твой братан и что-то сейчас однозначно будет.

— Мне показалось, что мы решили: офис место — работы, а не для удовлетворения твоих... потребностей, — нахмурился еще сильнее Шаповалов, окидывая Катерину пренебрежительным взглядом с ног до головы, от которого она поежилась. Воу, потише, придурок, скоро краснеть-бледнеть за это будешь, да и я такого не потерплю, хоть сто раз ты не в курсах. — В городе все сауны закрылись, что ты решил к нам все их лучшие кадры перетаскать?

Не пошел кое-кому отдых в жарких странах на пользу, не пошел. Харя загорела, а нервишки как были растрепаны, так и остались.

— Кать, ты иди-ка кофейку сваргань, — я буквально запихнул ее в приемную и захлопнул дверь, хоть конфета моя и порывалась что-то сказать. Взрослые дядьки сами разберутся, твой выход на сцену попозже.

— В спортзал пошли, — деловито кивнул я Кольке на лестницу в подвал.

— С чего бы это? Пятно на чести дамы будешь моей кровью смывать? Или что там чем смывали, — фыркнул презрительно... бля, очевидно, будущий родственник. Ну а как тут уже по-другому?

Как раз в этот момент вошел вечно хмурый Камнев и, заметив нас, помрачнел еще сильнее.

— Та-а-а-ак, — процедил он и, увидев, куда направляемся, одобрительно кивнул и пошел следом. — Это правильно.

— Чё-то я не понял, — чуть нервно хохотнул Шаповалов, — это у нас такой новый ритуал встречи отпускников или как?

— Или как, мужик. Двери поплотнее закрывайте.

Мы оказались втроем в большом зале, я скинул дубленку и отложил на лавку. Жалко кровящей забрызгать.

— Твои предъявы, друг, может, и обоснованы, но несправедливы, — заявил, разворачиваясь к нему. Покачал головой, разминая шею с легким хрустом позвонков, и потер челюсть, предвкушая возможные пиздюлины. Я, конечно, быстрый парень, и они заслужены сто процентов, но никогда, зараза, не в радость.

— Несправедливы? Камень, в чем я не прав? Боев опять устраивает из офиса личный бордель. Скажешь нет? Кто вваливается на работу, зажимаясь с девкой, у которой только на лбу не написа...

— Вот сейчас стоп! — рявкнул я. — Не мели языком того, о чем пожалеешь!

— Поддерживаю, — буркнул Яр.

— Я должен о чем-то пожалеть? О чем? О том, что работаю рядом с мудоилой, что понятия не имеет, как отделять блядки от работы, и не может перестать тягать девок в режиме двадцать четыре на...

— Рот захлопни! Катька не девка. Она сестра твоя!

— Боев! — бесшумного появления Кати никто не заметил. Она смотрела на меня с упреком и обидой. — Мы же о другом

договаривались!

— Кать, да глупости все это! Ну как от родного брата таиться? — шагнул я к ней, но она, всхлипнув, отступила.

А вот этого нам не надо!

— Какая еще сестра? — возмутился Шаповалов. — Нет у меня никаких сестер и не было отродясь! Отец — кремень, он матери никогда не изменял. Я в морду плюну тому, кто мне другое скажет. И не только плюну.

— Никто в твоём отце и не сомневается тут, мужик. Но ты какую мать в виду-то имеешь? Сомову Светлану Романовну? — оборвал его я, а конфета моя ахнула, потрясенно уставившись на меня. Как то не совсем ловко все выходит, но чего уж теперь.

— Боев... как ты... зачем? Я же просила! — выкрикнула она, сжав кулаки.

— Так и я просил и предупредил, что будет, — огрызнулся, чувствуя себя почему-то так, будто мне хвост подпалили. Все вроде по чесноку, я ее действительно предупреждал, что сидеть на жопе ровно не буду и все узнаю, а все равно смотрит она на меня как на предателя, и от этого погано-погано.

— Сомову... но... — забуксовал Колька. — Это не... в смысле какая она мне мать! Биологическая разве.

— Ну вот и девушка тебе биологическая сестра, — веско заметил Камнев, поняв, видно, что мне не до разжевывания сейчас тормозящим.

— Он теперь найдет меня! — выкрикнула моя девушка.

— Не найдет, клянусь, я нигде не светанулся, карамелька моя, — подскочил я к ней торопливо, и, обхватив за щеки, быстро поцеловал. Давай-давай, забывай!

— Сестра... — ошалело мотнул башкой почти член семьи. — Это же надо...

— Найдет-найдет... — уворачиваясь от моих поцелуев, бубнила Катерина. — Ты не знаешь его. Он всегда находил...

Да и найдет, то что? Я тебя никому отдавать не собираюсь, дурында. Сунется сам по-плохому, и тогда уж извините-подвиньтесь, я душу отведу. На просторах Сибири так легко затеряться навечно, особенно какой-нибудь изнеженной южной жабе. И ко мне никаких претензий. Сам же придет, если что.

— Это что? — повысил голос Колька, про которого я уже слегка и подзабыл. Проблема понасущней его реакции есть. Катька так и не ответила на поцелуй, наоборот, дернула головой, освобождаясь, и отошла. Херово. — Что это, блядь, такое? А? Она моя сестра, а ты, сука, Боев, с ней... ее... Ты с ней спал?

— Колян, тихо, не кипятись сразу, у них все... — попытался влезть Яр.

— Ах ты гад!

Псих понесся на меня взбешенным носорогом, я развернулся, встречая его атаку, но Катька с воплем кинулась между нами. Я оттолкнул ее прямо в руки подскочившего Камнева, и тут Шаповалов снес меня, роняя на спину. Бухнулся я с дополнительным весом его туши знатно, аж язык прикусил до звездочек перед глазами.

— Скот похотливый! Урод моральный! Хуй свой... в мою сестру... — метелил меня мститель пудовыми ударами, пытаюсь пробить глухой блок, который я поставил, прикрываясь. — Ты, сука, в каждую продажную дырку его совал, а потом *в... мою... сестру!!!*

Дав ему около минуты выпустить первый пар, врезал по печени, не сильно, но чувствительно, и скинул с себя, вскакивая и становясь в боевую стойку.

Катерина рыдала взхлеб и голосила «Не надо-не надо-не надо!!», дралась с Яром остервенело, вырываясь.

— Катюха, все хорошо, слышишь? — крикнул ей я. — Все нормально, девочка моя, мужики разговаривают.

— Она не твоя девочка! — обрушился на меня новой атакой с бешеными глазами Колька, оскаленный как зверюга, с красным перекошенным лицом. — Кобель сраный! Куда ты полез! Совесть твоя где?

Он молотил меня снова и снова, но я держал его удары, кружа и не давая до себя почти добраться и не отвечая.

— Пожалуйста, не надо! — надрывалась Катька. — Я все сама! Я его люблю!

«Люблю» влетело в мою голову, как пуля, вышибая все разом, останавливая мир вокруг, закольцовывая его вокруг этого слова и девушки, что его произнесла. Но, к сожалению, на кулак ее брата это волшебство не распространялось. И он смачно впечатался в мою челюсть, выключая свет.

— Ах ты тварь, еще и мозги ей запудрил! — прошипел надо мной рухнувшим на маты Шаповалов под истошное «Не-е-е-ет!» моей конфеты.

Ух ты, давно меня так круто не роняли.

Глава 51

— В башке не укладывается, — бурчал выглядящий растрепанным и офигевшим Шаповалов. — Сестра у меня... взрослая... красивая...

Мы уже успели подуспокоиться и переместиться в мой кабинет, причем Катюха отчаянно старалась чуть не взвалить меня себе на плечи по дороге, подпирая и продолжая вздрагивать и всхлипывать, как я ни уговаривал забить на это мелкое недоразумение. И даже сейчас она стояла за спинкой моего кресла, будто спрятавшись за мной от остальных и наотрез отказываясь сесть.

— Сестра... и, твою же мать, почему из всех баб в мире ты решил ее... — опять начал он вскипать. — Мою сестру! Младшую! Я о ней еще и не знал, а ты, скотина...

— Я сама хотела! — схватилась Катюха сзади за мои плечи и гневно затараторила. — Сама! Я приехала, тебя искала, города не знала, ты уехал. Меня обокрали, есть не на что, гостиницу снять не могу, в тряпках бомжацких, простудилась еще. А Андрей меня в мороз подобрал, кормил, одевал, лечил, а ты с кулаками...

— Тш-ш-ш, Катюха, дай ему перепсиховать, — накрыл я ее ладошку на плече своей, но неожиданно карамелька выдернула ее и снова отступила. Так, все еще злится. Надо было дать себя отметелить посильнее, а то что-то быстро отошла. Сидел сейчас с мордой разбитой в мясо — жалела бы, небось.

— То есть ты очутилась одна в чужом городе, голодная и больная, без копейки, а этот козел на тебя такую... Воспользовался, гад! Благодетель херов!

— Да послушай ты их хоть чуть, — досадливо поморщился Камнев. — Все у них полюбовно и серьезно.

— Серьезно? С Боевым? Яр, ну я понимаю, что вы друзья с детства, но границы же быть должны! Семья — это святое! Сегодня на сестру мою, а завтра? Жену твою трахнуть захочет? Дочь, как подрастет?

— На поворотах-то полегче, Колян! — мигом посуровел Камнев. — Андрюха, конечно, не прав...

— Во всем я прав! — хлопнул я по столу, задолбавшись выслушивать. — Шаповалов, я тебя уважаю, и друг ты мне, но и берега не путай и мозги включай. Ну вышло у нас с Катюхой поначалу через жопу, и не дурак, не просечь, что не такого мужика ты для сестры хотел бы...

— Не такого? Да ты... — Колька со свистом втянул воздух носом и закатил глаза, сжимая и разжимая кулаки.

— Да, я, конченный Боев, которого ты знаешь, как облупленного. Я — мужчина твоей сестры, и ты уже ни черта с этим не сделаешь. Мы вместе, пока она сама не захочет от меня мудака такого отказаться.

— Уж прости, Андрюха, но какой из тебя мужчина для одной девушки? Ты же общее достояние каждой хм...

— А я пушистым зайкой и не прикидываюсь! Но на себя-то глянь! Давно ты таким порядочным стал? Два месяца? Три? Ты смог, а я типа безнадежен?

— У нас с Анькой все по-людски было. Правильно. Я ее слабостью и уязвимостью не пользовался, как последний...

— Да ничем Андрей не пользовался! — выкрикнула Катерина. — Мне двадцать лет, я взрослый человек и сама в состоянии принимать решения!

В кабинете повисла тишина, и Камнев, Шаповалов и я дружно зафыркали, закашляли, скрывая смех. Взрослый человечек тут у нас. Моя же ты куколка ненаглядная.

— Ладно, — смягчился Колька, — раз у нас одни взрослые собрались, то давайте говорить по-серьезному. Боев, если ты мне тут орешь, что готов исправиться и с Катей у тебя все по-настоящему и честно, то докажи это.

— Хм-м-м... Это как? — опешил я. — И кому?

— Ей, себе, мне. Катерина переедет ко мне, и встречаться вы будете под моим присмотром. Предложение ей сделаешь. И никакой... похабщины до свадьбы!

— Чего?!! — возмутились мы с карамелью в унисон.

Какое к херам «без похабщины?»

Глава 52

Возмутило ли желание моего едва объявившегося брата указывать, что нам с Боевым делать? Очень. Но то, что Андрей за спиной ездил и разнохивал все обо мне, злило куда как сильнее. И тут никак не помогало, что он действительно предупреждал, что намерен действовать именно так. И выходит, он уже больше недели знает всю мою неприглядную подноготную и ничем: ни словом, ни взглядом — не дал понять. А мне от понимания, какую грязь он раскопал, аж подурнело в первый момент, в животе гадко скрутило, потянуло, будто отравилась чем. Сразу возникал вопрос: ему в принципе наплевать, через что я прошла, и Боев просто удовлетворил свое любопытство насчет меня, или ему совсем-совсем не все равно и он задумал нечто опасное, но опять же ни намеком не выдал себя. Насколько он профи в скрытности? В притворстве. Что тогда из происходившего между нами не притворство? В какую катастрофу выльется это его умолчание и о возможных планах?

— Никаких, блин, переездов, — возмутился тем временем Андрей, потянувшись ко мне так, будто боялся, что кто-то станет силой отнимать, но меня что-то его прикосновения обжигали. Холодом. — В каком, зараза, веке ты живешь, по-твоему? Озверел ты, что ли, Шаповалов?

— Это не я озверел, а ты опустился до скотств...

— Прекратите! — устала сдерживать копящуюся злость я. Почему практически каждый мужчина на моем пути уверен, что имеет право указывать, что мне делать? — О какой свадьбе вообще речь?

— Тихо, Катька, — шикнул на меня, как на лезущего во взрослые разговоры ребенка, Боев. — Против свадьбы я ничего не имею, но что, бля, за средневековье с отдельным жильем? Поздновато уже.

Не имеет ничего против? Типа это основная проблема, на его взгляд?

— Никогда не поздно, когда дело касается тебя, Боев! — возразил брат, тоже, похоже, не намеренный прислушиваться ко мне. — Или, что, не уверен, что и до свадьбы додержишься, чтобы не пойти...

— Да кончай ты уже! — оборвал его Андрей, нервно оглянувшись на меня.

Меня уже откровенно затошнило от этой ситуации. Они вели себя так, словно я никто, в упор не слышали. Как если бы я существо недалекое, что ни черта их недомолвок не поймет и спрашивать о чем-то меня смешно.

— Да хватит! — выкрикнула я. — Если никто не намерен здесь слушать меня, то я просто выйду в эти двери и решайте тут между собой про свадьбу, воздержание, степень соответствия ожиданиям сколько влезет! А я изложу свою точку зрения насчет вас в письменной форме и пойду искать того, кто готов учитывать мое мнение!

— Что? Какой такой «пойду», Катя? — наконец повернулся полностью ко мне Андрей. — Я тебя прекрасно слышу и слушаю, просто твой братец слегка приоборзел, при всем моем уважении к будущему родству.

— Это я-то оборзел? — взвился с места брат.

Как он все-таки на нашу мать похож. Глаза точно ее и даже манера кривить рот, когда злится. Я его только увидела, войдя в офис, и поняла, кто передо мной. Аж сердце споткнулось, и язык отнялся от поразительного сходства.

— Прошу прощения, можно нам с Андреем Федоровичем остаться на пять минут наедине? Я настаиваю! — повысила снова голос, заметив, что брат собрался спорить.

— Съел? — ухмыльнулся довольно Боев, доводя меня этим до ручки.

— Я намерена принять приглашение брата пожить у него, — отчеканила, только двое мужчин вышли.

— Ты шутишь? — мотнул бритой головой Боев, словно я ему пощечину отвесила.

— Нет. И ни о какой там свадьбе речи никто больше заводить не будет.

— В смысле?

— В прямом. Я не собираюсь замуж. Не за тебя. По крайней мере сейчас, когда это типа обязательство от моего брата и до тех пор, пока ты...

— Что значит не за меня? А за кого, бля?

— До тех пор, пока ты действительно не станешь прислушиваться ко мне, Андрей, — упрямо продолжила я, ускользя от его попытки сграбастать меня.

— Я сказал, что прекрасно тебя слышу.

— Но опять же всерьез не воспринимаешь. Как и было с самого начала. Я тебя умоляла не копаться в моем прошлом...

— А я честно сказал, что буду.

— И тогда ты ездил совсем не в командировку, а рыться во всем этом дерьме! И молчал! Все эти дни молчал!

— А что я должен был рассказать?

— Что ты... Да правду, блин! А ты делал вид, что все у нас по-прежнему супер!

— У нас все по-прежнему супер, что не так-то? — пожал он плечами, хмурясь с таким, казалось бы, искренним недоумением. Только я теперь-то знаю, что лицедействовать ему — все равно что дышать кому.

— А то, что я... я не хотела, чтобы ты знал... знал всю эту мерзость обо мне, ясно!

— Я не узнал ничего мерзкого о тебе, карамелька. Только о тех, кто тебя обидел.

— Да что ты в этом понимаешь?!

— Кое-что. Иди, я тебя потискаю, и ты перестанешь злиться и передумаешь уезжать к брату.

— Не передумаю. Чуть побыть без тебя мне действительно нужно.

— Нет. Не нужно, — набычился мой коварный саблезубый.

— Нужно. И это мое решение. Мое. — Я и ногой притопнула, отстаивая свою правоту. Плевать, что это не умно. — Для меня. На что я имею право. То, что обещал не ущемлять мою свободу, ты еще помнишь?

— Да где я ущемляю?! — рявкнул Андрей, резко выдохнул, закатывая глаза к потолку, явно сдерживая себя от большего проявления злости. — Хоть сколько себе бывай у Кольки, даже переночевать можешь. Разок. Но жить-то дома оставайся.

— С какой стати решаешь это ты? И это твой дом, не мой!

— Да ты белены объелась, что ли, Катюха? Все же нормально было у нас с утра.

— Да, нормально. Потому что я не знала, что ты сделал в тайне от меня.

Не знала, что ты сходу сдашь меня брату, хотя мы договаривались, что я сама решу, когда ему открываться и надо ли вообще. Не знала, что тебе утаить что-то от глупой меня — ерунда делов. И как мне понять тогда, что из всего между нами правда? Ну, кроме секса. Тут-то не солжешь. Наверное. Ну а с другой стороны... смысл ему притворяться? Я что, такая выгодная партия? И что-то непохоже, что он прям впечатлился гневом моего брата, чтобы...

— Кать...

— Молчи! Я сильно зла, дико просто. — Я потеряла виски, борясь с нервной дурнотой и головной болью после истерики. — Опять чувствую себя никем. Вещью, на чье мнение всем плевать. Кем распоряжаются другие как вздумается.

— Ты преувеличиваешь, карамелька. Катюшь, иди ко мне, — протянул Андрей руку, но я не хотела. Не могла пока.

— Скорее всего, так и есть, но прямо сейчас видеть тебя не хочу, — ответила искренне, — поэтому поеду к брату. Если уж ты поставил нас перед фактом, кто мы друг другу, так внезапно, наплевав на договоренности, то многое нужно узнать, о многом поговорить.

Глава 53

Боев засопел, скрипнул зубами, желваки его выпятились, глаза раздраженно сощурились до щелей. Импульс подойти и стереть все эти складки между его бровей, прижать лицо к своей груди был таким мощным. Но я с ним справилась.

— Хорошо, поезжай. Я тебя заберу попозже, — буркнул он нехотя.

— Не заберешь.

— Это не обсуждается, Кать.

— Ага, именно так. Я останусь с ним до тех пор, пока сама не захочу вернуться. Если к тому времени окажется, что... — в мое тело хлынула волна ледяной горечи, — что для меня уже нет места у тебя — пойму.

— Херню всякую не неси, ясно?! Хочешь гостить у брата, да пожалуйста! Только шмотки я туда твои не повезу. Чего их туда-сюда каждый день перетаскивать.

Не дожидаясь моего ответа, Андрей подошел и резким движением обхватил мой затылок, фиксируя. Врезался ртом в мой, поначалу как наказывая, но мигом смягчился. Стал моим обычным ласковым котярой, что одним поцелуем вышибал почву из-под ног, творил акт полноценного орального бесстыдства простым контактом наших губ и языков. И оборвал это ровно в тот момент, когда я заскребла ногтями по его затылку, требуя большей интенсивности.

Боев выгреб из кармана ключи от квартиры, бросил их на стол и ушел.

Я моргала, прогоняя слезы, и уже почти рванула ему вслед, но тут в кабинет вернулся Николай. Сейчас, без всех кипящих вокруг эмоций, я ощутила себя в его присутствии неловко. Стояла и пялилась, опять отмечая сходство с единственным родным человеком, которого знала до него. С матерью, что продала насильнику. Судя по тому, что Коля топтался молча, хмуро глядя на меня, ему тоже было неудобно. Ну еще бы, свалилась на его голову взрослая сестрица, будь она неладна, еще и умудрилась типа припозориться, раздвинув ноги перед его партнером. Кому такое в радость.

— Слушай, я... — начала мямлить я. — В мои планы не входило портить тебе жизнь.

— Что, прости?

— Я... я даже не знаю, почему приехала. Почему решила, что ты должен мне помочь.

— Катя, я твой брат. Кто еще? Не догоняю, ты о чем сейчас?

— Ты разругался с Боевым, все вокруг будут судачить...

— Пф-ф-ф, хер... ерунда какая! — выдохнул мужчина, похоже, с облегчением. — Ты меня лучше прости, что повел себя как животное психованная какая-то. Перемякнуло что-то.

— Глупости, я боялась, чтобы вы из-за меня не поссорились всерьез. Я того не стою.

— Чё за ху... глупости?

— Не глупости. Сам поймешь.

— Что пойму?

Должна ли я ему все как есть выложить сама, со всеми постыдными нюансами, или и тут Боев без меня справится? Нет, уж, раз все равно все вылезло наружу, то лучше сама.

— Я не просто так приехала. В смысле не повидаться, потому что узнала, что у меня есть брат. — Нечего вилять, буду все прямо говорить. — Я сбежала от одного очень плохого и влиятельного человека.

Николай нахмурился и весь как-то подобрался и молча кивнул, поощряя продолжать. И я рассказала ему все. Пусть решает, нужно ли ему такое геморройное родство.

Я закончила, а он все молчал, продолжая хмуриться. Я не знала, куда уже деть себя от нарастающего внутри напряжения и тревоги. Он придумывает, как бы мне повежливее сказать, чтобы валила откуда явилась со своими проблемами?

— Коля, я не собираюсь навяз...

— Господи, ну о чем ты, Катя! — отморозился брат наконец-то, взорвавшись каким-то нервным оптимизмом. — Вообще, хорош тут стоять! Поехали домой! Подумать только, у меня внезапно сестра!

— Ты правда рад? В смысле не сомневаешься, не сердись?

— Катюша... — Он порывисто шагнул ко мне и поднял руки, не прикасаясь однако. — Можно обнять?

— Угу.

Я неловко прильнула к нему, Николай так же неуклюже обнял, будто боялся то ли обжечься, то ли сломать.

— Кать...

— А?

— А я понятия не имел. Прости. — Он легонько уткнулся носом в мою макушку.

— Да за что?

— Да хоть за что! — его большие руки прижали меня уже увереннее. — Мелкая ты такая. Красивая, но мелкая. Как же так вышло, что не подумал и поинтересоваться. Должен же был мозгами шевелить, понять, что если меня отцу сбагрила, то, может, не меня одного. У нас еще кто есть?

— Нет, слава богу.

— Угу. Слава богу. Но с тобой я затупил. А теперь знаю. Порву за тебя, сестренка, веришь?

— Я тебе никто.

— Фигня какая! В зеркало глянь! Ты — это я, только красивая версия, и бриться не надо.

Глава 54

— Что, блядь, я сделал неправильно, Яр? — провожать взглядом отъезжающую с парковки тачку Шаповалова и не сигануть прямо в окно, чтобы преградить путь и вытащить Катю из салона, возвращая себе, — вот где, сука, испытание. Какому там смехотворному мордобою с этим сравниться. Давай, обернись, девочка моя, хочу знать, что и тебе ох как не в кайф оторваться от меня. — Почему она к нему переметнулась, только поманил?

— Чушь не говори, Андрюха, — буркнул Камнев. — Он брат ее, а они, считай, не знакомы. Чего ты ожидал? Им время нужно, чтобы хоть присмотреться друг к другу.

— Да я разве чем бы мешал? Я не против, пусть присматриваются, чего сразу-то уезжать, да еще с таким лицом, типа я обманул ее ожидания, чуть в душу не нагадил.

Катерина замерла перед распахнутой дверью машины, оглянулась на окна офиса мельком, наткнувшись на меня, торчащего столбом в проеме окна. Моргнула, будто силясь не заплакать, губы задрожали. Есть контакт. Мне тоже хреново, детка. Смотри, я это даже не прячу от тебя в кои-то веки. Заметил, что куртку она застегнуть не удосужилась и, гневно нахмурившись, ткнул пальцем, приказывая лезть в машину.

— А тут тебе лучше знать, есть ли за тобой грешок. Женщины, конечно, бывают такие, что обидки на пустом месте придумывают, но Катерина мне такой не показалась. Так что тут с себя честно спроси.

Спроси-спроси, чё спрашивать, знаю я все, но признавать все косяком отказываюсь. Все же нормально вышло, вон Шаповалов чуть не обоссался от радости сестру обрести и проникся родственными чувствами сходу. Морду бить кинулся, вопрос со свадьбой ребром поставил. Все как полагается. Конкретно. А она смотри какая «за тебя не пойду!» Типа варианты есть у тебя, конфета моя.

— Ты мне лучше скажи, что выехал. А то вернулся, молчишь немтырем, глазами вон и то чуть что косишь в сторону. Не вижу, думаешь?

Глазастый, ты посмотри. Да уж, Камень у нас такой и есть, вроде хмурый, сам в себе, лишний раз рот не раскроет, но ведь все, зараза,

видит и подмечает. Карамель моя разорвала визуальный контакт, нырнула в салон, исчезая, а я отвернулся от окна, плюхаясь в кресло напротив друга.

— Молчу, потому что сказать особо-то и нечего.

— С чего так? Не узнал ничего? Вернулся тогда чего так быстро?

Не хотелось мне сейчас еще и перед другом показать, что оказался по факту пиздоболом, трепачом, что грозил, грозил, а, выходит, просто звонил впустую.

— Там такое дерьмо эпичное, но... короче, у меня идей нет пока, с какого боку к этому подступить, так, чтобы все выгорело и никого из своих не зацепило.

— Рассказывай.

Вздыхнув, я вывалил все, что узнал, ему. Камнев слушал, все больше мрачняя, мял переносицу, сопя все громче.

— Это пиздец какой-то, Андрюха, — выдал он заключение, и я кивнул. — Нельзя такое оставлять как есть. Но раз законный ход делу не дать никак...

— Никак. Ты же понимаешь, без потерпевших дела не слепить. Хоть бери и тупо вали и Вознесенского этого, и директрису суку.

— Что это решит? — кое-что, допустим, решит. Зависший в воображении Катьки конкретно над ней топор уберу и свою душу ублажу, хлебнув чуток мести. — Крыша там явно не на местном уровне. Заменят и мэра, и начальницу. Это система уже, ее взрывать к херам надо.

— Чё, будем динамитом запасаться?

— Типа того. Пойдем опять в депутатские хоромы на поклон. И к фээсбэшникам. — Яр скривился, как от зубной боли. — Не ментовской это уровень. Тут реально надо будет целую шпионскую акцию затевать.

— Что мы имеем им предъявить?

— Ты можешь убедить Катю дать показания, если она будет уверена, что прикрыта.

— Охренел? Нет! Нет!!! Катьку сюда никаким боком! Мало ей досталось, что ли? Ни за что и не заикнусь просить. Давай тогда уж депутата нашего зашлем в тот гадюшник за типа молодым мясцом.

— Не ползет он в такое. Без башки тут можно остаться.

— Ну во-первых, он у нас херов слуга народа, ему сам бог велел. Во-вторых, у тебя есть жена, а у нее друг, через которого...

— Боев, совесть имей! — громыхнул Камнев, мигом свирепея. — Значит, Катьку ты в это тянуть не хочешь, а Рокс мою, да еще сейчас, готов. Забудь!

— Так причем тут Роксана? Давай напрямую Антошку задействуем.

— Если мы сынулю единственного в таком задействуем, папаша нас и без чужих прикопает.

— Тогда что, ищем подвязки в ФСБ? — хлопнул я ладонями по столу, подводя черту.

— И молимся, чтобы они взяли в разработку, учитывая, что у нас нет ничего, кроме пустой болтовни.

— Думаю, если мы убедим Каверина обратиться с нашей наводкой к фээсбэшникам, то все выгорит. От него они хуй отмахнуться рискнут. Так?

— Так.

— Но есть еще момент, Яр. Я, конечно, постарался нигде не засветиться и за Ямщиковым никакого говна раньше не водилось, но может всякое случиться. Так что предупреждаю честно: если гондон старый за Катькой сунется — я его завалю.

— Понял. Прикрою.

— Не-не-не, мужик, в это ты не полезешь со мной.

— В смысле? — у него аж брови уползли на лоб.

— В прямом. Ни тебя, ни Кольку не потащу за собой.

— А мне типа твое позволение на это нужно?

— Нет, я знаю, что тебе не указ, но ты мне, друг, для другого необходим. Если закроют меня или... ну, мало ли, жизнь — штука такая, ты вместе с Шаповаловым уж Катьку прикрой. Чтобы хоть не напрасно все.

— Сдурел? Чё за разговоры, Боев?

Дурацкие разговоры, и самому очевидно, но что-то чует моя жопа-интуит. Подпекает ее, как в предвестии чего поганого. Может, сам себя накручиваю, но готовым надо быть к любому.

— Брось, сам знаешь, бессмертных и неуязвимых не бывает. В общем, если что со мной, моя доля в бизнесе и все, что за душой, — ей. А вы уж проследите, чтобы не обидел больше никто.

— Долбанулся ты совсем, Андрюха.

— Не-а. Влюбился. Ты накаркал, гад такой.

Глава 55

— На кой черт опять обои клеить? Вы же ремонт вроде капитальный забацали вот совсем недавно, — удивился я, помогая Камневу раскатывать рулон.

Он меня помогать не просил так-то, но я после работы сам увязался за ним, типа ключи запасные от своей хаты забрать, а на деле просто не знал, какого хрена стану делать дома без Катьки. Вот же чудесатая штука какая выходит. Жил я себе, не тужил, скучно — шел тренироваться или развлекаться, всегда было чем лишнее время убить. А сейчас ощущаю себя как подвешенным за обнаженные нервы, качаюсь туда-сюда бесполезно, приткнуть себя некуда. Не жретя, не пьется, не дышится. Что же ты сотворила с беззаботным Андрюхой Боевым за считанные дни, а, Катюха-беда? Незаметненько так разобрала до последнего винтика, а и так же запросто, безболезненно собрала обратно, да только под себя одну. А теперь как нет тебя — и хожу я, дурак неприкаянный, с дырой сквозной посередине, прям от сердца и до члена с яйцами. Ушла и все с собой забрала засранка. И пусть уверен... ну, почти уверен на все сто, что вернешься, а легче от этого не становится.

— Угу, забацали, — согласился Яр, намазывая отмеренную нами полосу клеем. — Только Рокс уперлась же сама почти все делать в детской. Ну и вот.

Он кивнул на кучу явно недавно отодранных мятых обоев посреди комнаты. Судя по всему, отвалились они.

— То есть в ремонте она у тебя сильна так же, как и в кулинарии, — фыркнул я. — Ну ожидаемо, чё уж.

— Не умничай, — буркнул друг, но улыбнулся самую малость.

— И еще сто пудов и словом ей и не обмолвишься, — подколот я, разглаживая и выгоняя все пузыри из-под влажного полотна.

— Угу. Сложно мне, что ли, переделать. Вот найти такие же обои точь-в-точь — это был гемор.

— Вот почему, Камнев?

— В смысле? — не понял он.

— Откуда эта хрень подкаблучная в мужике берется? — спросил, внезапно поняв, что и сам бы наверняка поступил бы как он. Позволил бы Катьке делать что вздумается, лишь бы довольна была, а потом втихаря устранил бы последствия, появившись они.

— Хрен знает, Андрюха, — пожал он плечами. — Из сердца, по ходу. Ну еще и из здорового эгоизма нашего. Твоя женщина довольна — и у тебя все путем. Как-то так.

— Как-то так, — повторил я, обдумывая нашу с карамелью ситуацию.

Был ли у меня в ней вариант не задеть Катьку, но сделать все как надо? Вряд ли. И что делать тогда? В следующий раз точно стараться, чтобы и потом ни о чем не проведала, а теперь просто ждать да подлизываться. А к ней подлизываться я прям люблю, лизал бы и лизал. Су-у-ука-а-а-а! Здравствуй, свинцовая труба в штанах.

— Ну вот а где тогда справедливость? — еле слышно зашипев, незаметно поправил стояк, пристраивая поудобнее. — Чё, получается, нам так мало надо? Лишь бы она довольна? А как же мы?

— Да нормально все с мужиками, Андрюха, — заржал надо мной Камнев. Редко я его веселым видел. — Любят нас, чего еще надо-то?

— Любят... — хмыкнул я и тоже не смог не расплыться в идиотской улыбке, вспомнив, как Катюха кричала брату «Я его люблю». И даже челюсть отекающую после его пудового кулака потер. — Ну да. Любят. Хер ли еще надо?

Доторчал я у Яра почти до ночи и домой приехал ближе к полуночи. Отпер дверь квартиры, потянул носом, ловя отзвук пряного аромата моей карамели, поселившийся в моей холостяцкой берлоге. И он был неожиданно таким опьяняюще сильным, что я к стене плечом привалился, как наяву увидев ее снова стоящей в тесной прихожей на коленях и трущейся лицом об мое хозяйство. Аж взвить захотелось. И вдруг наткнулся взглядом на нее, стоящую в коридоре. Прозрачные глазищи зло сощурены, руки сложены на груди, вся поза вещает об агрессии, ноздри трепещут.

— Катька! — ломанулся я к ней, но она отпрыгнула, как мячик на резинке.

— Где ты был? — рявкнула она явно в совсем не шуточной ярости. Ну чисто тигрица, а не сладкая моя конфета.

Вот, казалось бы, еще совсем недавно, любая женщина, что посмела бы требовать от меня хоть какого-то отчета, рисковала нарваться на грубость с предложением валить на все четыре стороны. Да что там, сам тот факт, чтобы кто-то стал рот раскрывать о чем-то таком, был невероятен. Даже мою воображаемую жену должна была устраивать перспектива молчать и улыбаться, когда бы ни приперся. А вот сейчас, стоя перед откровенно злой и ревнующей Катериной, я чуть не уссаться был готов от радости. Она дома и, похоже, готова зенки мне выцарапать, подозревая в блядстве. Ну охуеть же хорошо-то как!

— Ка-а-а-а-ать! — проорчал я, скалясь довольно, что чуть рожа не лопалась, надвигаясь на нее и тесня в сторону спальни. — Я же тебя сейчас знаешь, как трахну? У тебя ноги до завтра не встретятся.

— Хрен тебе, Боев!

— Нет, детка, хрен мой теперь исключительно тебе. Тебе одной и больше никому, Катюха, так что будь готова с этим зверем справляться.

Стремительно рванувшись, я подхватил ее, пронес несколько шагов, пока она возмущалась и колотила меня по груди, и швырнул на постель, наваливаясь.

— Тш-ш-ш-ш, конфетка, я с Камневым был, клянусь. Но ты ревнуй меня, ревнуй обязательно, у меня от этого встает пиздец как.

— Ревновать больно, — она перестала лупить меня и всхлипнула, а меня как пыльным мешком по башке огрело. Стыдом таким придушило, что не вздохнуть. Я не могу быть тем, кто делает моей девочке больно. Ни за что.

Глава 56

По дороге брат решил остановиться в супермаркете.

— У нас же праздник, Катюш, пошли закупимся, — подмигнул он мне, становясь с каждой минутой все веселее.

У меня еще не выходило справиться с остатками неловкости в его присутствии, и этот возрастающий оптимизм и постоянные пристальные взгляды никак не помогали. Он всматривался в меня так же, как я в него, наверняка все еще поражаясь нашему сходству и привыкая. Набрал он в магазине шампанского, коньяка и всяких почти готовых вкусняхах.

— Настрогаем стол по-быстрому, да? — снова подмигнул он мне. — Чего Аньку мою напрягать. И сами справимся, да, сеструха?

— А я вам не помешаю?

— Да с какой стати?! Анька у меня умница, она тебе обязательно понравится, — заверил меня Коля. Себя убеждает или меня?

— Угу. А я ей?

— Эй, Катюха! Конечно понравишься, ты же сестра моя.

Довод тот еще, и что-то мне тревожно. Хотя, может, дело тут совсем не в незнакомой мне Ане, а в моем саблезубом. В том, как он смотрел на меня в окно на прощание. Я вся до костей промерзла от его взгляда, да так и не отогрелась до сих пор. Хожу, говорю, делаю что-то, а мысли все о нем.

Квартира у брата оказалась просторная, в новостройке.

— Анята! — заорал Коля, только мы ввалились с пакетами. Ну как мы... Мне он не дал ни одного, волок всю эту снедь на целую гулянку сам. — А-а-ань! Нету.

— На работе?

— Пф-ф-ф! Еще чего! Пахать — мужичье дело, сеструха. Пошли, покажу, где ты жить будешь, — поставив пакеты, он потащил меня в глубь жилплощади.

— Коль, я не бу...

— Блин, надо же было шмоток тебе каких прикупить, Кать! — хлопнул себя по лбу родственник, перебивая. — Ты чего промолчала-то?

— Да у меня так-то есть все необходимое. У Андрея.

Николай явно сделал вид, что о Боеве не услышал. Ладно, похоже, с первого раза моего четкого заявления о том, что вмешательства в личное я не потерплю, он не допонял. Только Боев и уловил и сдал назад. А мне от этого только хуже. Вот и пойми себя, сейчас уже хочется, чтобы переупрямил, как всегда, глупую Сомову хитрый саблезубый. Заболтал, заласкал, вымурлыкал из моей головы все обидные дурные мысли.

— А, ерунда. Анька с тобой поделится. У нее шмотья этого уже — за две жизни не перетаскать.

— Коль, лучше будет, если ты меня прямо сейчас услышишь, — почти отчеканила я, не собираясь позволить игнорировать себя.

— Кать, я все еще в офисе услышал, — поморщился он, отводя, однако, глаза. — Только и ты меня услышь и пойми... — мотнул головой и схватил меня за руку, потянув за собой. — Так, давай не насуху только вот это вот все. Пошли на кухню.

Первым делом он открыл бутылку шампанского и разлил его нам по бокалам.

— Теплое еще, зараза, ну да хер с ним. За удивительную встречу, сестренка!

— За встречу! — согласилась я.

— Так, давай, хозяйничай со мной, — велел он, хлопнув весь бокал и поморщившись. — Не в гостях теперь чай.

Достал тарелки, доску, ножи.

— Коль... — опять попыталась начать я, но он поднял ладонь, останавливая.

— Значит так, я понял, что у вас с Боевым, по твоему мнению, все по-взрослому и типа серьезно.

— Без типа.

— А вот это спорный вопрос, и погоди возражать, сестра, дай все скажу уже раз и больше не полезу к вам, клянусь. Андрюха — хороший мужик. Реально хороший. Как друг, как партнер по бизнесу, да хоть как собутыльник и товарищ по компании. Он душа-парень, щедрый, веселый, за любой кипеж, как говорится. Он — мужик-праздник, Катюша. И при всем моем к нему уважении и том, что в случае чего я и под пулю хоть за него, хоть за Яра встану и они за меня, но строить с ним отношения, семью... Кать, тут надо быть или

отчаянно влюбленной и заранее по умолчанию прощать ему все грехи, или расчетливой, с холодной головой и вообще все его... хм-м... шалости в упор не видеть. Ты еще молодая совсем, но себя спроси, ты к какому варианту готова.

На этот раз бутылку взяла я и налила бокалы пополнее. Подняли, чокнулись, выпили.

— А в то, что он может стать праздником вечным для одной меня, ты не веришь? Совсем?

— Катюш, тут же вопрос не в том, кем он станет для тебя. А в том, что праздник этот вечный нужен Андрюхе. А совместная жизнь такой не бывает. Вот хоть как старайся, но не бывает, мелкая. И я главную проблему вижу в том, что, пытаясь угодить ему, ты подорвешь себя и все равно все прахом пойдет. Даже если вы оба станете очень стараться, ломать себя, сдерживать. Добра не выйдет. Видел я такое, Кать.

— А я тоже повидала всякой дряни, Коль, но с Андреем мне хорошо. Впервые в жизни хорошо. И я от этого не откажусь только из страха, что потом все пойдет наперекосяк и мне может быть больно. Я с болью знакома слишком близко, она мне как родная и меня ею не испугаешь. Не выйдет у нас ничего — я выстою, не страшно. Но пока не откажусь. Уж не по своей воле.

— Ну... чего уж тогда... — вздохнул Коля и, подтянув меня к себе, чмокнул в макушку. — Дерзай, значит, отчаянная моя сеструха. Но если что — я рядом, тебе всегда есть куда податься, и Боеву навалю от души, если он...

Входная дверь хлопнула, и уже через секунд тридцать на кухню влетела высокая потрясающе красивая блондинка, бешено сверкая глазами.

— Правду, значит, мне сказали! Пока меня нет, ты девку привел! — заорала она противно-визгливо и ткнула в меня пальцем с длиннющим ногтем. — Я тебе поверила, а ты за старое, Шаповалов!

— Ань, да ты чего! — кинулся к ней Николай и едва увернулся от пощечины.

Блин, эта Аня мне внезапно совсем не нравится, визжит как сирена, руками машет без разбора, но какое мое дело. На всякий случай я отошла подальше к окошку.

— Анют, это сестра моя! Катюша! Нашлась! — схватил брат девушку за запястья, сдерживая.

— Да что ты городишь! Нет у тебя никаких сестер-братьев! Сам говорил — ты у родителей один! За дуру меня держишь?

— Так я и не знал о ней до сегодняшнего дня. Уймись, все объясню!

— Объясняй!

Она вырвала из его захвата руки, плюхнулась на табурет и вперилась в меня ненавидящим взглядом. Боев, я к тебе хочу!

Глава 57

Брат торопливо и в общих чертах обрисовал нашу ситуацию, и взгляд Ани из злобного стал пренебрежительно-недоверчивым.

— Серьезно? — фыркнула она. — Сестра вот так взяла и явилась? И документы украли, и жить не на что бедняжке. Как удобно! Решила тебе, дураку, на шею присесть и ножки свесить, а ты и рад под ярмо подставиться?

— Не понял.

— Доказательства где, что вы родня? Ты справки навел? У тебя же полно знакомств в милиции.

— Никаких справок! — отрезал брат, глянув в мое перепуганное лицо. — У меня глаза еще не вылезли. Сама посмотри на Катю, какие тут сомнения в родстве?

— Мало ли... — начала успокаиваться девушка, но все равно недовольно кривилась. — Проверить-то надо.

— Никаких, мать их, проверок!

— Почему?

— Потому что я верю ей, и все на этом! — припечатал Коля.

— Но все равно, — в разы тише, но таки продолжила спорить Аня. — Вот приехала она, денег, документов нет, и что, теперь мы должны ее содержать, что ли?

Я только открыла рот возразить, но тут брат резко посуровел.

— Мы? — спросил он уже с оттенком угрозы.

— В смысле ты, ты, Коленька, — встрепенулась красавица, вмиг меняясь в лице, и не понравилась мне еще больше.

— А если и так, то что? Сестра она мне!

— Да я же не против! — вскочила его подруга. — Просто все так внезапно, как снег на голову...

Она бросилась ко мне, почти насильно пожала руку и принялась хлопотать по кухне, сбросив только роскошную шубку с плеч. Хотя не столько стол накрывала, сколько бестолково металась.

— Такое и правда надо отметить, а я что-то... — бормотала она.

— Я помогу, — сдвинулась я с места.

— Нет! — почти рывкнула она и тут же опять сменила тон: — То есть да, конечно, Катя! Просто ты же в гостях у нас.

— Какие там гости! — махнул рукой родственник. — Катька, тут ты дома, даже не сомневайся.

Мы вскоре опять расселись за столом, и вроде нервная атмосфера развеялась. Аня стала щебетать, расспрашивая и меня, и Колю о всех обстоятельствах необычайно въедливо и слушала, как мне чудилось, с чрезмерным вниманием ответы, чуть не раскрыв рот в притворном изумлении. Гадство, Сомова, вот прекрати себя тут накручивать! Она девушка твоего брата, так понимаю, практически жена, не твое собачье дело высматривать в ней косяки. Сама же требуешь, чтобы Коля в дела с Боевым не лез, и сидишь, придумываешь на пустом месте. Главное, что брату с ней хорошо, иначе Ани ведь тут не было бы, да? И да, меня чуток... ладно, ощутимо так коробило, что брат выкладывает своей девушке все обо мне как на духу. Точно так же, как я ему. Но он ведь ее не первый день знает, жизнь собрался связать, выходит, доверяет, как себе. И ничего не скрывает от любимой женщины, в отличие...

— Господи, Катя, какой кошмар тебе пришлось пережить! — распахнула Аня свои потрясающе голубые большие глаза в сочувствии и тронула меня за руку. — Как же так?! Как такое возможно в современном мире?! Поверить в такое...

— Что было — прошло! — хлопнул по столу широкой ладонью брат, чьи глаза уже заметно заблестели после того, как он перешел на коньяк. — Кончились зловключения для моей младшей сестренки. Пусть только кто сунется — и сам удавлю гада, и мужики подключатся. Время бояться прошло, Катюша.

— Ну я так поняла, что мужчина этот, что тебя... э-э-э... мучил, очень состоятельный и влиятельный, — посмотрела на меня Аня пристально.

— И что? Сра... плевали мы! — презрительно фыркнул брат. — Мы еще разберемся с этим влиятельным.

— Вряд ли он станет гоняться за Катей по всей стране, — погладила по плечу Аня брата, и он придвинул ее к себе вместе со стулом, обнял, потерся носом о скулу. Боев, я к тебе хочу, хочу-у-у! — Возле таких мужчин всегда же хватает и добровольно желающих и готовых на все. Так что нам же не о чем переживать, ведь так?

Я замерла под ее взглядом, не желая врать, но Коля ответил за меня.

— Не о чем! — отрезал он. — Хоть как не о чем вам, девчонки, переживать. На все случаи жизни у вас есть мы. Ваше дело — улыбаться, порхать, любить нас, а мы с остальным разберемся. Защитим, заработаем, оденем, обуем, прокормим. Вон, Кате квартиру купим скоро, чтобы совсем уже корни рядом со мной пустила.

— Нет! — начала я, лицо Ани застыло, а брат отмахнулся.

— Сказал — купим. Этажом ниже как раз продают.

— Но я же с Андр...

— Катя, не спорь со старшим братом! Как там пойдет с Боевым — бог его знает, а свой угол у тебя быть должен! — постановил он.

— Коля, а на какие деньги ты собрался покупать Кате жилье? — процедила холодно Аня, заледенев и лицом, и всем телом.

— На свои, малыш, на свои.

— Это на те, что на нашу свадьбу? Или на те, что отцу моему обещал на развитие бизнеса? — Она вскочила из-за стола и нависла над ним.

— Послушайте, не нужна мне никакая квар...

— Тш-ш, Кать! — шикнул Колька на меня и тоже поднялся, попытался обнять Аню, но она шарахнулась. — Малыш, ну ты чего? Хватит на все. Нет, так я у мужиков займу.

— То есть ты собираешься начинать семейную жизнь с долгов? И все из-за того, что неизвестная сестрица свалилась тебе на голову...

— Аня! — рявкнул брат.

— Что Аня?

— Тормози сейчас!

— Да с какой стати? Она явилась, а мы потом ужимайся, долги раздавай, так?

— А, то есть занять твоему отцу ты не считаешь за ужиматся? — заорал брат.

— Пожалуйста, прекратите! — постаралась влезть я, но кто бы слушал. Похоже, что это напряжение копилось давно, с моим появлением просто прорвало.

— Он мой отец, родня!

— А Катя — моя сестра! К тому же я на все сто уверен, что отец твой деньги опять прос... фукает. Весь это его бизнес — очередной

пшик!

— Да как ты... — Аня взвыла белугой и ломанулась с кухни.

— Боже, да что же это такое?! — схватилась я за голову. — Почему сегодня из-за меня все ссорятся?

— Сеструха, да не в тебе тут особо и дело. Прости, что вот так... Я пойду, утрясу с Анькой, ладно?

— Коль, я поеду к Андрею.

— Ну чего ты...

— Поеду! — отрезала я. — Я сама так решила, и не надо спорить. А вы помиритесь, пожалуйста, а то я себя гадиной какой-то чувствую.

— Кать, Анька хорошая у меня, просто свадьба эта дурацкая скоро, затеяли они гулянку грандиозную, вот она и дерганая вся.

Эх, боюсь ты, братишка, в упор не видишь кое-чего. Но кто я такая, чтобы умничать? Первый день тебя знаю, а она так с тобой прилично уже. Всяких истеричек и стервозин тоже кто-то любит, да и к тому же мало бы кто тут не психанул или не заподозрил в черт-те чем. Появиться не успела, и вот такие заявления о покупке недвижимости. Я на месте Ани тоже бы офигела, пожалуй.

— Иди, Коль, мирись скорее. И эти разговоры про квартиру брось.

— Мне тут решать.

— Коля!

— Цыц! Погоди, такси вызову, Кать. И все нормально у нас с Анькой будет. Первый раз, что ли.

По лестнице в доме Андрея я неслась вприпрыжку, лифта не дождалась. Влетела в прихожую и сразу скисла. Внутри тишина. Боева нет. Ну и где тебя носит, саблезубый котяра, в такое время?

Глава 58

— Ревнуй тогда не взаправду, — приподнявшись, посмотрел я в прозрачные глазищи. Эх, Андрюха, утоп ты в них, безвозвратно утоп. И все еще идешь камнем на глубину, аж дух захватывает.

— Притворяться?

— Не-не-не, такого нам не надо. Ты мне всегда все как на духу, Катюх. Все в лоб лупи, даже если психану я. Поорем и разберемся во всем, хорошо? Не бегай только никуда.

— А ты, Андрей? Ты тоже ничего скрывать от меня не будешь больше? — Сладость моя обхватила уже немного заросшие щеки, и я с наслаждением покрутил головой, потираясь о ее ладошки.

Ну, бля, не ровняй ты член с пальцем, девочка! Не бывает в этой жизни для женщин и мужчин равных исходных. Если мужик все выкладывает, ничего не утаивает, то, считай, не жалеет, как по мне. Вы хрупкие, нервные, на кой вам знать о каждом геморе в жизни и о том, как от него твой мужик избавился.

— Мм-м... угу! — сунул я лапы под ее пижамку, и Катька взбрыкнула, взвизгнув.

— Холодно, дурак такой!

Ташусь от нее в этой пушистой фигне. Она в ней такая съедобная и домашняя. Принадлежащая именно этому дому. Моему.

— Дурак... мм-м... совсем дурак, — согласился я, сползая ниже, задрал тряпку и принялся тереться довольной мордой и выцеловывать ее вздрагивающий уже от смеха и холода живот.

— Ты хоть дубленку сними, Андрей! — прохихикала моя карамель, ерзая под мной.

— Сначала важное, а потом все остальное, — пробубнил в ее кожу, вдыхая жадно и глубоко.

Девочка, вот как так вышло, что моя берлога без тебя уже мне как не родная? Без тебя хоть не приходи теперь сюда.

Катька сама взялась спихивать с меня дубленку, пока я продолжил тянуть вниз ее штаны, добираясь до лобка.

— Ты меня, может, сначала в другие губы поцелуешь? — конфета моя хоть и смеялась, но уже с придыханием. Завелась, как и я с

полпинка.

— Везде поцелую, — ответил, чмокнув над самым клитором, и сполз.

Потянул за штанины, вытряхивая Катьку из мягкой тряпки. Задрал ткань, обнажая сиськи. Бля, я обожаю эти сиськи! Они самые охуительно-великолепные сиськи в мире. Прости, Роксана, но твои теперь не котируются. В смысле они у тебя супер, но между супер и «охуительно-великолепно-сука-сердце-останавливается» — бездна.

— Ноги не своди! — рыкнул на Катьку, вставая и принимаясь торопливо раздеваться сам. — Ты уже промокла, карамелька моя?

— Боев! — И так порозовевшие щеки Катьки вспыхнули, и она непроизвольно сдвинула колени, но тут же исправилась под моим строгим взглядом.

У меня аж зубы мигом свело и яйца скрутило от картинки. Катька-Катька, соски торчком, задурила ты мне голову, одурманила, прирастила к себе.

— Промокла? Потрогай себя, Катюша. — Я притормозил, обнажившись по пояс, и молнию расстегивал уже не торопясь, собираясь раздражить нас обоих как следует. Чтобы кое-кто длинноногий и шибко умный и не думал больше на этих самых ногах от меня сбегать. Даже на время. — Ну же, детка, ты же уже знаешь как. Потрогай себя и покажи мне, как течешь для меня.

Гулко сглотнув, Катька неуверенно, будто крадучись, скользнула по своему животу тонкими пальчиками. Поймала мой уже пьяный взгляд и потомила до тех пор, пока не стал гулко сглатывать. Опустила глаза на мои так и застывшие на ширинке руки и приподняла бровь.

— Ну же, Боев, — прошептала она, легонько поглаживая свои пухленькие нижние губки, но не проникая между ними.

Как же меня штырит от этих ее стремительных метаморфоз: из стыдливой скромницы одним махом в жадную, требовательную сластолюблицу.

— Понял, не дурак, — фыркнул я, и, столкнув джинсы с задницы вместе с трусами, продемонстрировал ей свой миготом упруго выскочивший полюбоваться вместе со мной на красоту неземную агрегат.

Катерина закусилась нижней губой и принялась потихоньку ласкать себя, приоткрывая для меня вид на сочное, розовое, вкусное

сокровенное и поощряя меня к тому же быстро теряющим сосредоточение взглядом из под отяжелевших век. Дыхание ее тут же стало рваться, моя девочка вздрагивала, наращивая темп, то чуть сближая колени, то открываясь мне до предела и чуть вскидывая попку, прогибая поясницу.

Долго ублажать ее зрелищем, как я дрочу для нее, не вышло. Водопадом пламени хлынуло по позвоночнику вниз, сведя в паху и бедра судорогой-предвестником такого вероятного с моей карамелькой спонтанного оргазма. Не-не, непорядок это, тормозить надо, Андрюха.

Бухнулся коленями на край постели, обхватил тонкое запястье одаривающей меня охренительным представлением руки. Под нуждающийся всхлип втянул в рот пальцы, опускаясь одновременно на с готовностью принявшую меня в объятия Катьку.

— Попробуй со мной, какая ты, — пробормотал, лизнув в щелку между пальцами губы моей девочки. — Давай, узнаешь, на что я подсел.

— Ничего так, — сквозь бурное дыхание хохотнула Катерина. — Но ты вкуснее. Хочешь как-нибудь тоже поделюсь?

Глава 59

— Ишь ты умная! — проворчал я, толкнувшись в нее. Сука-сука-сука, ну сколько раз уже было, а все равно кайф такой, что сносит разом. От собственных ощущений сносит, от тягучего приветственного сжатия Катькиных внутренних мышц, оборачивающих, облизывающих член, чем посылают импульс чистого наслаждения по всем нервам, и особенно от это ее едва слышного «о-о-ох» на вдохе, как только она выпускает меня в себя. — Чем болтать, лучше покричи для дяди.

Приподнялся на локтях, втягивая мою девочку в долгий поцелуй, двигаясь в ней медленно. Доводя обоих до откровенного горения. Давай, малыш, покажи мне, когда тебе станет уже неважно от медлительности, сорвись, стань моей яростной маленькой тигрицей.

Катка взбрыкивала, подмахивая мне, стонала в мой тиранящий глубокими поцелуями рот, упиралась пятками в ягодицы и все ощутимей вгоняла ноготки в спину. У меня в башке плыло уже совершенно, но я ждал, ждал, когда моя девочка дойдет до края.

— Андрей! — вскрикнула она, разрывая контакт губ, и хлопнула ладонями по матрасу. — Не могу-у-у больше!

Нет, как раз ты можешь и хочешь уже больше. Поднявшись на прямые руки, я отпустил себя, начав таранить ее как одержимый. Вот оно, блядь, счастье! Поймать момент, когда твоя женщина, зайдясь в крике, забьется в оргазме, сжимая тебя, кончая на твой член, и сорваться следом. Утонуть окончательно. Все.

— Как это тебя Колька привезти согласился? — пробормотал я, отдышавшись.

Отвалившись на спину, перетянул Катку почти полностью на себя. Душ чуток подождет, я еще ее не натискался.

— Я на такси добралась, — ответила она и тяжело вздохнула. А меня как кто в зад шокером ткнул.

— Что случилось? — резко вскинул я голову. Только отпустил от себя — и уже обидел кто?

— То и случилось, что я сегодня сею вокруг себя конфликты и раздор. Может, помолчим до завтра на всякий, я с тобой еще раз ссориться не хочу.

— А мы ссорились разве? — фыркнул я. — Мы, малыш, притираемся, жить вместе учимся, это нормальная фигня. Рассказывай давай, чего там случилось.

— Думаю, Аня вряд ли захочет еще меня когда-то видеть. Я ей, похоже, и сразу-то не понравилась.

Дура, значит, Аня эта.

— А еще и Николай зачем-то разговор завел про покупку мне квартиры, вот она и психанула. А кто бы не психанул? Взясась не пойми откуда сестрица, ни документов, ни денег, куча проблем на хвосте, а твой парень ее признал мигом, да еще готов сходу тратиться в таких объемах. Я бы на ее месте тоже взорвалась бы навер...

— Тормозни сейчас, Кать! — прервал я ее бубнеж в оправдание подружки своего родственника. — Она о твоих проблемах откуда знает?

— Ну... — она заерзала, пряча лицо у меня на груди, — я все рассказала Коле, а он ей, когда Аня завела разговор о проверке меня через знакомых мен...

— То есть мне тут молчала, как партизанка перед фашистом, а ему все сходу так и вывалила?

Катка на мне вся напряглась, будто готовясь сбежать, и я обхватил ее покрепче на всякий.

— Я... ну, ведь ты все равно рассказал бы, — пробормотала Катя растеряннo-виновато.

Боев, вот с хера ты ее опять напрягаешь своими обидками мелкими? Ну цепляет, что ты ее сколько времени пытал и нихера, а Шаповалову все за просто так. Так что теперь. Он родня, а ты... Ладно, я ведь тоже язык распустил, хоть по-другому договаривались. Забываем, идем дальше.

— Ага, рассказал бы, — погладил я ее по волосам. — Вот только на кой Колька все Аньке растрондел, не пойму.

— Они же почти семья, Андрей, разве не в порядке вещей делиться всем и ничего не скрывать? — приподнялась моя карамель, ловя мой взгляд. Было желание глаза отвести, но нах вилять и прятаться, надо все прямо.

— Нет, не в порядке, Кать. Хоть злись, хоть лупи меня, но я тут при своем мнении остаюсь.

— То есть ты напрямую говоришь, что собираешься меня обманывать?

— Да с какого хера-то обманывать сразу?! — Чё за логика такая дебильская! — Не говорить всего не значит обманывать!

— Ага, сходил ты по старой памяти в сауну и не сказал мне. И не обманул же, так, не сказал всего. Так, что ли?

— Да при чем тут... Я ей про дела всякие серьезные, а она мне сразу про блядки! — возмутился я, вскакивая.

— А в чем разница, Андрей? — Катька перевернулась на спину, сбивая мне весь настрой своим видом. — Если нет откровенности между людьми в чем-то, то ее нет в принципе.

Нет, ну ты посмотри, какая опытная в отношениях дама тут у меня!

— Кать, не городи чушь! — ткнул я в нее пальцем. — Есть вещи, о которых рассказывать своей женщине не обязательно, даже вредно! И это не походы налево! — я аж прикрикнул, перекрывая ее почти вырвавшееся возражение. — Домой и к ней под бочок мужик торопиться, наоборот, расслабиться, отдохнуть от всякого говна, а как ты расслабишься, если ее сам же и напугал или накрутил. И никакой связи тут с прямой брехней типа «я был до сих пор на работе, милая, а не пер шлюху» это не имеет, сечешь?

— Значит, если ты вдруг заскучаешь со мной и захочешь налево, то прямо и скажешь?

— Чего? Я ебнутый, по-твоему?

— Тогда я не понимаю.

— Да нечего тут и понимать! Не собираюсь я никуда от тебя бегать! Ну на кой, сама подумай. У меня яйца от страха поджимаются при мысли, что вдруг однажды тянуть твои потребности перестану. И что тогда? На свалку старого Боева сбagriшь?

— Ты дурной?

— Дурной. Такой же, как и ты. Ты вот об одном переживаешь, я о другом. Но, по сути-то, об одном и том же. Чтобы не потерять друг друга. Ведь так?

— Так. Но ты сейчас просто переводишь тему с одного на другое. Мы говорим о взаимной откровенности, а ты съехал на... фигню!

— Чего это фигня? Вот не будет у меня больше вставать совсем, и что со мной станешь делать?

— Безжалостно эксплуатировать твой рот и пальцы, и пойдём и купим резиновый член в секс-шопе! Тоже мне беда. Но этого с тобой не случится. И прекрати мне зубы заговаривать, Боев. Вот, скажем, я тоже решу, что кое о чём не стоит тебе рассказывать, не волновать чтобы. Так ты против не будешь?

— С хера ли? Нет, Катька, жена мужу все должна как на духу.

— А он ей нет?

— Верно.

— Это несправедливо.

— Это жизнь, малыш. И ты просто с этим смирись и забей.

— Боев, если бы я способна была смириться и забивать, то мы бы никогда не встретились. Потому что я смирилась бы и осталась под Вознесенским!

— Да при чем тут...

— Да при всем, дубина упертая! Нельзя тут так, а тут вот эдак! Если ты хочешь от близкого человека полной откровенности, то и в ответ ее давай. И верь, что этот человек ее потянет. Тебя потянет настоящего.

— Сказала девушка, что не раскололась передо мной ни под какими пытками.

— Я...

— Не надо мне о причинах петь, Катюха. Они у всех и всегда есть.

— Я не раскололась, потому что сначала не доверяла тебе, а потом ты мне стал внезапно слишком дорог, Андрей! И я ни за что не хотела, чтобы из-за меня ты пострадал, если бы старый урод меня нашел бы. Пусть бы он меня забирал, но тебя бы не тронул. А ты взял и все испортил!

— Хуй ему по всей морде, а не тебя, Катька! И не бывать тебе героиней, ясно?

— Не знаешь ты его, — покачала она печально головой. — Он псих временами.

— Не психованней меня, когда тебя касается. И все на этом, не вспоминай больше. Сунется — я сам разберусь. Тебе вникать не надо. Вот о таком умолчании я и говорю, конфета моя, а не о гульках, ясно?

— Андрей, ты не пре...

— Марш мыться и давай спать! Все!

Глава 60

Мы не продолжили наш спор после ванной. И на утро. И через день. Боев проявил феноменальную упертость в этом вопросе, наотрез отказываясь обсуждать тему взаимной открытости. И это неожиданно повисло над нами, как еще одно мрачное облако на чистейшем и прекрасном небе общего рая. Потому что в остальном все оставалось по-прежнему. Мы трахались каждое утро, безбожно опаздывая на работу, мы тискались и целовались, как подростки, при любой возможности, частенько выхвывая отповеди от всяких строгих тетечек и дядечек о недопустимости такого поведения в общественных местах. Мы готовили вечерами вместе, и когда у нас не случались в гостях мой брат и Камнев, то ужин превращался в откровенную порнографию. Мы валялись вечерами в обнимку перед телеком, пересматривая обширную коллекцию Андрея, иногда хохоча, как два придурка на одной волне. Причем порнуха так и оставалась неприкосновенной, потому как «да нах она нужна, у меня и так стоит, как у малолетки, а фокусам я тебя и сам научу».

В общем, все-то у нас было хорошо, мой мужчина-праздник таковым и оставался, заставляя меня засыпать и просыпаться с улыбкой, но на душе все равно осадок у меня оставался, как себя ни ругала. Может, я и правда высасываю проблему из пальца? Или лицемерю. Сама смогу ли открываться Андрею полностью, вот прямо до дна? И в самом деле разве мне нужно знать обо всем, что происходит в его жизни? У него же вон работа какая, люди с проблемами своими приходят, не звонить же ему об этом по всем углам. Но с другой стороны... он ведь теперь мой, а значит, все, что может случиться с ним, меня касается напрямую. Короче, не выходило у меня смириться. Вот никак. Видно, плохо стараешься, Сомова.

На следующее утро после моего скандального визита к брату, тот пришел на работу хмурым и взъерошенным.

— Все плохо? — с тревогой спросила я, ответив на его приветствие.

— Нормально, Кать. Так, небольшие осложнения. Бывало уже, — отмахнулся Николай.

— Не помирились?

— Анька к родителям смоталась. Вернется — помиримся. Давай лучше по кофею, а то башка трещит — жуть.

— А... — Мне неловко было лезть не в свое дело, но чувство вины грызло нещадно. — А сам ты не...

— Не поеду! — отрезал брат. — Не я тот, кто не прав в этой ситуации.

И, помрачнев еще больше, он ушел в подвальный спортзал.

— Вот дурак тут твой брательник, — безапелляционно заявил мне Андрей, когда я поделилась с ним вечером. — Без обид, малыш, но правда это. Вот не трепал бы языком о своих планах ни тебе, ни тем более Аньке своей, сделал все по-тихому и не спал бы сейчас один и не ходил с унылой рожей.

— Ну прекрасно, ты используешь их ситуацию, чтобы уверить меня в своей правоте в этом вопросе?

— Э-э-эм-м-м... нет. Я же не хочу повторить судьбу Шаповалова и спать на диване. Так что ничего я не использую, просто к слову пришлось.

— А ты бы сам поехал ко мне мириться? — поинтересовалась я, и Боев закатил глаза.

— Я бы не стал для начала так по-глупому ссориться, Катюх. Потом бы лучше запер тебя, чем отпустил. Перепсиховала бы, потрахались жарко на эмоциях и поговорили бы потом по-людски.

— Что-то меня пугают твои методы. Очень тиранию напоминает.

— Фигня какая. Просто бегать с психу — дурость, Кать. С психу, знаешь ли, вы ба... женщины вечно всякие экстремальные вещи вытворять способны, особенно когда какой-нибудь «понимающий» долбоеб под руку подвернется. А потом что? «Ой, все, конец всему, я тебе в глаза смотреть больше не могу!» Мне такое надо у нас? Правильно, не надо.

— Это ты из личного опыта говоришь? — ехидно и ревниво прищурилась я. — Сам бывал этим понимающим?

— Без комментариев, конфетка, — Боев, хитро ухмыляясь, начал пятиться с кухни, а я бросилась за ним, лупя полотенцем.

Аня появилась на четвертый день. Без макияжа, украшений, с опухшими глазами и таким печальным выражением лица, что у меня слезы навернулись. Ведь это моя, считай, вина, что брат ходит мрачнее тучи и она вот, видно, нарвелась за это время. Я даже вчера опять обнаглела и пристала к Кольке, предлагая съездить к Ане вдвоем и уговорить вернуться, объяснив, что никаких трат на меня не нужно и не собираюсь я их семье на шею садиться. Но брат неожиданно озлился и выговорил мне жестко, что он тут мужик и ему решать, что нужно, а что нет и кого себе на шею сажать. Да уж, не такие они с Боевым и разные. В чем-то упертые бараны, ужас просто.

— Привет, Катя, — прошелестела Аня едва слышно.

— Привет. — Я не знала, куда и глаза девать.

— Коля здесь?

— Да-да.

— Можешь уточнить, готов ли он со мной увидеться?

— Да конечно готов! — зачастила я. — Он ждет тебя все эти дни. Ходит мрачный. Аня, ты прости меня, что поссорила вас. У меня и в мыслях...

— Кать, это ты меня прости! — Аня опять, как при знакомстве, схватила меня за руки, навязывая близкий контакт, от которого мне стало еще неуютнее. — Повела себя как дрянь распоследняя. Совсем я уже с этой подготовкой к свадьбе умом тронулась. Прости, а?

— Да нечего мне тебе прощать. Нам надо дружить, Николай-то у нас один на двоих, — попыталась пошутить я.

— Да-да, точно, — закивала нервно Аня, отводя глаза.

— Соберемся, может, опять?

— Обязательно! А знаешь, пойдём в салон красоты со мной? Завтра же выходной, так?

Глава 61

— Да, но...

— Пожалуйста, Катя. Давай пообщаемся по-девчачьи, расслабимся, обсудим планы нормально. Ну, как семья настоящая. Я за эти дни стала как чучело зареванное, тебе вон руки стоит в порядочек привести.

— А хорошая идея, девчонки! — появление Николая мы пропустили обе и аж подпрыгнули от неожиданности. — Гульните от души, все оплачу!

— Коль... — всхлипнула Аня, поворачиваясь к нему. — Коль, я...

— Малыш, иди ко мне! — Брат раскрыл девушке объятия и шагнул к ней.

Аня повисла у него на шее, всхлипывая и бормоча что-то, он обнимал ее и бурчал на ухо в ответ. В общем, я тут была совершенно лишней. Облегченно вздохнув, я убежала в кабинет к моему саблезубому, рассказала ему о примирении, о планах на завтра, и он тут же принялся ворчать. Но я зацеловала его до обоюдных хриплых стонов, и он согласился отпустить меня на пару-тройку часиков ради благородного дела укрепления внутрисемейных связей. Но пообещал затрахать безжалостно по возвращении. А я не возражала. Сам потом поймет, какой коварный сюрприз его ждет в виде невозможности трахаться часов десять после эпиляции. Эх, светит мне боль в горле однозначно. Но разве я против?

* * *

— Да меня Аня могла бы забрать! Ну повалился бы еще, Андрей! — увещевала я упрямого котяру, что, бухтя спросонья, собрался непременно отвезти меня до места. — Я же все равно адреса салона не знаю!

— Не знаешь — спросим, — не уступал он. — Как раз буду знать, где забрать тебя.

— Боев, ну что за контроль тотальный?

— Не выдумывай. Просто эта Аня твоя всего два месяца, как права получила. — Вот же засранец — все вынюхал. — Дураков на дороге хватает, а у нее опыта недостаточно.

— Для чего недостаточно? Возить мою королевскую особу? — фыркнула я.

— Просто не спорь, ладно? Ведь все равно без толку.

Ага, спорить с ним — та еще задачка. Не каждому по силам.

— Ты тиран.

— Я твой саблезубый кот. А коты все с тем еще характером. Видела бы ты Яровского Шрека!

Аня ждала нас у дома Николая и поставленная перед фактом, что до места меня повезет Боев, вела машину, за которой мы следовали, действительно как-то дергано, давая повод Андрею корчить в пути мне «я же тебе говорил» рожи.

— Максимум три часа, — буркнул он мне, целуя на прощанье. И еще разок для верности. И сверху раз — заполировать.

— Ну уж как получится, — борясь с бурным дыханием, ответила ему.

— Да чего тебе там украшать в салоне этом. Лишь бы не испортили конфету мою.

Приветливые девушки выдали нам с Аней одноразовые халатики и проводили первым делом в душ. Вскоре мы, обмазанные зелено-коричневой кашкой и упакованные в пленку от шеи до пяток, лежали на кушетках и болтали. Вернее, болтала в основном Аня, а я почти дремала, только угукая в нужных местах. У меня вообще-то ночью спать времени маловато выпадает.

— Кать, пойдем покурим перед ногтями и волосами, — подмигнув, предложила девушка, как только нас развернули и мы отмылись.

— Да я не курю. И ты, может, не выходила бы сейчас, простудишься еще.

Блин, я как старушенция, но реально никуда идти неохота.

— Да ерунда, я мигом!

Я уселась в кресло, дожидаться мастера, а она убежала по коридору. Заслышав чьи-то тяжелые шаги, обернулась и с криком рванула с места. Но бежать отсюда было некуда.

— Ну что, отбегалась, сучка? — ухмыльнулся наступавший на меня жирдяй Леха, за спиной которого маячил еще один незнакомый мне амбал. — Не рыпайся, пора ехать к законному владельцу, дрянь мелкая.

— Быстрее! — послышался из коридора нервный голос Ани. — Спят нас!

Это она? Меня им? За что?

— Хрен ему! — рявкнула я и, метнувшись в сторону, схватила первое что попало под руку — расческу с ручкой, заканчивающейся тонким острием.

Завопив, что есть сил, прыгнула на Леху и ткнула в район его лица своим орудием.

— Паскуда! — взвыл он, схватившись за пропоротую щеку.

Но тут второй мерзавец врезал мне в челюсть, и, отлетев к стене, я отключилась.

Глава 62

Само собой, я отдавал себе отчет, что веду себя как прилипала и debil, упрямо не желая сначала просто отпустить девчонок одних, а потом и будучи не в состоянии отцепиться от Катьки перед салоном. Присосался к ней, донимая поцелуями, будто на сто лет прощались. Просто... ныло как-то гаже некуда внутри. Сердце, как говорится, болело, и жопа чувала не пойми что. А она у меня редко ошибается. Я еще постоял минут десять перед салоном, внимательно оглядывая улицу. Потом обозвал себя параноиком. Права, может, Катька, и во мне с ее появлением открылись тиранские замашки? Спал внутри маньячила, на контроле помешанный, прятался там за раздолбаем безбашенным, а теперь вот лезет на свет божий, собираясь моей девочке нервы на кулак наматывать. Я с такими дурнями, патологически ревнивыми, каждый шаг и вздох своих женщин отслеживающими, сталкивался в достатке еще в ментовке и здесь, в охране. Добра из такого не выходит. А у меня, как погляжу, все симптомы и шансы докатиться до ручки на этом поприще.

— Кончай это, Андрюха, — велел сам себе, садясь в тачку. — Катюха такого терпеть ведь долго не станет. Хлебнула уже этого говна и по неопытности тотальный контроль, как другие дурехи, за заботу не примет. Не прокатит, и налажаешь.

Взяв себя в руки (частично, потому что ноющие сердце и жопа, сука, никак не унимались), завел бэшу и покотил от салона, задаваясь вопросом, куда же мне податься и перекантоваться эти пару-тройку часов. Через несколько кварталов глаз зацепился за новый цветочный магазин. А я-то своей карамельке так никакой растительности, кроме той колючей типа ворованой елки, и не подарил. Плохо, Боев, недорабатываешь ты в отношениях, мужик. Припарковался и зашел в небольшое, ярко освещенное помещение, битком набитое всякой цветочной всячиной. Какие, интересно, цветы по душе моей Катьке? Я же баран даже не удосужился спросить ее ни разу. Так высмеял ее наивненько-романтическую грезу об ухаживаниях долгих и красивых, а все потому что должны они были быть не от меня, а от мудилы неизвестного особенного. А сам-то не мудила? Ни разу девочку свою

не порадовал венником, да хоть одним цветочком. Будем исправляться, причем радикально.

— Добрый день! — улыбнулась мне полненькая дама средних лет, заметив, как я зыркаю по сторонам в ее пестром царстве. — Ищите что-то конкретное?

— Очень конкретное. Я своей девушке цветы хочу подарить, но знать не знаю, что она любит, — признался честно.

— Белые розы — почти беспроигрышный вариант.

— Мне почти не надо, мне на все сто бы. Так что давайте всего, что есть, по вен... букетику.

— Всего? — Она сначала ошалела, а потом прямо-таки влюбленными глазами на меня уставилась. Ага, тетенька, можете сегодня уже закрываться, как уйду.

— Всего, — подтвердил я. Хули мелочиться, чай не последний хер без соли доедаю.

Отъезжал от магазина минут через сорок я с задним сиденьем, набитым цветочной похабенью, и очень надеялся, что после такого скрести на душе перестанет. Даже пытался Катькино лицо представить, когда увидит все это. Но внезапно безотказная до сих пор бэха заглохла на перекрестке, и я, глянув в зеркало, внезапно осознал, что зрачки у меня ну, бля, чисто как у нарика. Здоровенные, аж радужки не видать. И то, что как я ни затыкаю интуицию, меня на самом деле почти колбасит, сердце молотит как бешеное. Да что за на хер-то? С чего я докатился до трясушки истерической, как телка перепуганная?

— Да не насрать ли с чего?! — рявкнул себе же, заводя тачку и разворачиваясь с визгом через две сплошные, и проорал засигналившим моей борзости соседям по дороге. — Пошли на хуй у меня жопа горит!

Понесся обратно и чуть не впоролся лоб в лоб с серебристым седаном «Ауди», вылетевшим, как демон из ада, из переулка, где был салон. Обматерил слепого мордатого торопыгу и подкатил к дверям самым. Почесал в затылке, скрипя мозгами на тему, как оправдаю перед Катькой свое возвращение.

— Ой, бля, да никак, — отмахнулся от невозможного. — Ну дурак и все тут, тоже мне новость.

Вылез из машины, думая, прихватить ли что-то из веников, но тут из дверей салона выпорхнула Аня, тарахтя по телефону, и, не заметив меня, потопала к своей тачке.

— Да, забрали, — дрожащим голосом сказала она кому-то, и бум! — вот тут мое молотившее сердце замерло, а нервы натянулись струнами звенящими, приводя всего в боевую готовность. — Нет, прямо из салона. Пришлось так. Да знаю, что палевно! А что я могла сделать? Да легко тебе говорить! Ты же только и делаешь, что умничаешь издали да бабок дожидаясь! А я все сама! И что, что ты все организовал? Исполнять-то мне! А эта бешеная чуть глаз одному из этих амбалов не выколола! А если бы она на меня...

— Если бы что, Анчутка? — прорычал я ей в самое ухо, жестко ухватив за локоть. — Катька моя где?

Колькина подружка завизжала, роняя телефон, но я ее заткнул, приложив спиной об стену. Не покалечил, но дух вышибло, останавливая шум.

— Андрюша! — Лицо девки исказилось сначала в испуге, потом изумлении, глаза заметались, и через секунду она скривилась, имитируя расстройство. — Как хорошо, что ты появился! Я как раз собралась Коленке звонить, рассказать, что Катя пропала. Я вышла покурить, вернулась — нет ее. Она ведь с тобой, да? Что же она меня не преду...

— Не еби мозги, Анька! Катька, спрашиваю, где?!

Глава 63

— Не знаю, я думала она к те...

— Брешешь! — Я прихватил сучку за горло, и прижал чуть. А мою глотку стиснули паника и ярость. Как же я отпустил тебя, конфеточка моя, как не доглядел!

— Что ты делаешь! Отпусти!

— Где. Моя. Женщина.

— Я не знаю! Помогите! — заметив прохожих, Анька заголосила и попыталась отбиться. Махнула своими яркими когтями, метясь в глаза, но я изловил ее грабарки и прижал к стене над головой.

— Помогите! Насилуют! — опять завопила она.

— Да сдалась ты мне! А вы мимо шли — так и валите! — огрызнулся я на завозмущавшихся незнакомцев, и те оказались, видно, не из героев. Свалили от греха подальше. — Слушай, дрянь, ты лучше колись. Я же из тебя все вытрясу, ты о том, какой я гад с бабами, слышала небось.

По округлившимся в ужасе зенкам понял — слышала. Ну вот и супер, пусть моя поганая слава поработает на пользу в кои-то веки.

— Я не зна...

— Не пизди! — рявкнул и тряхнул, отрывая от земли.

За Катьку мою угроблю. Насрать, что баба, мой грех будет.

— Коля тебя уроет! — захрипела она, и наконец из суки полезла ее злость: — Сдохнешь, козел!

— Уроет или нет — еще вопрос, когда узнает, что ты его сестру сдала уроду и насильнику. Сдала ведь, паскуда, или продала даже.

— Да какая она сестра! Мошенница! Колька — дурак, и ты туда же, поверили в ее рассказы! Она воровка и мошенница, мы с отцом все о ней узнали!

— Слили вы ее за бабки сто пудов, а не узнали.

— Да какая разница! Забрали эту аферистку, и хорошо!

— Дура ты! Куда забрали, отвечай!

— Это Катя ваша — дура и тварь неблагодарная! Жила как в раю, все имела! Так нет же, предала мужчину порядочного, обокрала и в бега подалась.

— Куда забрали?! Ну! Считаю до трех и ломаю тебе запястье. — Я сжал ее руки, и Анька опять заголосила.

— Чего с девчонкой творишь, урод! — влез какой-то незнакомец и попытался огреть меня палкой. Не отпуская горла Аньки, повернулся и встретил его ударом ноги в грудь. Отдохни, спаситель, бя.

— Ну? — треснул дрянь об стену лопатками еще раз. — Говори или выбирай: правая или левая. Для начала.

— Я должна была отвезти ее на съемную квартиру! — выпалила девка, хватая воздух. — И дать им фору час-полтора, прежде чем поднять тревогу!

— Адрес, — потребовал я и потащил спотыкающуюся продажную шкуру к бэхе. — Со мной поедешь.

— Ни за что! Отпусти!

Но я, не слушая, волочил ее за собой, набирая свободной рукой Камнева.

— Яр, Катьку забрали, я за ней, — без прелюдий сказал ему и продиктовал адрес. — Анька Колькина со мной. Это она Катьку продала. Оставлю ее в тачке, пусть забирает и решает сам.

— Коля тебе не поверит, ублюдок! Он меня любит!

— Не поверит — сам дурак.

Похуй мне сейчас и на эту тварь, и на Кольку. Нет, на Шаповалова я еще и злюсь пиздец как. Это его вина, его и его болтливого языка, на хера выложил все своей подстилке тупой. Любит он ее, ага. Доверяет. Секретов у них нет, не то что у нас, да, Катюха?

— Отпусти-и-и! — задержалась снова Анька, когда стал запикивать в машину.

Бросить бы ее — адрес уже есть. Но не факт, что не спиздела, и не надо мне, чтобы предупредила сообщников. Но чуть отдохнуть можно отправить. Я точно рубанул ребром ладони в основание ее черепушки, и Анька обмякла.

Нужный адрес оказался особнячком за высоким глухим забором на окраине. Правильно, как девушку, похищенную, куда-нибудь в гостиницу тащить? И, судя по тому, что услышал в разговоре Аньки, моя девочка и просто так даваться не собиралась, дралась. Это и радовало, и пугало. Моя маленькая боевая тигрица. Только бы тебе за это не досталось сильнее, пока я до тебя доберусь. И только бы тебя отсюда еще не увезли.

Припарковался я через два двора от нужного дома. Пристегнув руку еще отдыхающей в беспомощности Аньки наручниками к ручке двери, я нашарил под сиденьем травмат. Поменял пару патронов на светошумовые. Вреда от них мало, если только в упор шмалять, но оглушит и ослепит и даст мне фору. Эх, было бы время, смотался бы за Катькиным стволом, но чего уж. Буду так справляться. Вылез и, не мешкая, перелез через забор соседнего с похитителями двора, как раз успев засечь, что тот самый серебристый седан стоит перед крыльцом. Здесь еще, значит. Хорошо. Держись, карамелька, твой саблезубый идет за тобой.

Глава 64

Боль в голове плескалась просто адская. Даже дышать мешала.

— Идиоты, вы ее хоть не убили? — Голос, что ненавидела больше всего на свете, врезал по мозгу, добавляя мучений. — Катька! Проснись!

— Живая эта... — проныл Леха.

— Пасть не разевай!

— Да вы посмотрите, Дмитрий Алексеевич, что она с моим лицом сделала.

— Плевал я на твою рожу. У нее что за жуткий синяк будет! Я на нее такую без слез же не гляну. Гусев, удавлю, скота!

Ах ну да, ебанный Димасик и его закидоны насчет следов на лице. У меня внутри все сначала сжалось от страха и мерзких воспоминаний о прикосновении его лап, а потом стремительно стала разгораться отчаянная ярость.

— Ну, Дмитрий Алексеевич, она же сама... — проканючил явно тот незнакомый амбал. — Она как демоница на Леху бросил...

— Сам он виноват, хлебалом не надо было щелкать. Два дурака здоровых не смогли девчонку без эксцессов скрутить. Значит, за дело и схлопотал.

— Шрам останется, — нудил жирдяй, а я приоткрыла глаза, осторожно глянув сквозь слипшиеся ресницы.

Вознесенский нависал надо мной, двое его громил неловко топтались в дверях. Комната незнакомая, окно справа задернуто плотными бордовыми шторами. Моя правая рука задрана и, судя по давлению и холоду, к чему-то привязана или пристегнута. Хреново.

— Не ной, доплачивать все равно не буду. Твой косяк, что Катька вообще удрала.

— Не только мой! — возразил Леха.

— Марат свое получил и еще долго жалеть о своем ротозействе будет. Ни его, ни его бабу никто в моем городе и улицы мести или сортиры мыть не возьмет теперь. Пусть вон дочек своих на панель выставляют, чтобы прокормиться.

Вот черт, как же так! Небось сто раз уже проклял меня бедный Марат. Но это еще хорошо, что козлище старый правды о его роли в моем побеге не разнюхал. А то было бы все куда как хуже.

— Катя! — позвал меня жирный урод и стал брызгать в лицо водой. — Ты меня слышишь?

Слышу, к сожалению, но видеть не хочу. Лучше ослепнуть. И память потерять начисто о том, что ложилась под тебя. Аж тошнота подступает.

— Идиоты! — заорал Вознесенский уже в полную силу, взрывая мой больной мозг. — Как ее везти в такую даль? А если у нее сотрясение тяжелое? Угробили мне девку!

Правильно, игрушка сломалась, брось ее и вали домой.

— Вы же сами говорили, что как найдете, избьете до полусмерти, попользуете по-всякому и в притон продадите самый ху...

— Я избью! Я, тупой баран! Моя девка: захочу — избью или убью вообще, а захочу — прощу. Не твое собачье дело, холоп! Иди ищи мне какого-нибудь доктора-частника, чтобы посмотрел Катьку и сказал, можно ли везти сейчас.

Цепные псы мигом смотались из комнаты, оставляя меня с ненавистным мучителем наедине, и я перестала прятаться, распахнув глаза и уставившись в упор на Вознесенского.

— Ну, здравствуй, тварь ты неблагодарная, — процедил он. — Побегала? Пизду свою ебливую начесала?

Не начесала. С моим саблезубым она чешется постоянно и чесаться всегда будет. Но только для него одного.

— Отпусти, — дернула рукой и наручники звякнули о витые железки изголовья. — Ты меня ничем больше не удержишь.

— Так уж и ничем? Неужто мать, какую-никакую, но родную, не пожалеешь?

— А она меня пожалела? Плевала я. Предупреждаю: добровольно под тебя не лягу. Будешь силой брать — стану драться насмерть. Убегу при любой возможности.

— Оборзела без твердой руки, шалава мелкая?! К кому побежишь, а? К братцу или к ебарю своему? К Боеву этому? Хорошо драл?

Так, что тебе и не представить, но не твое это свинячье дело.

— Чего молчишь, думала не узнаю? Не найду?

— Не ты меня нашел, а дура Анька сдала.

— Сдала и не задешево. И себя на твое место предлагала. А потому что не она дура, а ты, Катерина. А она как раз баба умная.

— Ну так и еби ее, а меня отпусти.

Вознесенский кинулся ко мне и сжал горло.

— Я тебе, сучка блудливая, сто раз говорил, что если ты не подомной будешь, то и ни под кем?! Говорил? А? — зашипел он мне в лицо, и замутило еще сильнее от его вонючего дыхания и приторного парфюма. — Удавлю, но хуй в тебя совать никому больше не позволю. Ты моя!

— Ну так и давай, удави! — прохрипела я, глядя на него прямо, с ненавистью, и, сдвинувшись так, что наручник врезался в запястье явно до крови, извернулась и лягнула подонка куда пришлось. — Ты меня теперь только мертвую и трахнешь, ясно?

— Сука-а-а-а! — противно захрипел Димасик, падая с кровати и не сразу поднимаясь. Видно, удачно я попала, жаль совсем не успокоила. Вскочил он и, схватив свою же рубашку — первое что под руку попало, — принялся в психе хлестать меня, дергая ремень. Было бы не больно даже, если бы не пуговицы, они, врезаясь, обжигали кожу, будто мелкие угольки. — Я же с тебя, как приедем, шкуру спущу! Гадина, ты у меня в ногах валяться будешь, умоляя пожалеть! Тебе все прежнее сказкой покажется! — Где-то что-то громко бахнуло, как если бы тяжелое на пол уронили, но Вознесенский уже так разошелся, что и не обратил внимания, орал дальше, брызжа слюной, глаза на выкате, дыхание свистит. Хоть бы ты сдох. — Будешь обувь мне, как псина, вылизывать и бога молить, чтобы, как трахну, не избил. А парней отправлю этого твоего Боева навестить. И они его не просто замочат, Катька, а пытаться будут, пока не сдохнет, и все еще на камеру снимут. И будешь ты смотреть. Каждый раз как я тебя, сучку, драть стану, смотреть будешь!

— Да чего меня навещать, я и сам пришел. — Голос Андрея прозвучал негромко, но внезапно перекрыл собой все вопли Димасика. Я закричала от радости и в то же время страха за него. — И червей ты, мразь, кормить будешь, а не девочку мою...

Глава 65

Не договаривая, он метнулся вперед молниеносно, впечатывая кулак в перекошенную от злости и изумления рожу Вознесенского, и того отбросило к стене. Но гад не отключился.

— У-у-у-у-у, — провыл он, корчась на полу. — Ты на кого руку поднял?! Покойник! Я тебя закопаю! Гусев! Цуканов!

— Карамелька, ты как? — не обращая на слизняка внимания, Андрей склонился надо мной, сноровисто освобождая руку. А я кинулась гладить его лицо свободной, стремительно теряя резкость зрения от поперших наружу слез.

— А... Андрюша! — всхлипнула я, обхватывая его шею уже обеими руками. — Как ты меня нашел?

— А как бы не нашел? Мне ж без тебя теперь никак, Катюха. Я ж тебя люблю уже, — почти протараторил он, поднимаясь вместе со мной. — Ты идти можешь? Он тебе ничего...

— Нет-нет, не успел. Я бы не далась, веришь? Лучше бы умерла.

— Руки от нее убери, ублюдок! — Вознесенский таки встал на ноги и, схватив стул, замахнулся на Андрея под мой крик.

Боев выронил меня обратно на кровать и перехватил его оружие над своей головой. Рванул, отбирая, и рыкнул мне:

— Конфетка, глазки закрыла и отвернулась. Ну!

Я послушалась беспрекословно, еще и уши зажав. Но это не помогло не услышать истошные вопли и звук нескольких тяжелых ударов, с последним из которых и наступила тишина.

— По сторонам не смотрим, малыш, быстренько уходим.

Мне на плечи легла тяжелая дубленка Андрея, и он обнял меня, поворачивая так, что мое лицо очутилось у него чуть не под мышкой. Он так и повел меня, настойчиво увлекая прочь. Но буквально через несколько таких шагов вслепую остановился и резко отпихнул меня себе за спину.

— Слышь, дурачина, ствол-то опусти, — сказал он властно кому-то, мне невидимому. — Катюша, живенько сдай назад, вправо кухня, прыгай там в окошко.

Не пойду я без тебя, саблезубый. Хоть режь меня!

— Никуда она не пойдет! — огрызнулся тот самый вырубивший меня громила. — И ты тоже! Ты мне руку сломал, козел!

— Руку не голову. Но если пукалку не уберешь, я это мигом исправлю.

— Дмитрий Алексеевич! — крикнул тупой охранник.

— Нет его, — ответил Боев. — А ты есть, и если не баран совсем, то...

Боев больно двинул мне локтем в грудь, роняя на пол, и еще не успела приземлиться, по ушам грохнул выстрел. За тем, как Андрей сначала отшатнулся к стене, а потом прыгнул вперед, я почти и не уследила, четко увидела только уже его сидящим на противнике и наносящим глухие удары, от которых даже пол содрогался. Неподалеку увидела и валяющегося неподвижно Леху, у которого вместо глаза, что чуть не выколола я, зияла обугленная дыра. Судьба у тебя такая, жирдяй. И мне ни капли не жаль. Никого.

— Кать-Кать-Кать, не-смотри-не-смотри! — зачастил Боев, подхватывая меня с пола, пялившуюся на труп, как обмороженная.

И меня сразу отпустило, я вцепилась в его свитер, затряслась, завывая, и полезла его всего слепо щупать, целуя куда попало.

— Ну ты чего, карамелька, я цел. Куда там этому мазиле попасть в твоего мужика. Пошли-пошли отсюда, не надо тебе тут быть. Все кончилось, забывай. Бля, ты же босая!

— При... приехал за мной, — ревела я, не в состоянии остановиться. — На... нашел... Спас...

— Ага, это фигня, Катюха, я тебе еще цветов привез. Выбирай, какие хочешь. Там этого добра полмашины, — пробормотал мой любимый, сдернул с дивана в незнакомой гостиной покрывало, завернул меня и поднял на руки.

— Цве... тов? — всхлипнула я.

— Ага, прикинь. Ты какие любишь?

— Я тебя люблю-ю-ю-ю-ю! — взвыла я, обхватывая его шею и расклеиваясь окончательно.

Эпилог

— Да что ж так долго-то! — рыкнул сквозь зубы Камнев, что уже чуть не канаву вытоптал в полу приемного покоя, мечась тут от стены к стене, как зверюга в клетке.

По дороге сюда мне пришлось выпереть его из-за руля, потому как был он малехо неадекватен. Мыслями точно не здесь, и пару раз чуть не тронулся на красный и не завез нас с Катюхой под автобус.

От валерьянки, предложенной моей конфетой, он категорически отказался.

— Вонять еще буду, Рокс учует, подумает, я какой-то...

— А то ты сейчас и так не такой, — буркнул я себе под нос.

Целый ворох букетов и коробки дорогущих конфет и алкоголя он буквально вывалил на бедолагу медсестру, которая к нам вышла, глядя не на нее, а только в коридор, ей за спину. И вот уже минут двадцать метался тут, выглядя все более отчаянным. Бля, он хоть в обморок не хлопнется, прости господи, когда его спиногрызов вынесут?

— А как назвали? — неожиданно вспомнил я.

Вот хорош из меня друг. За своими движняками и любовью не спросил даже. Яр не остановился и не среагировал.

— Миша и Ксюша, — прошептала Катька мне на ухо.

— А ты откуда... — зыркнул на нее я и нахмурился. — Невнимательный я по жизни, да, Кать? Зато в постели зверь, скажи.

— Ага, тигр мой саблезубый, — тихонько захихикала она, и мне мигом захотелось найти укромный уголок, зажать ее и внимательно так ублажить, но настрой мне сбило появление госпожи Камневой.

— Принимайте, папаша, наследника! — уверенно сунула в неуклюже подставленные лапы та же сестра небольшой сверток одеял голубого цвета. Второй такой же, но розовый держала бледная, осунувшаяся, но улыбающаяся счастливо погремушка.

— Папаша! — окликнула медсестра намертво зависшего Камнева, что прилип глазами к лицу жены и так и стоял истуканом, часто сглатывая.

Ручищи, в которые вложили его сына, вдруг затряслись. Мама дорогая, совсем расхерачило нервами мужика. Чего так колбасит-то?

Нормально же все, радуйся давай. Вот я точно сразу гулянку закачу, когда Катька мне... Но будет это нескоро, нам и так по кайфу.

Катька бросила меня и торопливо подошла к Яру, аккуратно забрала младенца и кивнула мне на Роксану. А чего сразу я? В смысле... как это в руки-то брать?

— Уронишь — убью! — пригрозила мне Камнева, зыркнув страшно, передала-таки почти невесомую дочь и подошла к, видно, молнией к месту прибитому мужу.

Я с опаской глянул на мелочь, и та ответила мне пристальным взглядом глаз-щелочек. Бля, аж мороз по хребтине. Роксана обхватила ладонями щеки супруга-истукана, он покорно склонил башку, хотя я думал, вообще на колени бухнется, и они так стояли с минуту, соприкасаясь лбами.

— Домой нас заберешь, гризли? — наконец спросила погремущка, и только тогда ее муж отморозился.

Кинулся ко мне, отнял дочь, потом подскочил к Катьке, принял на второй локоть сына и понесся на выход вслед за женой. Ну и слава тебе господи, что-то я аж вспотел держать его сокровище.

* * *

— Слышь, Колян, ты кончай дурить и глаза заливать! — рявкнул я, обзрев бардачище, что устроил этот говнюк в лесной избушке Камневского деда. Еще и холодрыга, чуть не сосульки с потолка, как не околел он тут. — Катька уже извелась вся, переживает о брате-дебиле, а ты бухаешь все.

— Ей такого мудилу-брата и вспоминать не надо, так и передай! — пьяно отмахнулся придурок.

Уже третья неделя пошла, как он после подставы своей крысы Аньки попросил у Яра ключи и свалил типа «все обдумать и успокоиться». И, судя по количеству пустых бутылок и банок консервных валяющихся, работу мысли он проделал нешуточную.

— Вот сам и передашь, ясно? Я тебе не почтовый, бля, голубь. И рожу свою опухшую сестре предъявишь, в глаза ей посмотришь и объяснишь, какого хуя ее без родного человека оставить собрался.

— Отъебись, Боев! Я подставил ее. Я — тупое трепло, а не Анька. Если бы не мой язык поганый...

Оно, конечно, верно, но в итоге все и к лучшему, как по мне, вышло. Карамель моя теперь может жить спокойно, свободной и отомщенной. Концов хрен кто найдет, мы дружно все зачистили, мир почище стал, да и сам Шаповалов вовремя прозрел, поняв, что за змеюку почти вокруг сердца себе обернул. А то что ломает его сейчас, так что же, это неизбежная фигня, но проходящая. На себе проверено. Главное не позволить себе совсем в это втянуться.

— Не спорю, подставил, потому что доверял не той бабе, но кто из нас через это не проходил? Но не гробить же себя из-за одной суки. Их много, мужик, перебрать надо, прежде чем нормальную женщину найдешь. Вот я свою нашел, а ты, гад, ей боль причиняешь. Такого допускать я не намерен, хоть ты сто раз ей брат и мне уже почти родня и друг. Так что, Колян, даю тебе три дня на исправиться самостоятельно. Нет, так приеду, отпизжу, в наручники закую и увезу в город насильно реанимироваться. Опыт имеется. И наведи тут порядок, скотина! Видел бы такое Яровский дед, таких бы отвесил...

* * *

— Я прошу прощения, — в дверь моего кабинета с тихим стуком сунулся начопергруппы Мишка Орлов. — Тут у нас... э-э-э... Катерина Олеговна уснула.

— Чего? — вскинули мы с Камневым головы, отрываясь от схемы размещения постов охраны на новом большом объекте.

— Спит, говорю, она, — посторонился парень, когда я выскочил из кабинета.

Катька моя и правда сладко сопела, уместив голову прямо на собственные ладони на столе. Нет бы сказала, что задолбала ее работа эта, на диванчике вон в кабинете у меня уложил бы или вообще домой отвез.

— Ну еще бы она не задрыхла, — заворчал я негромко, поежившись под насмешливо-осуждающими взглядами. Думают небось, заездил девку. Кто кого еще. — Она уже два дня подряд подрывается ни свет ни заря и бегаёт на рыночек стихийный через два

дома от нас. Там какая-то бабулька, видишь ли, какие-то супервкусные квашенные огурцы выносит, и разбирают у нее все мигом. Не успеть боится. А огурцы те, тьфу! Кислятина невозможная.

— Кхм-м... — прочистил горло Мишка и, глянув многозначительно на Камнева, свалил из приемной.

— Я бы на твоём месте сходил и запасся домашним адреском той бабули кудесницы, — усмехнулся Яр.

— На кой?

— Мало ли. А вдруг среди ночи огурцы закончатся?

— И что?

— Не догоняешь, Андрюха?

— В смысле?

— Парфюм твой не бесит ее еще? Пена там для бритья не раздражает?

— Да с какой бы...

— Везет тебе. А то я сколько месяцев детским шампунем «Крякря» морду мылил.

Так вот чем от него по утрам-то несло.

— Ты это сейчас к чему? Чё за странности?

— Огурцы квашенные строго от одной бабули — это фигня, а не странности. Вот когда ей совдеповского мыла хозяйственного приспичит погрызть или там стену с известковой штукатуркой лизнуть...

Мыла? Нет, я удивился, конечно, когда Катерина наотрез отказалась позавчера петрушку в салат крошить. С какого-то хера «она воняет, как покойник». Нормальная петрушка, свежая, и откуда ей знать-то, как от покойников несет?!

— То самое время скорую вызывать? — язвительно спросил я.

— Да с чего скорую-то? На прием к гинекологу вести записываться надо. Беременным же витамины всякие особые нужны, кальций, чтобы ребенок рос.

— Ребенок? — ошалело уставился на него я. — Какой еще... Сука-а-а-а! У нее же эта... спираль.

— Андрюха, да ты как маленький в самом деле. Не залетают, только когда совсем не трахаются, а вы ж не из таких.

Я попятился в кабинет и грузно осел в кресло. Ноги чё-то не держали. Все же нормально было... Как так-то?

— Бля-я-я-я-я, да как же я Катьке-то скажу? — схватился я за голову, охреневая от ее возможной реакции. — У нее же планы вон, она учиться, работать хотела.

— Пф-ф-ф, не говори, — уже откровенно ржал Яр. — Месяцев через восемь само пройдет.

— Весело тебе? — окрысился я. — А она у меня сама еще ребенок! Пиздец-пиздец! А если она... Вдруг как с Роксаной с ней?! Да я же ебнусь! Как жить мне теперь? От нее же отходить нельзя!

— Да не ссы ты так, Андрюха. — Камнев сходил в приемную за коньяком и стаканами. Плеснул чуть не до краев и подсунул мне. — Нормально все будет.